

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

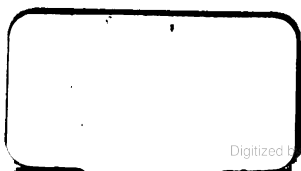
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

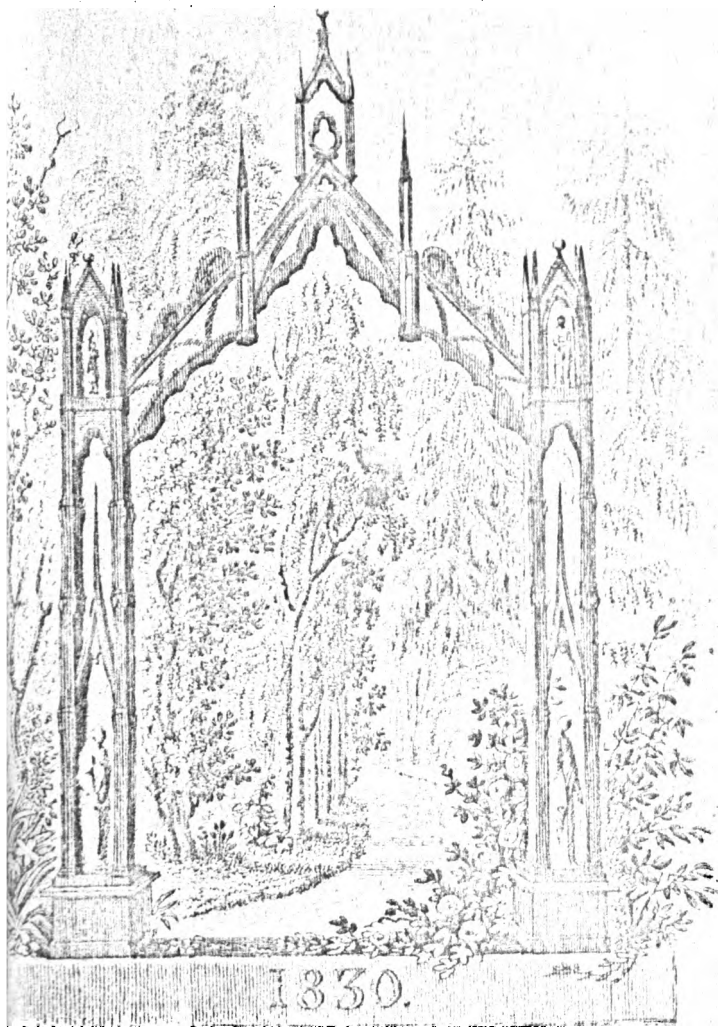
Slav 4170.555 (6)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

**This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by
University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965**

1830.

12. 1830.

12. 1830.

Δ
Slav ✓ 4170-555 (6)

NDEA

С Ѣ В Е Р Н Ы Е

Ц В Ѣ Т Ы

Н А 1830 Г О Д Ѣ .

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ѣ .

В Ѣ Т И П О Г Р А Ф И И Д Е П А Р Т . Н А Р О Д Н . П Р О С В ѣ щ .

1829.

РЗ 5001
76

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по оппечатаваніи пред-
ставлены были въ Цензурный Коми-
тетъ три экземпляра. С. Петербургъ ,
20 Декабря 1829 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

104837

'87

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Проза.

Стран.

Волконской (Княгини Зинаиды
Александровны).

Отрывки изъ пушковыхъ записокъ . . . 216.

Галки (О. П.)

Вступленіе большой дѣйствующей арміи
на позицію при с. Тарушинѣ . . . 158.

Крюкова.

Киргизскій набѣгъ 115.

Пушкина (А. С.)

Отрывокъ изъ литературныхъ руко-
писей 228.

Сенковского (О. П.)

Поръ, Арабская поѣздка 232.

Сомова.

Обозрѣніе Россійской Словесности за
первую половину 1829 года 3.

Кинимора (разсказъ рускаго крестьянина
на большой дорожѣ) 182.

*Поэзія :**Арз.*

Эпиграмма 97.

Баратынскаго.

Эпиграмма 5.

Сцена изъ поэмы: *Вбра и невбріе* . . . 88.

Муза 94.

Вяземскаго (Князя П. А.)

✓ Слеза 124.

Глинки (Θ. П.)

Не наша сторона 23.

Псаломъ LXVII 54.

Дѣла и видѣніе 62.

Царь и Мудрецъ 69.

Деларю.

Поэзія (Сонетъ) 24.

Къ Невѣ 48.

Ангелу-Хранителю 61.

Слеза любви 75.

Барона Дельвига.

Четыре возраста фантазіи 10.

Описавной солдашъ (русская пидишъ) . . 25.

	Стран.
Грусть	52.
Слезы любви	53.
Руская пѣсня	64.
Малороссійская мелодія	65.
Удѣлъ поэма	76.
Изобрѣшеніе ваянія, (Идилія)	126.

Измайлова (А. Е.)

Басни: Скопское правосудіе	46.
Обманчивая наружность	71.

Катенина.

Элегія	11.

Козлова (П. П.)

Къ шѣни ея	104.
Изъ Байронова Донъ-Жуана	106.

Котляревскаго (П. П.)

Малороссійская пѣсня	68.

Ободовскаго.

Эрминія (сельская элегія)	21.

Подлинскаго.

Противоположности	95.
Гурія	99.

Пушкина (А. С.)

Отрывокъ изъ 7 главы Е. Онегина	
Знакомый вечеръ	
Эпиграмма	
Олеговъ цинкъ	
2-го Ноября	
Къ * *	
26 Мая 1828	
Я вѣсть любилъ	
Къ N. N.	

Барона Розена.

Пусть любви	
Высшій обрядъ	
Могильная роза	

Ромтсева.

Въ Альбомѣ К. Н. У — вой	

Теплякова.

Сыранники	

Туманскаго (В. II.)

Спаси меня	3
Pensée	5

Туманскаго (О. А.)

Родина 78.

Хомякова.

Прощанію съ Адрианополемъ 3.

Шеміота.

Друзьямъ 57.

Шишкова 2.

Эльфа 39.

Безъ подписи соизинителей:

Элегія 77.

* * *

Сцена изъ трагедіи Шекспира: *Ромео*и *Юлія* 108.

ЗАМѢЧЕННЫЯ О ПЕЧАТКѢ.

Проза :

Слран.	строк.	напечатанно :	читанъ :
27	16	написанна	написаны
46	26.	къ изданному	къ изданному
234	9	въ	въ

Поэзія :

16	24	увы! исчезла	увы! исчезла
104.	4.	не тревожитъ	не тревожитъ
—	4.	не хочу	не хочу

П Р О З А.

ОБОЗРѢНІЕ

Россійской Словесности

ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ

1829 года.

Въ двухъ обозрѣніяхъ, составлен-
ныхъ мною за 1827 и 1828 годы, я
пытался представить читающей пу-
бликѣ, по возможности полный оп-
четъ о журналахъ и книгахъ, выхо-
дившихъ въ Россіи въ теченіе помя-
нутыхъ двухъ лѣтъ. Надѣюсь, что
издатели мои благосклонно приня-
ли мое намѣреніе, и великодушно пзви-
нили нѣкоторыя недостатки, могшіе

вкрасься въ сін обзорнія, тѣмъ болѣе, что объ иныхъ книгахъ я долженъ былъ писать въ то время, когда Обзорніе уже печаталось. Снизходительности, испрашиваемой мною у просвѣщенной публики, я не могъ и не долженъ былъ ожидать отъ журнальных критиковъ, которые, по большей части, слѣдуя внушеніямъ задышаго самолюбія, толковали мои слова и сужденія по своему, придавали имъ такой смыслъ, какой имъ самимъ хотѣлось найти или видѣть, часто даже надѣяли меня своимъ собственнымъ умомъ, не побоявшись разориться сами.... Богъ съ ними! я давно уже забылъ ихъ критики и антикритики, собственно ко мнѣ относящіяся, и не памятенъ плодиль о нихъ рѣчи.

Не брань и прищипки сихъ критиковъ, но замѣчанія людей благона-

мѣренныхъ и дву-годичный мой опытъ убѣдилъ меня въ неудобствѣ, представлять читателямъ *Стверныхъ Цвѣтовъ*, въ концѣ года, обзорѣе литературныхъ нашихъ пріобрѣтеній за цѣлый изходящій годъ. Повинуясь сему убѣжденію, я намѣренъ описывать составлявшъ мои обзорѣи только за *первую половину* текущаго года; но въ каждое изъ слѣдующихъ обзорѣи (если оныя будутъ) необходимо войдетъ и описанъ за вторую половину года, передъ концъ минувшаго. Придерживаясь, впрочемъ, прежняго разположенія въ сихъ описаніяхъ, я буду каждый новый литературный годъ начинать обзорѣемъ русскихъ журналовъ, посвященныхъ особенно словесности, или въ составъ конхъ постоянно входящихъ списковъ, собственно-литературныхъ: въ полгода, безъ сомнѣнія, можно достаточно позна-

комишься съ каждымъ новымъ журналомъ, и узнаешь, чего должно или можно ожидать отъ него впередъ.

Основываясь на сихъ правилахъ, начну я и нынѣшнее мое Обзорѣніе по прежнему, журналами.

Явленіе, весьма замѣчательное въ дѣйствіяхъ нашихъ журналовъ, обратило на себя, въ началѣ 1829 года, вниманіе наблюдателей: большая часть прежнихъ журналовъ получила нѣкоторыя преобразованія. Такъ, въ С. Петербургѣ, Сынъ Ошечества соединенъ съ Сѣвернымъ Архивомъ, и снова началъ издаваться еженедѣльно. Въ Москвѣ, всѣ безъ исключенія литературныя журналы подверглись большому или меньшему перемѣнѣ. Можно бы подумать, что и для журналовъ есть климатическіе годы, что и на нихъ дѣйствуетъ вліяніе планетъ, по которому они,

какъ бы невольцо, вдругъ подчиняющіеся одинакому стремленію, или шerpяты потрясенія и перемѣны въ эфемерномъ бытіи своемъ. Другое— правда, не новое и вовсе не удивительное явленіе, злобѣщею комешой висѣло надъ нашимъ журнальнымъ міромъ въ теченіе сего полугодя: это была такъ называемая *полемика*, или просто, *журнальная брань*, доходившая въ нѣкоторыхъ журналахъ до высшей степени неприличія или неуваженія къ публикѣ. Наконецъ, что-бы довершить характеристическій очеркъ нашихъ журналовъ сего времени, напомню, что въ изходѣ 1828 и въ первой половинѣ 1829 годовъ, предметомъ критикъ и антикритикъ содѣлался великій трудъ Карамзина: *Исторія Государства Россійскаго*, о которой журналы наши по большей части хранили равнодушное молча-

ніе какъ будто бы для того, чтобы послѣ разомъ высказать всѣ несомнѣвательныя сужденія, всѣ кривошолки объ исторіи вообще, и о твореніи Карамзина въ особенности. Послѣ я откровенно изъясню, въ приличномъ мѣстѣ, мои мысли о семъ предметѣ; а здѣсь предложу только *журналистамъ* нашимъ одинъ вопросъ (за рѣшеніе котораго Гг. издатели журналовъ должны бѣ были назначить награду): по какому странному направленію умовъ, или по какой своей правдой игръ случая, встрѣчаются подобныя явленія въ журналахъ, кои, во многихъ другихъ отношеніяхъ, совершенно противоположны другъ другу, и даже въ мнѣніяхъ своихъ явно разногласны? Должно ли это приписывать какому-либо умственному вѣщанію, или въ самомъ дѣлѣ обаятельному дѣйствію планетъ?

Указавъ на нѣкоторыя отличительныя черты прошлагоднихъ нашихъ журналовъ, взглянемъ теперь на каждый изъ нихъ въ особенності. Начнемъ съ издающихся въ Петербургѣ.

Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ, по соединеніи своемъ въ составъ одного журнала, сдѣлались политическіе, разнообразіе, и поному занимаемые прежде - бывшихъ обоихъ журналовъ порознь. Первою славнѣею постоянно въ немъ оспалась *излишняя словесность*, т. е. повѣсти, отрывки изъ романовъ и другихъ сочиненій въ прозѣ. Другая постоянная славнѣя, возстановленная снова въ *С. О.*, есть *современная политика*, т. е. обзоріе происшествій, о которыхъ получены офиціальныя извѣстія въ теченіе недѣли. Кромѣ того, въ журналѣ семь помѣщались

статьи касательно исторіи, статистики, теоріи словесности и другихъ наукъ; наконецъ критика, стихотворенія и сѣть. Въ послѣдней иногда являлись, подъ заглавіемъ *журнальнаго ящика*, короткія замѣчанія на промахи и нецѣлосовѣстности другихъ журналовъ, замѣчанія, кои часо возмущали желчь въ нѣкоторыхъ журналистахъ. Въ отношеніи къ чистотѣ рускаго языка и правильности слога, *Сынъ О.* и *Ствер. А.* имѣютъ неоспоримое преимущество предъ всеми другими журналами, издаваемыми въ обѣихъ епопеяхъ. Одного можно бы было пожелать оныхъ издателямъ; чтобы они съ большею строгостію выбирали стихотворенія, помѣщаемыя въ ихъ журналѣ, и чтобы не давали въ немъ мѣста длиннымъ критикамъ и антикритикамъ, когда въ оныхъ дѣло идетъ о кни-

гахъ, не имѣющихъ равной занимаемости для всѣхъ вообще чинашелей (*); имѣ больше, чино предметомъ сихъ кришикъ и ашикришикъ бываешь не столько польза науки, сколько безполезныя придирки къ слогу и выраженіямъ.

Сѣверная пгела принадлежишь лицературѣ только своимъ снаньями о книгахъ, о театрѣ и имѣ, конми оканчивается каждый ея лншпокъ. Сін послѣдній, въ теченіе 1829 года, содержали въ себѣ многія любопытныя подробности о происшествіяхъ, конми сопровождалсь подвиги славныхъ нашихъ воиновъ, въ Арменіи и за Балканами; подробности сін, изображенныя въ чашинныхъ пнсьмахъ

(*) Напр., кришики на книги: *Дентистика* и *Діететика юности*, и ашикришика за сію послѣднюю.

на имя издателей, вмѣстѣ съ оффиціальными извѣщеніями, кои почти всегда печатались особыми прибавленіями къ *С. П.*, представляющъ весьма полный очеркъ знаменитой кампаніи 1829 года, когда желанія и надежды всѣхъ пеннинныхъ Россіянъ едва устрѣвали за подвигами нашихъ героевъ. Другія снаны сего отдѣленія *Сѣв. Пчелы* состояли изъ путешествій, правдивенныхъ картинъ, переводовъ изъ сочиненій чужезычныхъ и пр. и пр. — Нѣкоторые снрогѣ судьи журнальные упрекали издателей сей газетъ, что они не помѣщаютъ большихъ критическихъ разборовъ въ снаны о новыхъ книгахъ; но сн судьи забываютъ, что въ газетѣ, не посвященной литературѣ въ особенности, такія проснранныя критики не могутъ печататься, ибо за ними не оставалось

бы мѣста для другихъ статей, составляющихъ существенную часть газеты политической, или служащихъ къ разнообразію листка, въ составъ коего должны входить всякаго рода новости. Для краткаго же библиографическаго извѣстія довольно, если въ немъ сказано нѣсколько словъ о содержаніи и достоинствѣ книгѣ, о ея слогѣ и о томъ, чпо въ ней хорошо или худо.

Славяникъ былъ таковъ же, какъ и въ предшествовавшемъ году. Кроме нѣсколькихъ новѣстей, довольно хорошо переведенныхъ Г. Тило, остальное въ отдѣленіи словесности сего еженедѣльника состояло изъ весьма посредственныхъ снхопвореній; далѣе, подъ названіемъ *Хаме-леонистки* и подъ другими заштыливо-нелыными заглавіями — изъ грубыхъ личностей, небылицъ и другихъ

подобныхъ снѣ замашекъ. Эпоть *Славянинъ* былъ самъ испиннымъ хамелеономъ: по жеваль тупыми зубами Грамматику Греча, по рылся въ журналахъ всѣхъ прошлыхъ годовъ, чпобъ ошпыскать въ нихъ придирки къ пѣкопормымъ другимъ журнализмамъ, копорые досадили ему тѣмъ, чпо ихъ книжки чппаются; по браыль безъ пощады пѣхъ людей, копорымъ прежде разночалъ самыя неумѣренныя похвалы. Слогъ эпого *Славянина-хамелеона* былъ также хамелеонскій: *Славянинъ* прикидывался въ нартѣи своемъ попеременно по Лопаремъ, по Чувашемъ, по жителемъ Барабинской степи. Повпору: онъ былъ испиннымъ хамелеономъ!

Новая дѣтская библіотека, издаваемая Г. Оедоровымъ. Скажемъ къ слову, что доброе намѣреніе издателя не всегда сопровождалось хо-

рошимъ исполненіемъ. Книжки его часно очень и очень опаздывали появленіемъ, и подъ часъ наполнялись спашьями, написанными наскоро, безъ дальняго размышленія о томъ, что вмѣстѣ съ полезною правдивеюною цѣлю, онѣ должны быть разнообразны и занимательны по содержанію. Главное условіе книгъ, назначаемыхъ для чтенія дѣтямъ, должно быть то, чтобы онѣ научали, не наводя скуки.

Изъ новыхъ литературныхъ журналовъ въ Петербургѣ издавалось два: *Дѣтскій драматическій вѣстникъ* и *Бабогка*. Первый изъ сихъ журналовъ, издававшійся по книжкѣ въ недѣлю, состоялъ изъ небольшихъ театральныхъ пьесъ для дѣтей. Выборъ и слогъ сихъ пьесъ вообще заслуживаютъ похвалу. — *Бабогка*, литературная газета, невѣдомо почему

названа *дневникомъ новостей*: спра-
ведливѣе было бы назвать ее *днев-
никомъ старины*, ибо въ ней весьма
часто печатались итакіе анекдоты,
которыя за полѣтка можно было чи-
тать во всѣхъ сборникахъ, во всѣхъ
французскихъ Апа прошлаго столѣ-
тія, время Вольтера и Грима.
Прибавимъ, что и слогу, которымъ
разсказаны сіи запоздалыя новости,
отмѣчается минувшимъ вѣкомъ: слогъ
сей вялъ, неправиленъ и нечистъ;
исключенія весьма были рѣдки. Въ
словахъ, переведенныхъ изъ загра-
ничныхъ журналовъ, замѣтно еще
было странное незнаніе предметовъ
самыхъ обыкновенныхъ. — Издавали
новыя журналовъ и газетъ долж-
ны бы были инвердо помнить, что въ
наше время нельзя уже спѣлываться
одними объявленіями и общаніями:
публика непременно требуетъ

рошимъ исполненіемъ. Книжки его часно очень и очень опаздывали появленіемъ, и подь часъ наполнялись спашьями, написанными наскоро, безъ дальняго размышленія о томъ, что вмѣстѣ съ полезною правдивеюю цѣлю, онѣ должны быть разнообразны и занимательны по содержанію. Главное условіе книгъ, назначаемыхъ для чтенія дѣтямъ, должно быть то, чтобы онѣ научали, не наводя скуки.

Изъ новыхъ литературныхъ журналовъ въ Петербургѣ издавалось два: *Дѣтскій драматическій вѣстникъ* и *Бабогка*. Первый изъ сихъ журналовъ, издававшійся по книжкѣ въ недѣлю, состоялъ изъ небольшихъ театральныхъ пьесъ для дѣтей. Выборъ и слогъ сихъ пьесъ вообще заслуживаютъ похвалу. — *Бабогка*, литературная газета, невѣдомо почему

названа *дневникомъ новостей*: спра-
ведливѣе было бы назвать ее *днев-
никомъ старины*, ибо въ ней весьма
часто печатались итакіе анекдоты,
которыя за полвѣка можно было чи-
тать во всѣхъ сборникахъ, во всѣхъ
французскихъ Апа прошлаго столѣ-
тія, время Вольтера и Грима.
Прибавимъ, что и слогу, которымъ
разсказаны ея запоздалыя новости,
отмѣчается минувшимъ вѣкомъ: слогъ
сей вялъ, неправиленъ и нечистъ;
изключенія весьма были рѣдки. Въ
словахъ, переведенныхъ изъ загра-
ничныхъ журналовъ, замѣтно еще
было странное незнаніе предметовъ
самыхъ обыкновенныхъ. — Издаватели
новыхъ журналовъ и газетъ долж-
ны бы были твердо помнить, что въ
наше время нельзя уже спѣлываться
одними объявленіями и обещаніями:
публика непременно потребуешь

исполненія . того , что было обѣ-
щано .

Къ періодическимъ изданіямъ сего
года , выходившимъ въ Пешербургъ ,
должно также отнести : *Повремен-
ное изданіе Императорской Рос-
сійской Академіи* , коего вышла одна
только 1-я часть . По первой книжкѣ
нельзя судить , каково будетъ цѣлое
изданіе ; но странно , что въ *три*
прозаическія статьи , помѣщенныя
въ ней — суть переводы съ чужезем-
ныхъ языковъ . Изъ *четырехъ* стихо-
твореній , ни на одно не можно ука-
зать въ особенностн .

Въ литературныхъ журналахъ Мос-
ковскихъ , какъ выше сказано , стрем-
леніе къ перемѣнамъ оказалось болѣе
общимъ . Изчислимъ всѣ сіи журналы
и при каждомъ изъ нихъ укажемъ на
перемѣны , сдѣланныя изданіями .

Московский Телеграфъ. Въмѣсто небольшихъ отдѣльныхъ прибавленій, издатель началъ причислявать въ концѣ книжекъ прибавленія, гораздо большія по объему и заключающія въ себѣ полныя списки касательно химіи, технологіи, сельскаго хозяйства и т. п. Списки эти, безспорно, хороши по выбору и могутъ быть полезны; но многіе изъ чинателей *Телеграфа* жалуются о прежнихъ отдѣльныхъ прибавленіяхъ, сообщавшихъ публикѣ краткія извѣстія о новѣйшихъ изобрѣшеніяхъ или усовершенствованіяхъ по части наукъ, промышленности, даже о заплатахъ свѣтской роскоши. «Такія извѣстія,» говорили упомянутые чинатели *М. Т.*, «суть какъ бы публичная выспавка разныхъ издѣлій: не всякъ пойдетъ на фабрику, чтобы всмащиваться въ механизмъ и средства, коими

• производятся сіи издѣлія; но каждый
 • съ удовольствіемъ и даже съ пользою
 • на нихъ посмотрѣть, когда они от-
 • дѣланы на-чисто и представлены
 • глазамъ любознательнѣющаго пось-
 • тителя на ряду съ другими пред-
 • метами. » — Изъ переводныхъ ста-
 • тей *М. Т.* за 1829 годъ, особенно
 замѣчательны: двѣ *Лекціи Кузена*, и
О драматической литературѣ новыхъ
народовъ, соч. Б. Экштейна; нѣко-
 торыя снаны оригинальны также
 заслуживали вниманіе. Библіографія
М. Т. весьма полна: о всѣхъ почти
 книгахъ, выходящихъ въ Россіи, со-
 общаются въ ней скорыя и удовле-
 створительныя извѣстія. Сими от-
 дѣленіемъ издатель пріобрѣлъ неоть-
 емлемое право на благодарности чи-
 тающей нашей публики. Не то дол-
 жны мы сказать о его критикахъ:
 взгляды его на исторію и на сло-

весность, какъ на теоріи, одной стороны; въ доказательствахъ замѣтно многословіе и не всегда точныя понятія о предметахъ, покрайней мѣрѣ относительно къ времени и мѣсту; а въ сужденіяхъ его — сильное желаніе *переуказать* другихъ по *своему* (endoctriner). Главная же его ошибка та, что онъ совершенно попустилъ потребности своихъ единоплеменниковъ-современниковъ, и поному часто предлагаетъ имъ собственныя свои мнѣнія за положительныя истины. Въ странахъ, посланныхъ въѣздами на высшую степень умственной образованности, это было бы не бѣда, ибо тамъ парадоксы и произвольныя толки не собоютъ уже умовъ съ надлежащей проны; но у насъ просвѣщеніе есть еще пѣщный цѣтенокъ: излишнее напряженіе расшнурованныхъ его силъ было бы для

него не полезно, а вредно. О чемъ Немцы, Англичане и Французы могутъ толковать по-своему, и такъ сказано, ошъ избытка, ошъ роскоши уменшеннаго бышнѣя, до того мы должны еще касаться съ крайнею осомнрительностію и бережанностію. Посему Карамзинъ, въ трудахъ своихъ на поприщѣ либерализма, и еще болѣе въ Исторіи Государства Россійскаго, оставилъ намъ неприкосновенный залогъ общаго уваженія.

Московскій вѣстникъ въ 1829 году сѣтѣнился и совершенно измѣнился въ своемъ разположеніи: вмѣсто 24 книжекъ, какъ прежде, ихъ общаго только шесть, и каждая изъ нихъ посвящена какому-либо особому отдѣленію словесности или наукъ. Три, донныѣ вышедшія книжки (*), за-

(*) Писано въ Августѣ 1829.

ключали въ себя: 1-я стихотворенія, 2-я прозу, 3-я пещорію (т. е. статьи историческія); въ 4-й общана теорія изящныхъ искусствъ, въ 5-й критика, въ 6-й смѣсь. Книжка стихотвореній есть самая лучшая изъ трехъ появившихся: въ ней помѣщены: нѣсколько стихотвореній Пушкина (въ томъ числѣ *Утопленникъ*, прекрасная народная сказка; *Чернь* и *Отрывокъ изъ Мицкевича Валленрода*), Баратынского стихотвореніе: *Смерть*, и нѣсколько хорошихъ произведеній и переводовъ Гг. Шевырева, А. И. Писарева, Хомякова и М. Дмитриева. Впрочемъ, и въ этой книжкѣ есть нѣсколько стихотвореній посредственныхъ, есть даже и такія, которыхъ вовсе бы не должно было печатать вмѣстѣ съ хорошими. — Во II-й книжкѣ М. В. помѣщены двѣ оригинальныя повѣсти:

Черная немота (*) и *Сокольницкій садъ*. Дѣйствіе сей послѣдней повѣсти происходитъ въ Москвѣ; двое изъ дѣйствующихъ лицъ Нѣмцы по имени, осмальные, хоня и съ русскими именами, по же Нѣмцы по уму, по чувствамъ и поспункамъ своимъ, а завязка и ходъ повѣсти какъ будто бы списаны съ какой нибудь неизданной пестради Августа Лафонтена или Клаурена. Еще бросается въ глаза снраннымъ своимъ заглавіемъ: *Яга баба*, рыцарское сказаніе, переведенное изъ Фанъ-дерь-Фельда и въ подлинникѣ названное *Frude*. Переводчику показалось, что *Frude* и *Druidesse* « для Рускаго совмѣщаются » въ названіи *Яга-баба*. » Послѣ такого основательнаго доказательства,

(*) Изданная послѣ особою книжкою. О ней также особо будетъ сказано въ этомъ обзорѣ.

шого и жди, что зашьянывые наши переводчики спанушь величаны Зевса *Перуномъ*, а Цибелу *Золотою бабой*. Небольшая спанейка: *Оно и лучше!* заслуживаетъ вниманіе чинанелей остроумными своими анекдотами и живымъ, легкимъ слономъ; остальное въ этой часини *M. B.... requiescat in pace.* — Въ III-й книжкѣ, назван- ной *несторією*, на первыхъ спрани- цахъ находимъ: *Замѣчаніе о политиче- скомъ равновѣсїи съ Европою*, спанью, написанную конечно съ добрымъ на- мѣреніемъ, но слабую и облачающую въ сочинителя весьма поверхности- ныя понятія о политикѣ. Ее при- личіе было бы помѣститься въ VI-й книжкѣ, или въ смѣси. Спанья *О Руской дипломатикѣ*, правильнее мо- гла бы явиться подъ заглавіемъ: *О Руской палеографїи*, поному что въ ней говорится только о почеркахъ

и правописаніи снариинныхъ Рускихъ
грамонъ. Три собснвенно-иснорическія
снаны издашеля, Г. Погодина: *Замѣчаніе о характерѣ Іоанна
Грознаго, Обѣ участіи Годунова въ
убіеніи Царевича Димитрія, и Письмо
обѣ Отреченіи*, доказывають слабость
иснорической его кривки. Въ пер-
вой изъ нихъ нѣтъ ничего новаго.
Сочинитель хвалился, что « сло-
жилъ произнесенія иначе, и взгля-
нулъ на нихъ съ другой точки; »
но прочитавъ снаны, нельзя до-
знаться, въ чемъ состоялъ эпонъ
особый взглядъ? Учасіе Годунова
въ убіеніи Ц. Димитрія, издашель
М. В. снарасеня онвергнулъ шак-
ми доводами, кои сами себя уничто-
жаютъ: онъ доказываетъ, напр.,
безполезность сего убійства при
жизни Ц. Феодора. Но Феодоръ былъ
зять Годунова, котораго во всемъ

слушался; Государь слабый, не только не могущій положить препяисшвій чеснотлюбивымъ видамъ Бориса, но самъ долженствовавшій (какъ и случилось) уладить ему дорогу къ верховной власни; тогда какъ Димитрій былъ сынъ Царицы изъ рода Пагихъ, явныхъ враговъ и зависнпковъ Бориса, которыхъ первымъ стараніемъ, по воцареніи Димитрія, конечно было бы удаленіе, а можетъ быть и совершенное истребленіе Годуновыхъ. Въ спашъ объ Опреньевѣ, не доищешься, что хотѣлъ доказать сочинитель: Полякъ ли былъ Лжедимитрій, Рускій ли, воспитанный въ Польшѣ? умѣлъ ли, глумъ ли онъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Историческія сомнѣнія, не рѣшенныя или оставленныя безъ всякаго слѣдствія, не только ни на что не наводятъ читателя, но, отклоняя его отъ

преданій и исторической вѣры народной, еще болѣе шумянущъ для него неясныя черны въ бышшнса- нїяхъ. *Астово введеніе въ Исторію*, переведенное Г. Погодинымъ, служить, кажется, балластомъ эпохъ книжки Вѣшника. Что пользы въ истиннахъ (вирочемъ, всѣ ли онѣ точно истинны?), предложенныхъ такимъ языкомъ, котораго безъ особаго словаря нельзя перевести на языкъ общепонятный? Другая сншашья, которую также можно отнести въ разрядъ балласта, есть *Замѣчанїя на II-й томъ Исторїи Государства Россійскаго*, написанная Г. Арцыбышевымъ. Въ нихъ все тѣ же привязки къ словамъ и къ обстоятельству маловажнымъ, не соснаваляющимъ сущесшвеннаго въ исторїи; нныя изъ снхъ привязокъ даже очень забавны. Такъ, напр., Карамзинъ говоритъ, что Будый,

воевода и пещунъ Ярославовъ, шу-
 нидь надъ шучносцію Подьскаго Ко-
 роля Болеслава и хвалился про-
 шкнушь ему брюхо копьемъ. Г. Арцы-
 бышевъ замѣчаетъ на сіе: « Лѣпо-
 « шен дають знать, что Будый гро-
 « зилъ прошкнушь Болеславу брюхо
 « палкою, а не острымъ копьемъ. »
 Велѣдъ за нѣмъ, въ выноскъ, приво-
 дитъ онъ нескѣль Лаврентьевскаго
 списка Несторовой лѣтописи: « Да
 « то ни прободемъ прѣскою черево
 « швое шолепое; » и въ доказатель-
 ство, что *прѣска* значитъ палка,
 говоритъ: « Немцы называютъ до
 « сихъ поръ рыбу прѣску *Stoßfisch* —
 « палка рыба. » Какъ зашѣливы на-
 ши историческіе крики, и при-
 томъ какъ мало они знаютъ, на
 чемъ бы должны были опираться съ
 нѣкоторою досповѣрностію — имен-
 но, партіи своихъ единомыслии!

Вмѣсто того, чѣмъ осматрѣться
 вокругъ себя, они опирающіеся на
 три-девять земель, и намъ пущать
 доказательствъ, часто смѣнныхъ и
 несообразныхъ. То же и здѣсь случи-
 лось съ *рыбою трескою*. Въ мало-
 російскомъ нарѣчій, которымъ и до-
 нынѣ говорятъ въ Кіевѣ и котораго
 древніе славяны часто встрѣчающіеся
 въ лѣтописи Нестора, *трѣска* или
трѣска значить щену, острый об-
 ломокъ дерева: сдѣлали ли труда за
 этого трескою заменять въ Нѣмеч-
 чину?... Но читателямъ уже доволь-
 но дали себя знать замѣчанія Г. Ар-
 цыбышева: оставимъ ихъ. — Пропу-
 стимъ безъ вниманія пѣконорія
 славныя не-непорическія (напр., пе-
 реписку Г. Арцыбышева съ Г. Пого-
 динимъ), и заключимъ наше размо-
 вреніе сей III-й книжки М. В. во-
 просомъ: удовлетворяють ли чита-

шла сташь оной собственно-историческія? Можно рѣшительно отбъчать: нѣтъ! потому что читатель не можетъ изъ нихъ извлечь для себя никакой пользы, какъ напр., видѣть въ настоящемъ свѣтѣ то, что темно въ памятникахъ историческихъ, или объяснить себѣ мѣста сомнительныя. — Я для того разирасираиля о Московскомъ Вѣстникѣ, что, при нынѣшнемъ его разположеніи, меньшемъ прежняго объема и безсрочномъ выходѣ книжекъ, онъ могъ бы наполниться сташьями дѣльными, имѣющими не одно временное достоинство; но на повѣрку выходить, что кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній 1-й части, остальное едва ли переживетъ время выхода книжекъ.

Атеней. Журналъ сей, въ 1829 году, также нѣсколько измѣнился: въ концѣ

его книжкѣ, опѣльными страни-
цами, помѣщающіяся записки для сель-
скихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабри-
канповъ, заключающія въ себѣ, по
мѣтнѣно знапоковъ, многія полезныя
сшанныя технолорическія. Въ ученыхъ
извѣстїяхъ и въ смѣси Ашенея, также
было много любопытнаго, и жур-
наль сей дѣлается весьма разнооб-
разнымъ. Жаль, что слогу липера-
турной его прозы негладокъ и не-
чиселъ, а въ переводахъ всмрѣчаются
грубыя ошибки прошивъ языка и не-
просипипельные недосмотры. Сшанныя
крипическія, подписанныя буквою В.,
опиличающіяся невѣрнымъ взглядомъ на
теорїи словесности, мѣлочными при-
дирками критика, и, что еще стран-
нѣе, собственнымъ его неумѣемъ
писати по-русски. Для пользы своего
журнала, издатель Ашенея долженъ
бы былъ исключити изъ него сїи кри-

тики, а всего лучше, поручить сіе сужденіе кому-либо изъ литераторовъ, болѣе свѣдущихъ въ словесности и въ языкѣ Рускомъ, не столько одностороннихъ въ своихъ сужденіяхъ и не столько близорукихъ въ способѣ воззрѣнія на предметы (*).

Вѣстникъ Европы. И сей ушарфый журналъ подвергнулся перемѣнѣ; «по какой же?» спросяють читатели: той, чію прежній его редакторъ сдѣлался самъ издателемъ сего Вѣстника. Онъ объявилъ, чію «же-лаемъ еще пошрудиться самъ въ качествѣ издателя;» чію движимый глубокимъ чувствомъ сообрада-

(*) Въ Апенскъ, впрочемъ, помѣщаются дѣльные критическія замѣчанія Г. Заповѣева и прекрасная статья: *О Полтавѣ* (Поэмъ Пушкіна) въ историческомъ отношеніи, соч. Г. Максимовичемъ, издателемъ *Малороссійскихъ пѣсенъ*.

нія къ « безпомощному состоянію на-
 шей литературы, » видя « усиленія
 партіи подружипъ знамена свои на
 землѣ, которая не была воздѣлы-
 вана ихъ трудами, » види, « что
 законы словесности молчаніе при
 звукахъ журнальной полемики, » —
 онъ почувствовалъ необходимость
 того, « чтобы голосъ ихъ (реченныхъ
 законовъ) доходилъ до слуха любо-
 знашельнаго, который не усаж-
 дается звуками кимвала бряцающаго
 и мѣди звѣнящей. » И тѣмъ же Г. из-
 далась *Вѣстника Европы* приступилъ
 къ оповращенію всѣхъ сихъ золъ? Онъ
 пустился въ свой журналъ, на раздолье,
 буквы Ѳ, Ѱ, да Г. эскъ-студенна
 Никодима Надоумка, и сей послед-
 ній, ломая греческіе и латинскіе
 стихи въ своихъ эниграфахъ и ци-
 татахъ, пустился шотковать и вкось
 и вкривь о поэмахъ Пушкина и Ба-

ратынского, о романъ Булгарина. Прочтешь кришники Г. эскъ-спудецша Никодима Надоумка (*) — и невольно повторишь ему французскую поговорку: « Allons donc, Nicodème ! » — Впрочемъ, кромѣ переименованія редактора въ издателя, разположенія еппы съ ижницей и спашей помянутого Mons Nicodème, другихъ обѣщанныхъ перемѣнъ не возмоществовало въ *Вѣстникъ Европы*, кошорый все по прежнему оспадеа шощъ и скуденъ. Объ улучшеніяхъ въ этомъ Вѣстникѣ, мы и мечпашъ не смѣли.

Дамскій Журналъ, « Les modes avant tout ! » восклицалъ издатель сего жур-

(*) Напрасно ищомъ Г. эскъ-спудецша опшвергающъ маленькую перемѣну буквъ въ своей подписи, сдѣланную по аналогіи въ нѣкоторыхъ журналахъ: *Недоумокъ*, по видимому, должно быть настоящее его изданіе.

нальца въ концѣ 1828 года — и вслѣд-
ствіе того снялъ съ *Дамскаго жур-*
нала желтую обертку и началъ его
выпускать еженедѣльно, несиними
листками, въ подражаніе парижскимъ
моднымъ журналамъ. Въ отношеніи
къ словесности, *Дамскій журналъ*
нисколько не измѣнился: все та же
вялая проза самого издавшаго и дур-
ные стихи доброхотныхъ вкладчи-
ковъ. Моженъ быть, издавшаго и до-
снигъ своей цѣли: за деньги вы-
дастъ онъ подписавшимся картинки
модъ, а вялую прозу и дурные сти-
хи прилагаетъ даромъ, на придачу:
запѣлиный способъ угождать пре-
красному полу!

Новый журналъ на 1829 годъ въ
Москвѣ былъ одинъ: *Галашенъ*. Изда-
тель (Г. Ранчъ) назвалъ его *Журна-*
ломъ литературы, новостей и модъ.
Литература сей *бабошки - Галашенъ*,

(а не *статуи*-Галатен, какъ ошибочно думали нѣкоторые журналисты), назначенной, кажется, для туалетнаго чтенія красавицъ, — состояла въ первой половинѣ года по большей части изъ разсказовъ о разбойникахъ, убійцахъ, шипиморахъ и шпіонахъ, разсказовъ, наполненныхъ подробностями страшными и опровергательными. Довольно упомянуть объ отрывкахъ изъ *Записокъ Видока*. Незнаніе языка, съ котораго стансы ея переведены, и непрощительные грѣхи противъ языка русскаго — вошь досшоненства переводовъ *Галатен* относительно къ слогу. Въ этомъ смыслѣ, объ журнальныя бабогки, Петербургская и Московская, летали дружною чешою: ни одна изъ нихъ какъ будто бы не хотѣла опередить другую. Въ нѣкоторыхъ книжкахъ *Галатен* встрѣчались покрайней мѣрѣ

хорошія стихотворенія, но во многихъ № читателямъ и эпитамъ не были порадваны. За стихотвореніями почти постоянно слѣдовала грубая, бранчивая полемика, не приправленная даже остроуміемъ и наполненная личностями; наконецъ, описаніе моды, по-французски и по-русски, гдѣ страдало французское правописание и снова терпѣлъ русской языкъ. Опилициательный характеръ сего журнальца — есть нусиона, вялоснъ, безвкусіе и нарушение приличій. Надменные требованія издатели часто были весьма забавны: онъ, напри- мѣръ, говорилъ, что объ его стихахъ могутъ только судить художники (*). Объ его стихахъ, кошо-

(*) Вялоснъ воображенія, щепенильная жеманность чувствъ, недоспашокъ воображенія и вкуса, часто съишвой выборъ стихотворныхъ мѣръ —

рые только смѣшать добрыхъ людей! какое до нихъ дѣло художникамъ? Увы! лучше бы онъ вовсе промолчалъ о стихахъ своихъ! — Замѣтимъ, что *художественный, художественность*, весьма часто встречающіяся въ полемическихъ возгласахъ издателя Галашен. Долго не знали, въ какомъ смыслѣ принимаетъ онъ эти слова; наконецъ онъ самъ рѣшилъ сомнѣнія и объявилъ, что *художественный и естественный*, по его понятію — значатъ одно и то же. Поздравляемъ его съ новою синонимикой, въ силу которой мы должны ожидать,

вотъ характеристика стиховъ Г. издателя Галашен. Онъ выѣзжаетъ на своемъ переводѣ *Освобожденнаго Иерусалима* и снисзаетъ его за ничто святое и неприкосновенное: напрасно! Недавно еще въ одномъ журналѣ оффена была, какъ должно, эта пародія превосходной поэмы Тасса.

что Випкельманова: Histoire de l'art chez les anciens, появившаяся на языкъ Галашии подъ заглавіемъ *Естественной исторіи* у Древнихъ, а fleurs naturelles, въ Галашенныхъ альбомисяхъ модъ — будучь называться художественными цвѣтами!

Альманахи 1829 года, кромѣ *Сѣверныхъ цвѣтовъ* и *Подсѣжника*, о конхъ говорить здѣсь не мѣсто, были слѣдующіе: 1) *Невскій альманахъ*. Прозаическихъ статей въ немъ было одиннадцать (въ томъ числѣ три повѣсти), и вообще выборъ ихъ былъ гораздо спроче, нежели въ прежнихъ годахъ сего альманаха. Читатели, конечно, съ удовольствіемъ вспомнятъ слѣдующія статьи: *Ливонія* (подъ копорію имя автора не было подписано), *Характеристическія картины* и *Вступленіе Французскихъ войскъ въ Литву* (1812 г.), сочиненіе О. Н.

Глипки; *Станъ Димитрія Самозванца* подъ Москвою, изъ новаго романа Булгарина, и *Алавердскій праздникъ*, Григорьева. Изъ стихотвореній, особенно замѣчательны: II-я часть Мицкевичевой поэмы: *Пратцы* (*Dziady*), прекрасно переложенная на рускій языкъ М. В—омъ; *Развалины* (Языкова), *На смерть двухъ дѣвицъ* (Ободовскаго) и *Предвѣщаніе* (Подолинскаго). — 2) *Букетъ*, карманная книжка для любителей и любительницъ театра, изданная Г. Аладынымъ. Книжка сія и точно должна быть припіна любителямъ театра, особливо живущимъ въ дали отъ столицы, потому что въ ней помѣщено нѣсколько цѣлыхъ небольшихъ пьесъ, написанныхъ или переведенныхъ лучшими нашими драматическими писателями (Каптелиннымъ, Кн. Шаховскимъ и Хмельниц-

кимъ). Къ нимъ присовокуплены также острывки изъ драматическихъ сочиненій и проч. 3) *Карманная книжка для любителей русской старины и словесности*, изданная Г. Олшнымъ. Въ сей книжкѣ всего замѣчательнѣе сказы о *Руской старинѣ*, выбранныя изъ Эверса Г. Орловымъ. Не смотря на нѣкоторыя ошибки переводчика, сказанья ея пѣвонгъ пу цѣну, что въ маломъ объемѣ знакомятъ читателей русскихъ съ стариннымъ бытомъ ихъ ошечеснва. Еще замѣнимъ повѣсть: *Кумова постель*, соч. Г. Олшнымъ, въ которой еснъ основа весьма замысловатой русской сказки. — Между снхотвореніями *Карманной книжки*, первое мѣсто должны занять острывки изъ ошесательной поэмы: *Кареліа* (О. П. Глинки). *Правдоуказательный гетверостишя Вольтера*, переведенныя К. Вяземскимъ,

Куплеты изъ одного водевиля (И. И. Х.), и стихотвореніе: *Прекрасна радуга* и пр. (Г. Олина), припесни также удовольствіе многимъ читателямъ. — 4) *Сѣверная Звѣзда*, изданная М. Беснужевымъ - Рюминымъ. Проза сего юнцаго альманаха дышала только перепечатками *отрывковъ* изъ соч. Ф. Визина и его же *Придворной грамматики*, давно извѣстною по рукописямъ. Но не уже ли это новостн, которыхъ требуютъ у насъ отъ альманаховъ? Ничтожность, пустошы и безвкусіе оснальной прозы не искупаютъ ни корошенькая статейка Ѳ. И. Глинка, ни другая, столь же корошенькая статейка, ни *Исторія булавокъ*, передѣланная съ француз. Г. Паличевскимъ. Прибавимъ еще, что ни издатель С. З., ни жалкій альманахъ его, ни шумливый его сотрудникъ (?) Аристархъ

Завѣтный, копорому руская грамота не далась въ руки — не приобрѣли еще никакого права, выказываться въ свѣтъ съ рѣшительными приговорами, кому бы то ни было; не говоримъ уже о дерзкихъ намекахъ и вздорныхъ догадкахъ помянушаго Арисешарха. — Спихотвореній въ С. З. много, хорошихъ очень мало. Подписанныя Ап (копорыхъ подлинный сочинитель вовсе не назначалъ въ С. Звѣзду), *Увѣреніе*, соч. Барашинскаго и еще нѣсколько другихъ спихотвореній, могшихъ найти себѣ лучшее мѣсто, здѣсь загромождены вялыми произведеніями самого издателя и другихъ спихотворцевъ, сноль же мало имѣющихъ права на извѣстность. 5) *Московский альманахъ*, изд. С. И. Глинкою, состоялъ изъ 14 снптей въ снпхахъ и прозѣ, кои все посвящены или воспоминаніямъ, пріятнымъ для Россіянъ,

или разсужденіямъ о предмесахъ, имѣющихъ ошносительную важность, или изліяніямъ чувствованій самого издаателя, наполнившаго всю сію книжку почти одними своими произведеніями. 6) *Вѣнокъ Грацій*, которому самъ издатель, иѣкино А. З., приекалъ въ одной снаниѣ своей весьма пріятную игру словъ: *вѣникъ Грацій*; 7) *Цефей* и 8) *Зимцерла* — три альманаха, изданные въ Москвѣ, и почти не уступающіе другъ другу въ ребяческомъ наборѣ стиховъ и прозы. Заглавія сихъ книжекъ весьма замысловаты; кудрявыя оберипки, форматъ въ 16 долю, вишненки, мѣлкій шрифтъ — все есть; одного только не достаетъ въ нихъ: нечего читать! Къ сему же разряду нечитаемыхъ книжекъ въ 16 долю принадлежатъ и 9) *Диллижансъ*, изъ котораго путешественникъ выгля-

двала только въ постоялые дворы
штракширы, встрѣчавшіеся ему на
орогъ, и вѣрно приказывалъ запи-
сывать свои наблюденія, вмѣстѣ съ
дневными расходами, слугъ, сидѣв-
ему на запискахъ. Слогъ сей кни-
цы и безпрестанныя ошибки въ
записаніи, наводящія читающихъ
на эту мысль.

Дѣтскіе альманахи въ 1829 году
были слѣдующіе: 1) *Дѣтскіе досуги*,
изд. П. Слѣпнымъ. Стихи, сосре-
доточенныя въ книжку, любопытны и
интересны для малолѣтнихъ чи-
тающихъ, и отличающіяся правиль-
нымъ и хорошимъ слогомъ. Между
произведеніями, есть невинно пре-
данныя, принадлежащія одному изъ
вѣстныхъ нашихъ писателей (О.
Глинка). — 2) *Дѣтскія стихотво-
ренія Б. Федорова*. Въ сей книжкѣ
Федоровъ собралъ все стихотво-

ренія, написанныя имъ для дѣтей. Стихотворенія сіи не одинакаго достоинства; но есть между ними и весьма хорошія, по понятіямъ чинашей того возраста, для коего они назначены. — 3) *Чтеніе для малолѣтнихъ дѣтей*. Книжка сія издана съ самою благонамѣренною цѣлю, именно съ тою, чтобы развивать юныя понятія малолѣтняго дитяти, заманивать его любовнымъ и направлять первымъ его впечатлѣніямъ. Исполненіе совершенно соотвѣтствуетъ сей цѣли: всѣ предметы изложены здѣсь съ ослѣпительною простою и ясностію. — Къ изданнымъ въ Петербургъ и назначеннымъ для дѣтскаго чтенія книжкамъ, принадлежатъ также: 4) *Черная курица*, волшебная повѣсть, соч. А. Погорельскаго. Сія повѣсть, прекрасная по созданію и разсказу своему, доста-

вила удовольствіе не только дѣтямъ, но и многимъ совершенно-лѣтнимъ чинамъ, любящимъ подѣ часъ переноситься въ страну воображенія, и возвращаться мысленно къ счастливѣйшему возрасту своей жизни. Слогъ сей повѣсти отлично хорошъ и разсказъ увлекателенъ. — Москва наградила насъ, и по часи дѣтской литературы, весьма неза-виднымъ подаркомъ. Это 5) *Дѣтскій альманахъ*, составленный какими-то несмышлеными дѣтьми, а изданный книгопродавцемъ М. Глазуновымъ. Здѣсь дѣтямъ вовсе нечему научиться, ни въ нравственности, ни въ полезныхъ свѣдѣніяхъ, ни въ слогѣ, кошорый обнаруживаетъ крайнюю безграмотность сочинителей и крайнее безвкусіе издателя.

Здѣсь можно бы, къ слову, сказать нѣкоторымъ изъ Московскихъ книго-

продавцевъ-издателей, что дурнымъ выборомъ и изданіемъ печатаемыхъ ими книгъ, они ошибаются у любителей чтенія охоту читать по-руски и заводять рускія библіотеки. Известно, что такіа книги служатъ симъ *нѣкоторымъ* книгопродавцамъ для *мѣнливой* торговли между собою, и что весь ихъ расчетъ основанъ на незангѣливыхъ требованіяхъ провинціаловъ; но и въ этомъ они ошибаются: при нынѣшнемъ быстромъ ходѣ просвѣщенія въ Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ отъ столицы ея областяхъ можно найти немалое число людей, съ познаніями испинно-европейскими и вкусомъ образованнымъ. Такихъ читателей не вмазять вычурныя заглавія книгъ, но скорѣе нанутаеиъ научный каталогъ повостей, гдѣ взоръ бродитъ по сошнымъ заглавіямъ, какъ по пусты-

нямъ ливійскимъ , и очень , очень
редко вспрѣчается , на чемъ бы мож-
но было ошдохнуть умомъ и вообра-
женіемъ. Пора бы но я , кажешся ,
началь было проновѣдывать глухимъ !

Передъ нами , падь грудюю кни-
жицъ Московскихъ , сіяющъ произве-
денія лучшихъ поэшовъ нашихъ , какъ
оазисы въ несчаной степи , и шакже
манящъ взоръ и воображеніе своею
красоюю и свѣжеснью. Изъ числа
ихъ , въ 1829 году было издано нѣ-
сколько ошачивѣйшихъ. Два інома
Стихотвореній А. Пушкина служатъ
новымъ свидѣтельствомъ , какъ раз-
нообразенъ даръ сего поэта. Осиро-
умный въ посланіяхъ , нѣжный и ча-
сно дышанцій глубокимъ чувствомъ
въ элегіяхъ ; просшодущій въ под-
ражаніяхъ древнимъ ; возвышенный
духомъ въ подражаніяхъ писателямъ
восшочнымъ ; шонкій , выпвающійся

своего любимца и отдаетъ Кочубея и соучастника его въ доносъ Пекру, на волю измѣнника Мазепы. Здѣсь познать открываешь намъ ужасную, раздирающую сердце картину. Кочубея ныпаютъ въ одной башнѣ гетманскаго замка . . . и въ этомъ же замкѣ, дочь Кочубея и любовница Мазепы, Марія, не зная о бѣдствіяхъ отца своего и чуждая подозрѣній, покоится сладкимъ сномъ на ложѣ пѣги. Къ ней тайкомъ прокрадывается мать ея, рассказываетъ ей обо всемъ и проситъ ея защиты отцу. Марія сперва не вѣрнитъ, думаетъ, что это сонъ; но убѣжденная въ страшную истину, бѣжитъ съ своею манерью къ мѣстному казнѣ. . . Уже поздно! спрадальцы правды пріяли смерть отъ руки палача. Остаточная Марія скрывается изъ дому Мазепы. Таково содержаніе первыхъ двухъ пѣсней. Въ третьей—

великій, безсмертний нашъ Петръ, сей правдивенный исполнитъ минувшаго снопѣнія, являеся во всей славъ грознаго Своего мужества и геройской рѣшимости среди Полтавскаго боя. Быстропа разсказа и живость красокъ въ описаніи знаменнаго сего сраженія—удивительны, и совершенно захватываютъ нѣхъ недосягаемы, на кон снопъ ревностно указывали нѣкоторые критики. Забѣлимъ еще одну мастерскую черту кисти нашего поэта-живописца: дряхлый старецъ Палѣй, поддерживаемый двумя козаками, спонитъ подѣ Петра; въ пылу битвы видить онъ закланнаго своего врага, Мазену—и попухшіе глаза его сверкнули, чело покрылось гнѣвомъ, онъ какъ будто бы вдругъ помолодѣлъ отъ порыва мести! Поэма кончилась быстрымъ повѣствованіемъ бѣгства Карла и Ма-

своего любимца и отдаетъ Кочубея и соучастника его въ доносъ Пекру, на волю измѣнника Мазены. Здѣсь познѣ открываешь намъ ужасную, раздирающую сердце картину. Кочубея пыпаютъ въ одной баннѣ германскаго замка... и въ этомъ же замкѣ, дочь Кочубея и любовница Мазены, Марія, не зная о бѣдствіяхъ отца своего и чуждая подозрѣній, покоится сладкимъ сномъ на ложѣ пѣги. Къ ней тайкомъ пробрадается мать ея, сказывается ей обо всемъ и проситъ ея защитить отца. Марія сперва не вѣритъ, думаетъ, что это сонъ; но убѣжденная въ истинной невинности, бѣжитъ съ своею манерью къ мѣсту казни... Уже поздно! спрдадьцы правды пріяли смерть отъ руки палача. Ошчаянная Марія скрывается изъ дому Мазены. Таково содержаніе первыхъ двухъ пѣней. Въ третьей—

великій, безсмертний нашъ Петръ, сей правдивенный исполинъ минувшаго столѣтія, является во всей славі грознаго Своего мужества и геройской рѣшимости среди Полтавскаго боя. Быстрога разсказа и живость красокъ въ описаніи знаменитаго сего сраженія — удивительны, и совершенно захватываютъ нѣхъ недосягаемы, на кон столь ревностно указывали нѣкоторые критики. Замѣтимъ еще одну мастерскую черту кисти нашего поэта-живописца: дряхлый старецъ Малый, поддерживаемый двумя козаками, спонитъ подлѣ Петра; въ пылу битвы видитъ онъ закатаго своего врага, Мазепу — и потухшіе глаза его сверкнули, чело покрылось гнѣвомъ, онъ какъ будто бы вдругъ помолодѣлъ отъ порыва мести! Поэма конченная быстрымъ повѣствованіемъ бѣгства Карла и Ма-

зепы съ полей подпавскихъ, ночной
встрѣчи сего послѣдняго съ Марією,
которой безумныя рѣчи ясно пока-
зываютъ то плачевное состояніе,
въ какое повергли ее смерть отца
и кровожадная мстительность ея лю-
бовника. Въ заключеніи или эпило-
гѣ, поэтъ пробѣгаетъ весь рядъ вос-
поминаній, какія оставили по себѣ
въ попоминаніи Подпавскій бой, Карлъ
XII, Мазепа и два несчастные дру-
га, имъ замученные. Сухое изложеніе
содержанія сей поэмы не даетъ по-
нятія ни о красотахъ подробностей,
ни о смѣлости и силѣ выраженія, ни
о прелести ея стиховъ. Два только
мѣста, по мнѣнію моему, не весьма
строго соображены. Въ первомъ изъ
нихъ Кочубей, подъ пынкою допра-
шиваемый клевремомъ Мазепы, Ор-
дикомъ: гдѣ находяшся скрытые имъ
клады? отвѣчаетъ:

« Такъ, не ошиблись вы: три клада
 Въ сей жизни были мнѣ отрада.
 И первый кладъ мой честь была,
 Кладъ эхотъ пыпка опивала;
 Другой былъ кладъ невозвратимой —
 Честь дочери моей любимой;
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
 Мазепа эхотъ кладъ укралъ.
 Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
 Мой третій кладъ: свиную мечь.
 Ее готовлюсь Богу спесить.»

Стихи прекрасны; но были бы еще
 прекраснѣе, когда бы мы читали ихъ
 въ *пѣснѣ* или *думѣ* о Кочубей, а не
 въ поэмѣ. Въ первыхъ двухъ родахъ
 стихотвореній, поэтъ власнень самъ
 говоритъ за дѣйствующее лице; но
 въ поэмѣ онъ долженъ допустить
 только то, что сіе лице сказало
 бы въ трагедіи, или правдѣ,
 что оно сказало бы на самомъ дѣлѣ.
 Могъ ли Кочубей, среди мученій пы-
 ки и гошоваясь ниими на казни, —

говорить загадки или играть словами? — Второе мое замѣчаніе описанныя къ обешоящельствамъ, сопровождающимъ въ поэмѣ казни Пекры и Кочубея. Самый моментъ казни изображенъ превосходно; но палачъ, весело разгуливающій вокругъ плахи въ ожиданіи жертвъ своихъ, играющій шопоромъ и шумящій съ веселою чернью; но народъ, по окончаніи казни безпечно идущій къ своимъ работамъ, — сунтъ карпины, кои были бы весьма хороши въ какой-либо поэмѣ англійской, а не русской, особливо же не въ той, гдѣ описывается безвинная казнь двухъ чело-вѣкъ, привлеченныхъ къ себѣ души и участіе Малороссіянъ. Смертныя казни въ Малороссіи были тогда очень рѣдки: трудно и даже невозможно было отыскать палача, столь законнаго и привычнаго къ своему дѣ-

ду, какимъ здѣсь выставляеть его нашъ поэтъ. Еще трудите себѣ вообразить всеелую чернь малороссійскую, которая, будпо бы, пересѣивалась съ палачемъ и послѣ разошлась равнодушно. Некра и Кочубей были оба знанные малороссійскіе паны и пользовались любовью и уваженіемъ народа, который и донынѣ съ благоговѣніемъ о нихъ воспоминаеть, а тогда починаль мучениками за правое дѣло. — Поэтъ нашъ увлекся здѣсь живописію созданной имъ картины, которая и дѣйствительно была бы опанчно хороша, если бы не парувала правовъ мѣстныхъ и вѣроятности исторической. Но прелестъ цѣлаго и такъ сказать, осязаемая теплота красокъ у Пушкина столь волшебны, что и чиннапель увлекается ими и пропускаеть сіи небольшія опспупленія отъ не-

тины, почти не замѣчая: одна только холодная крипика неумолимо-выскапелына. — *Стихотворенія Барона Дельвига*. Скромность поэта налагаетъ на меня священный долгъ молчанія, которое нарушу я въ двухъ только отношеніяхъ: во первыхъ, чтобы сказать, что въ этомъ собраніи нѣкоторыя произведенія Б. Дельвига являющіяся въ первый разъ; а во вторыхъ, чтобы въ отвѣтъ одному изъ его криптиковъ, высказать нѣкоторыя мои мысли о подражаніи древнимъ и о пѣняхъ русскихъ. Прежде всего замѣчу, что вообще творенія нашихъ криптиковъ мнѣ кажутся крайне естественными, или даже естественными: Языкову, напримѣръ, дѣлаюшь упреки за то, что онъ однообразенъ, т. е. что онъ поетъ по большей части только разгульную жизнь и шумные пиры

безпечной молодосини; Барона Дель-
вига, напрошивъ, укоряють въ томъ,
что онъ разнообразенъ, а не пишетъ
постоянно однихъ народныхъ русскихъ
пѣсень. Какъ угодить на такихъ кри-
пиковъ? или, оборотя вопросъ къ
нимъ самимъ: какъ можно свободнаго
поэта заставлятъ пѣть не то, что
внушаетъ ему фантазія, а то, чего
хотятъ онъ него прихотливые кри-
пики? Поэтъ есть госпепріимный
хлѣбосолъ, который получаетъ го-
стей своихъ всѣмъ лучшимъ, что
Богъ послалъ ему. Но вообразимъ се-
бѣ, что къ нашему хлѣбсолу напро-
силась причудливые госени, которые
шумно пребываютъ такихъ лакомствъ
и винъ, какихъ нѣтъ въ запасѣ у
хозяина; вообразимъ, что госени
эти, досадуя, не ѣдятъ и не пьютъ
ничего, чѣмъ онъ ихъ получаетъ, и
голодные вспаютъ изъ-за сытнаго

спіола. Кіпо жь будеть въ эпомъ ви-
 новать: хлѣбосоль ли хозяинъ, или
 причудливые госни? Я думаю, что
 сн послѣдніе; надѣюсь, и чиншпелн
 думаютъ по же. Обращимся къ по-
 дражанію древнимъ. Крипикъ, гово-
 ря объ идилліяхъ Б. Дельвига, дѣ-
 лаетъ слѣдующее заключеніе: « Мож-
 « но ли подражанъ искусству древ-
 « нихъ? Подражанъ однѣмъ формамъ
 « ихъ, но не духу и формамъ вѣ-
 « снѣ: вотъ что возможно для со-
 « временниковъ нашихъ. Это и дѣ-
 « лаетъ Б. Дельвигъ. » Здѣсь наш кри-
 пикъ нешочно выразился, или въ
 послѣдствіи онъ совершенно отбилъ
 онъ того, о чемъ началъ было го-
 ворить: тамъ онъ полкуеть о раз-
 ности языковъ, нравовъ, вѣръ и по-
 нятій нашихъ съ древними; слѣдо-
 вательно, онъ требуетъ отъ Б.
 Дельвига не *подражанія* древнимъ, а

совершеннаго перерожденія въ Грека или Римлянина въковъ языческихъ. Это двѣ вещи, различныя между собою. Не живъ подъ небомъ древней Аркадіи, не въруя ни въ Сатурна, ни въ Зевса, можно выражаніе чувства, пониманія и върваніе наснуховъ аркадскихъ: это дѣлали многіе отличные поэты новѣйшіе, это дѣлаетъ и Б. Дельвигъ. Въ противномъ случаѣ, т. е. когда бы требовалось оны новѣйшихъ поэтовъ вышеприведенныхъ условій, — никто бы изъ нихъ не долженъ былъ браться даже и переводить произведеній идилликовъ греческихъ. Касательно духа древней идилліи въ стихотвореніяхъ Б. Дельвига, написанныхъ въ этомъ родѣ — всякой, кто безъ предубѣжденія прочелъ его идилліи: *Купальницы, Друзья, Титиръ и Зоя*, — самъ рѣшитъ сей вопросъ въ пользу

нашего поэта, и не повѣрить невозможности писать въ наше время въ духѣ древнихъ, невозможности, копорой критикъ даже не объяснилъ доказательствомъ. Находя въ идилліи: *Титиръ и Зоя* «одни слова,» и предлагая слѣдующіе вопросы: «какая жь связь во всей этой идилліи? къ чему послѣдній стихъ? гдѣ шутъ древности — даже образъ?» критикъ показываетъ, что древній міръ и древніе идиллики ему вовсе незнакомы, и что если въ сей идилліи онъ «не находитъ никакого склада,» то въ этомъ виновать не Баронъ Дельвигъ. Вообще критикъ весьма неводержно разночаетъ сіи выраженія: *нѣтъ склада, мало складу*: надобно имѣть сильныя права въ словесности и самостоятельный голосъ въ обществѣ мѣтін, чтобы позволять себѣ такіа рѣзкіа замѣтки, особливо

когда дѣло идетъ не о юношахъ ,
 едва вступающихъ на литературное
 поприще , и когда критикъ самъ не
 можетъ утвердительно отвѣчать за
 складъ того , что говоритъ . Преду-
 бѣжденіе критика еще явственнѣе
 изобличается въ сужденіяхъ его о
 двусмыслияхъ и четверосмыслияхъ , кои
 называлъ онъ *гекзаметрическими* (хотя
 у Б. Дельвига экзамены въ нихъ
 постоянно перемежаются пентаме-
 трами) . Такъ напримѣръ выраженіе :
 « спирты осмалены въ трунахъ вра-
 говъ , » навѣваетъ на критика воз-
 духомъ прелестной Эмлады ! Эного ,
 кромѣ его , конечно никто не под-
 мѣнилъ , и всякой скажетъ , что
 спирты въ непріятельскихъ трунахъ
 также могли бы навѣвать и возду-
 хомъ Каледонін , и воздухомъ Скан-
 динавін , и воздухомъ Киргизской сие-
 нн . О томъ , что двусмыслия и чет-

веросипиія Б. Дельвига « не имѣють
 « никакой цѣны » для его критика ,
 спорить я не стану : давно уже ска-
 зано , что у всякаго свой вкусъ . За-
 мѣчу только , что двусипиія и чеш-
 веросипиія экзаменро-испиаменпри-
 ческія весьма хороши для свободнаго
 выраженія всякой ошдѣальной мысли ,
 и что здѣсь поэту вовсе не нужно
 придерживаваться поияній древнихъ :
 онъ можетъ по волѣ развивать въ
 нихъ и поиянія своихъ современни-
 ковъ ; форма или мѣра стиховъ не
 должны почитаться за непреложный
 уставъ того , что можетъ ими вы-
 ражаться . — Критикъ восхищаеніа
 народными рускими пѣснями Б. Дель-
 виги , досадуешь , что поэтъ сей не
 пишетъ только этихъ пѣсень ; и ,
 сказать ли ? самъ критикъ худо по-
 нимаетъ , въ чемъ состоитъ сущ-
 ность собственно-руской народной

пѣсни. Указывая на слѣдующія пѣсни Б. Дельвига: *На яву и въ сладкомъ снѣ*, и *Дѣдушка! дѣвицы*, онъ совершенно оправдываетъ мои слова: эти пѣсни столько же народныя рускія, сколько народныя итальянскія, нѣмецкія или шотландскія; и если бы какой иностранецъ хорошо перевелъ ихъ на свой языкъ, упавъ о своемъ замѣствованіи, то соотечественники его также могли бы назвать эти пѣсни *своими*, какъ и мы, Рускіе. Напронивъ, народныя пѣсни Б. Дельвига суть тѣ, которыя своею формою, содержаніемъ и опитками, особенно и исключительно принадлежатъ рускому народу, которыя изображаютъ простой, сельскій бытъ и выражаютъ спросы или чувствованія такъ, какъ они выражаются въ пѣсняхъ, поющихъ нашими поселенцами. Таковы слѣдующія: *Пѣла*,

пѣла пташечка; — Что, красotka
 молодая; — Ахъ, ты нога ли, но-
 генька; — Голова ль моя, головушка; —
 Сиротинушка, дѣвушка, и стихотво-
 реніе подъ заглавіемъ: Сонъ (Мой
 суженый, мой ряженный). Вонъ пѣсни
 въ духъ своеобразной, народной рус-
 кой поэзіи, а не нѣтъ, которыми
 шакъ безоглченно любуется критикъ,
 не подмѣтивъ разницы между пѣсней
 вообще и пѣсней собственно - рус-
 кою. — *Стихотворенія И. Козлова.*
 Поэтъ сей умѣетъ извлекать вѣр-
 ные, точные звуки изъ ощуще-
 ній сирадающей души: стихи его
 можно назвать унылыми напѣвами
 гармоникки, не разнообразными, но
 выходящими вокругъ сердца и нахо-
 дящимися въ немъ своей оплани. Нельзя,
 читая сіи стихотворенія, не полю-
 бить заочно поэта и не привязаться
 къ его лири: шакъ привлекательны

его пѣсни, которыя можно называть пѣснями скорби. Въ переводахъ или подражаніяхъ своихъ поэтамъ чужеземнымъ, онъ предпочинительно выбираетъ эпизывы собственныя своихъ чувствованій, и передаетъ ихъ если не слово въ слово, то по крайней мѣрѣ такъ, что пробуждаетъ въ душѣ читателя нѣже впечатлѣнія, кои рождались въ ней онъ чтенія подлинника. Такимъ образомъ переложень имъ и *Сельскій Субботній вечеръ въ Шотландіи* (изъ сочиненій шотландскаго поэта-простолюдина Борнса), напечатанный въ 1829 году особую книжкою, вмѣстѣ съ переводомъ другаго Борнсова стихотворенія: *На подкошенную имъ полевою маргаритку*, и посвященіемъ онъ переводчика обоимъ сихъ стихотвореній одному прекрасному существу, знавшему также по опыту страданій

жизни, но усаждавшему страданія поэта своею дружбой и участіемъ. Въ то время, когда посланіе сіе было уже готово, поэтъ узналъ, что шой, кому оно было написано, — не спало на свѣтъ, и посвящалъ еще нѣсколько прекрасныхъ стиховъ ся памяти. — *Стихотворенія Д. В. Веневитинова*, составляющія первую часть его *Сочиненій*, возобновляютъ наши свѣдованія о томъ, что сей юный талантъ уявлялся среди прелестнаго своего утра, предвѣщавшаго такой день, который согрѣлъ бы и оживилъ много прекраснаго. Веневитиновъ точно *молніей промгнулъ въ жизни*, какъ самъ прорекъ о себѣ во вдохновенномъ своемъ предчувствіи; но въ семъ молнійномъ своемъ полетѣ онъ бросалъ яркія, несомнѣвающія искры свѣта въ область бытія уменьшеннаго и въ міръ фантазій.

Изданныя нынѣ Спихотворенія его служатъ тому доказательствомъ. Даже въ пѣхъ изъ нихъ, конхъ къ сожалѣнію не успѣлъ онъ докончить или обработать, ясно описывающаго умъ необыкновенный, сила воображенія и раннее познаніе свѣта и жизни, которые, можно сказать, разгадалъ онъ напередъ, чинобы всну-пншь въ нихъ съ гошовымъ запасомъ соображеній и слѣдствій, въ замѣнь опытовъ. Промыслъ судилъ иначе и отозвалъ Веневитинова въ міръ лучший, какъ бы для того, чинобы пламенной его душѣ скорѣе и яснѣе открышь пайну самопознанія; но намъ, онъ кранката его бытія въ здѣшней юдоли, остались сіи прекрасныя отголоски души прекрасной. — *Дѣва семи Ангеловъ и Тайна*, два спихотворенія Барона Розена. Содержаніе повѣсти или баллады: *Дѣва семи*

Ангеловъ, основано на преданіи народномъ. Умирающая мать поручаетъ дочь свою семи небеснымъ хранителямъ, которые чудесно спасаютъ юную сироту сію въ самую минуту казни, безвинно для нея готовившейся. Въ стихотвореніи: *Тайна*: изображена любовь двухъ юныхъ сердецъ, пономъ легкомысліе дѣвы и ревность юноши, сдѣланіемъ которой было для дѣвы поснриженіе въ монахини, а для юноши — обреченіе себя на защиту Греціи, родины его милой Зинаиды: такъ называлась юная опшесльница. Уже въ первыхъ *трехъ стихотвореніяхъ* своихъ (изданныхъ въ 1828 году), Баронъ Розень показалъ опыны прекраснаго таланта; сіи два новыя служанъ тому еще лучшимъ свидѣтельствомъ. Его стихотворенія оплачуются созданіемъ, поэтическимъ облеченіемъ

мыслей, чистотою языка и хорошим стихосложением: последнее шло замечательнее, что Б. Розень уже в совершенных лѣтахъ началъ заниматься рускимъ языкомъ, долженъ былъ бороться съ его трудностями и преодолѣть оныя весьма счастливо. — *Борскій*, соч. А. Подолинскаго. Сія повѣсть, написанная прекрасными, свободными и звучными стихами, содержаніемъ своимъ не совсѣмъ удовлетворяетъ взыскательнаго критика. Борскій влюбленъ въ одну дѣвицу, между семействомъ которой и домою отца его существуетъ родовая вражда; онъ путешествуетъ, чтобы вдали отъ Елены (такъ называлась его любезная) утишить бурю страстнаго своего сердца. Уже по смерти отца, онъ возвращается и находитъ письмо, въ которомъ умирающій отецъ подъ клятвою запре-

щастъ ему вступаніе въ бракъ съ Еленою. Но скоро любовь превозмогла: Борскій снановицисъ супругомъ Елены. Онъ почини не наслаждаешся новымъ своимъ счасіемъ: сперва тревоги совѣсти за пресупленіе воли опцовской, потомъ новая мучительница, ревность, управляютъ для него всѣ минуты жизни. Онъ дѣлается мраченъ, подозрителенъ, не спитъ по ночамъ, и въ одну изъ сихъ бессонныхъ ночей подслушиваетъ неясныя, но показавшіяся ему сомнительными рѣчи жены своей, которая то же думаетъ, что онъ влюбленъ въ другую. Сильная подозрѣнія свои оправданными, Борскій убиваетъ Елену, и чрезъ короткое время узнаетъ ужасное свое заблужденіе: жена его была подвержена лунатизму! Борскій убѣгаетъ изъ дому; и уже послѣ суровой зимы, пушники нахо-

дять замерзлый и обезображенный
трупъ его на мгилаъ Елены. Такая
завязка слаба для поэмы: убійство,
совершившееся по несчастной ошиб-
кѣ, могло бы быть развѣ только
предметомъ небольшой баллады; онъ
того въ Борекомъ встрѣчась по-
вторенія нѣхъ же чувствованій и по-
ложеній. Однако же сіи недостатки
выкупаются многими живыми карти-
нами и нѣкоторыми счастливыми
мѣстами; но болѣе всего хорошимъ,
поэтическимъ языкомъ и гладкимъ,
искученнымъ стихосложеніемъ. — *Терпи
козакъ, атаманъ будешь*, стихотвор-
ная повѣсть въ опрывкахъ или кар-
тинахъ. Многія изъ эпикъ картинъ
написаны удачно, въ счастливую ми-
нуту; но вообще повѣсть сія слу-
житъ новымъ доказательствомъ, какъ
трудно поэтически изображать про-
изшествія и подробности жизни про-

запеской. Этотъ родъ стихотворныхъ романовъ пребудетъ дарованіа необыкновеннаго и разнообразнаго: иначе, романъ будетъ холоденъ, а описанныя въ немъ подробности житейскаго бытія, незанимательны и даже скучны, хотя бѣ онѣ были разсказаны въ самыхъ гладкихъ стихахъ и самымъ естественнымъ, разговорнымъ слогомъ. За сочинителя повѣсти: *Терпи, козакъ*, говоришь по крайней мѣрѣ то, что онъ не подражалъ никому изъ современныхъ поэтовъ и пытался создать новый, оригинальный родъ стихотворнаго романа; такая попытка конечно заслуживаетъ похвалу. Скажемъ болѣе: онъ до того простеръ свою спросность къ самому себѣ, что выславлялъ вездѣ имена писателей, онъ которыхъ заимствовалъ иногда стихомъ, даже однимъ словомъ. — *Люци-*

*феровъ праздникъ , романтическая кар-
 рикатура , стихотвореніе М. Дми-
 тріева. Вънѣ этого , напримѣръ ,
 нельзя назвать не-подражаніемъ. Со-
 чинитель самъ оправдывается въ
 томъ , что кромѣ мѣста дѣйствія
 нѣтъ ничего общаго между его ро-
 мантической карриатурой и Фау-
 стомъ , высокимъ твореніемъ Гёте ;
 и чинается по же виднѣ , что за
 исключеніемъ горы Брокена , именъ
 Мефистофеля и Фаустана , между ними
 двумя произведеніями нѣтъ ничего
 общаго. Кому же подражалъ Г-нъ
 Дмитріевъ ? Князю А. А. Шаховскому.
 И въ самомъ дѣлѣ , *Люциферовъ празд-
 никъ* сень , по формѣ и содержанію
 своему , весьма близкое подражаніе
*Меркурію на тасахъ , Девкалионову
 потопу* и другимъ подобнымъ скоро-
 стѣлкамъ драматической музы К. Ша-
 ховскаго : та же переключка разныхъ*

пмень, шѣ же фантазмагорическія
ихъ явленія, шѣ же коротенькія
ихъ рѣчи, не согрѣшыя ни воображе-
ніемъ, ни остроуміемъ, и такіе же
сбитые, шероховатые стихи.—*Чека,*
Уральская повѣсть, соч. О. Алексѣ-
ева. Содержаніе: Чека, старшина
взбунтовавшихся Уральскихъ коза-
ковъ, передъ началомъ разбойничь-
ихъ своихъ подвиговъ дастъ любп-
мой имъ козачкѣ заколдованный кнп-
жалъ, на которомъ должна высту-
пить кровавая капля, если съ Чекою
сбудется какое-либо несчастіе. Чрезъ
нѣсколько времени эта капля скани-
лась съ кнпжала, и до козачки до-
шла вѣсть о разбитіи Чеки и о близ-
кой его казни. Чека и вправду каз-
ненъ, и съ шѣхъ поръ около могилы
его, въ полночь • кружится мертвая
• глава. • Содержаніе сей повѣсти
очень скудно: ни правды историчес-

кой, ни правовъ, ни описаній мѣст-
ныхъ въ ней не сыщешь. Стихи,
мѣстами, хороши; но *фактура* ихъ
вообще напоминаетъ стихи Пушкина,
въ его поэмахъ; то же проглядываетъ
и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ этой
повѣсти (*). — *Ганцъ Кюхельгартенъ*,
идиллія въ картинахъ, соч. В. Алова.
Осѣмнадцатилѣтній стихотворецъ
написалъ сіи осѣмнадцать картинъ,
въ которыхъ замѣтны еще молодость
воображенія, незрѣлость дарованія
относительно къ слогу, языку и сти-
хосложенію, и крайняя безопытность
въ созданіи; но въ сочиненіи
видѣтъ шалашъ, обещающій въ немъ

(*) Сія повѣсть, равно какъ и романтическая
карикатура, о коей сказано было выше, напе-
чатаны въ концѣ 1828 года; но я упоминаю объ нихъ
въ пыишнемъ Обзорѣ, чтобъ меня не упрекнули
за пропускъ.

будущаго поэта. Если онъ спянетъ прилежно обдумывать свои произведенія, и не спянетъ спѣшить изданіемъ ихъ въ свѣтъ тогда, когда они еще должны покопиться и укрѣпиться въ силахъ подъ младенческою пеленою, то конечно надежды добросовѣстной критики не будутъ обмануты. — *Паризина, историческая повесть Лорда Байрона, вольный переводъ Н. Карцова, и Лара, повесть въ стихахъ, соч. Лорда Байрона, перев. А. Пескова*, доказываютъ, что не довольно одной смѣлости предпріянія, не довольно сказать себѣ: «я хочу переводить поэмы Байрона;» должно и оправдать сію смѣлость успѣхомъ, а для этого сперва постигнуть всю высокость гениальнаго поэта, каковъ Байронъ, и тогда уже переводить его творенія. Но переводить не такъ, какъ у насъ

обыкновенно переводить; не думая, будто бы, высказав на-обум мысль Байрона, мы сдѣлали свое дѣло; нѣтъ! должно выразить эту мысль, какъ самъ Байронъ ее выразилъ, со всею смѣлостію, смѣшанною и силою подлинника; должно передать духъ поэзіи Байроновой, а не холодный ея основъ. — Общее сіе замѣчаніе можетъ быть примѣнено также къ опривкамъ изъ поэмъ и другихъ Байроновыхъ произведеній, кои переслагалъ Г. Маркевичъ и издалъ подъ заглавіемъ *своихъ Стихотвореній, Элегий изъ Л. Байрона и Еврейскихъ мелодій*. Несколько счастливыхъ стиховъ и текущее стихосложение не составляютъ сущности того, чего мы требуемъ отъ переслагателей Байрона.

Не будемъ говорить о *Пищемъ*, объ *Алексѣ Любославскомъ* и другихъ

подобныхъ имъ стихотворныхъ повѣсхъ, появившихся въ первой половинѣ 1829 года: все, что бы мы ни сказали о нихъ, не пошло бы въ прокъ ихъ сочинителямъ и другимъ охотникамъ пизанья рѣмы. Скажемъ нѣсколько словъ о *Руской стихотворной Христоматіи*, изданной В. Золотовымъ; но скажемъ только для того, чтобы указать въ ней на необдуманное разположеніе стихотвореній по родамъ, и на выборъ оныхъ, сдѣланный, кажется, на поддержку: между осланичными произведеніями, собираемому попадались посредственные, даже пошлыя стихотворенія; съ именами лучшихъ нашихъ поэтовъ шли рядомъ имена малозвѣстныхъ и такіа, коихъ нечѣмъ помянуть хоронимъ, и все это перемѣшано безъ разбора, какъ будно

въ лавкѣ купца, торгующаго случайными товарами.

Драматическими произведеніями сіе полугодіе было очень скудно. Пересмотримъ небольшое число ихъ. *Мессинская невеста*, трагедія Шиллера, перев. А. Ролчева. Шиллеръ, конюрь на поэтическомъ своемъ поприщѣ какъ бы извѣдывалъ свои силы въ разныхъ родахъ древней и новой поэзіи, въ *Мессинской невестѣ* попыншался ввести хоръ трагедіи греческой; но конечно онъ самъ увидѣлъ, что въ новой трагедіи, не основанной, подобно древней, на вѣрованіи въ судьбу неотразимую, хоръ только ослабляетъ и охлаждаетъ дѣйствіе. *Мессинская невеста* на нѣмецкомъ языкѣ имѣетъ ту цѣну, что написана прекрасными стихами: Г. Ролчевъ выпустилъ это изъ виду, и не вездѣ съ одинакою тщательностію пере-

давалъ стихи Шиллера; почему переводъ его, утранивъ мѣстами сіе достоинство подлинника, еще явственнѣе обнажаетъ другіе, существенныя недоснажки сей прагедін.—

Дворянскіе выборы, комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Эта комедія какъ будто бы написана двумя разными лицами. Основа ея, завязка и ходъ весьма естественны: одинъ богатый провинціальный помѣщикъ, плутъ и ябедникъ, привозитъ съ собою на дворянскіе выборы добрыхъ своихъ пріятелей, одного съ нимъ покроя, и нѣсколько челоуѣкъ *запасныхъ*, т. е. словесныхъ живописныхъ дворянскаго званія, которые по заказу должны въ залѣ собранія кричать то, къ чему они наспроены своимъ *патрономъ*. Эта хитрость ему не удается, онъ осмѣянъ и выгнанъ изъ дворянскаго собранія, и *запасные*, по глу-

посети своей, пусть же голоса свои
 подають во вредъ ему. Сямъ рушан-
 ся его замыслы и условленная свань-
 ба одного изъ добрыхъ его пріятель-
 ей съ его племянницей, на которой
 женился пономъ молодой офицеръ,
 давно уже выбранный ей сердцемъ.—
 Вся комическія лица сей пьесы очень
 забавны и говорятъ свойственнымъ
 имъ языкомъ, а *запасные* ошмѣнно
 смѣшны; но, по какому-то стран-
 ному упрямству дарованія, итъ лица,
 кои сочинитель хотѣлъ облагородить
 и выспавить съ хорошей стороны,
 говорятъ только пошлыя правила и
 такимъ языкомъ, которымъ у насъ
 никакъ не говорить. Это подадо по-
 водъ одному чиншпедно сей комедіи
 сказанъ, « что всѣ глупцы въ ней
 « очень малы, а всѣ умные люди —
 « очень глупы. » Впрочемъ, новостъ
 содержанія и удачно обещавшая

* *

толпа нравственных каррикатуръ, весьма громко говорятъ въ пользу этой комедіи. — *Польдеръ, Амстердамскій палацъ, романтическая мелодрама*, перев. П. Н. Арапова. Главное дѣйствующее лице — бѣглый палачъ, который отсѣкаетъ себѣ руку, чтобы не опрубить головы любовнику своей дочери — вопль что *романтического* нашелъ переводчикъ въ этомъ произведеніи Гг. Пиксерекура и Дюканжа, и вопль, въ короткихъ словахъ, содержаніе сей мелодрамы. Неправильный, нечистый слогъ и неудачно переданныя французскія фразы — вопль что должно сказать о трудѣ Г. переводчика.

Въ собственно-литературной нашей прозѣ, замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ первой половинѣ года былъ: *Иванъ Выжигинъ, нравственно-сатирическій романъ*, соч. О. В. Булга-

рина. Нѣкоторые судьи литературныя утверждали, что сочиненіе сіе есть первый рускій оригинальный романъ; это несправедливо: романы Партъжнаго, написанные въ одномъ родѣ съ *Выжигиннымъ*, явились гораздо прежде его. Никто изъ безпристрастныхъ чиншателей не станешь конечно оспаривать сего права у сочинителя *Духъ Ивановъ*, *Бурсака*, даже *Рускаго Жилблаза*, не смотря на грубость нѣкоторыхъ картинъ и недостатки слога. Существенныя достоинства романа: воображеніе, вымысль, занимательность завязки и мѣстами вѣрный сколокъ нравовъ—не вовсе чужды романамъ Партъжнаго. Другіе критики, пристрастно-спрогн, ополчались противъ *Выжигина* и упорно старались отвергнуть у него всякое достоинство. Это также несправедливо: *Выжигинъ* имѣетъ

весьма важное достоинство, как анекдотическая картина нашего времени, представляемая под формою романа. Достоинство еіе доказываеиъя необыкновеннымъ его успѣхомъ; ибо *Выжигина* прочли люди всѣхъ сослоиій: знатный баринъ, скромный чиновникъ, провинціальный помѣщикъ, купецъ и мѣщанинъ искали въ этомъ романѣ примѣненій, каждый по своимъ понятіямъ и соображеніямъ, и каждый, можетъ быть, находилъ ихъ. Оиъ сего такое различіе въ мнѣніяхъ: критиками *Выжигина* сдѣлались уже не журналисты и литераторы, а такъ сказать, вся масса его читателей: одни хвалили, другіе корили, и всякъ цѣнилъ его сообразно съ своимъ видамъ и отношеніямъ. Самые безпристрастные находили, что сочинитель не долженъ былъ касаться никакого-по

закоренѣлаго недосипанка, не долженъ былъ выставляяиъ на показъ иного или другаго. Не входя въ разсужденіе о томъ, что можешь быть собственностію санитары въ порокахъ, предразсудкахъ, слабостяхъ и сираниностяхъ какого-либо народа или сословія, ибо такое разсужденіе повело бы меня весьма далеко отъ моей цѣли, — я стану разсмаиривать *Выжигина*, какъ романъ, какъ произведеніе искусства. Начну съ действующихъ лицъ. Не смотря на основную цѣль сочинишся — написаніе картины современныхъ нравовъ — Иванъ Выжигинъ, какъ герой романа, долженъ постоянно занимать насъ въ повѣсти его жизни, следовательно, долженъ привлечь къ себѣ наше вниманіе, какъ лице характерное; но въ Выжигинѣ пороки, слабости и добрыя наклонности такъ

близко граничатъ между собою, такъ рѣзко смѣняющъ другъ друга, что не видишь, доброе или дурное онъ существо, и врожденный, коренный его характеръ нисколько не развѣтывается. Видишь челоѣка слабаго, безъ правилъ, безъ характера, который кружится въ ту сторону, куда вѣтеръ подуеетъ. Таковъ же и другъ его Миловидиъ. Степной философъ Арсаланъ - Султанъ, также лице безхарактерное: Киргизецъ сей схватилъ во время своей жизни съ Европейцами кое-какія замѣчанія, которыя сочинилъ ему угодно было почитать именемъ философіи; но изъ этой смѣси разсужденій и выходокъ челоѣка полу-образованнаго съ кочевыми привычками и понятіями дикаря, составилось какое-то существо двуличное и шаткое. Арсаланъ развѣживается, вспоминая о женѣ

своей, подобно какому нибудь герою французскаго романа; и эиотъ же Арсаланъ грозитъ смернью своему плѣннику за малѣйшее покушеніе къ побѣгу. Лучше всего очерченъ характеръ тетушки Аделанды Пешровны, въ кошоромъ много правды и краски очень свѣжи. Замѣтимъ, что почти всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ сочинитель далъ характерныя названія, подобно надписямъ на аптекарскихъ банкахъ, какъ будто бы для того, чтобы не ошибались, чего въ нихъ некасть; таковы: Россіяниновъ, Виршупинъ, Грабланъ, Воровапинъ, Зартъинъ и пр. и пр. Имена сіи въ романѣ крайне скучны, именно отъ того, что не разгадывая всмрътчающихся въ немъ лицъ по ихъ поименкамъ и дѣйствіямъ, напередъ знаешь, чѣмъ они должны быть. Сочинитель удо-

вольснвовался шѣмъ, что обозначалъ характеръ каждаго изъ такихъ лицъ его именемъ, и не давалъ себѣ большаго труда открывать его постепенно, привязывать къ нему чинша-шея интересомъ романтическимъ. Если станемъ искать въ *Выжигинѣ* картины современныхъ нравовъ, то увидимъ, что всякой разъ, когда сочинитель касался высшего круга общества Москвы и Петербурга, черны, схваченны имъ, были не-верны. У него, напримеръ, кузина Анисина, двоюродная сестра Миловидина, вводитъ Выжигина въ лучшіе дома. Этому не водился, по-крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Молодая дама, кто бы она ни была, не можетъ развозить по домамъ незвѣннаго молодого человека, который ей не родня, и представлялъ его особамъ высшего званія; иначе,

не только для этого молодого человека, но и для ней самой двери вездѣ были бы заперты. Та же кузина Анисимна (женщина порядочнаго тона и замужняя) принимаетъ у себя незнакомую дѣвушку, которую Выжигинъ нашель ночью въ Екансрингофѣ и привезъ къ ней въ полночь. Этого также не сдѣлаетъ ни одна молодая свѣтская дама хорошаго тона, обязанная ондаванъ ончень въ своихъ поступкахъ мужу своему и тому кругу, къ которому она принадлежитъ. Москва вообще описана и подѣлена на разные круги общесства не по дѣйствительному своему быту, а по идеалу, который создало изъ нея воображеніе сочинителя. — Какъ романъ, *Выжигинъ* долженъ быть разсматриваемъ въ своей основѣ и въ ходѣ. Завязку романа составляетъ гоненіе на Выжигина

какой-то княгини, которая подкупает Воробьяникова, выманить у Выжигина отречение от наследства; а Воробьяников рѣшается развратить Выжигина, сманить его изъ дому мнимой его тетушки, завезти въ дальніе края Россіи и тамъ умертвить его. Сколько пружинъ для того, чтобы оппугать 250,000 рублей у неизвѣстнаго юноши, который самъ не знаетъ, кто былъ его отецъ! Изъ этого источника происходятъ все бѣды и все приключенія Выжигина, которыя сочинитель окончилъ самыми счастливыми послѣдствіями для своего героя. Но, вѣроятно, чувствуя всю слабость сей завязки, сочинитель хотѣлъ поддержать ее необыкновенными приключеніями: для сего-то убійцы везутъ Выжигина въ Оренбургъ, хотя могли бы раздѣлаться съ нимъ на

первой станціи; для сего-то ильнъ
 Выжигина у Киргизовъ, и приключе-
 нія пріятеля его, Миловидина, въ
 Венеціи, Конспанниниоловъ, Персіи
 и пр. Эти романтическія средства
 обвѣщали уже со времени романовъ
 аббата Прево; и когда въ нихъ опи-
 санія и нравы дальнихъ странъ не
 заключаютъ въ себѣ ничего новаго,
 или не представляющъ живо и ощу-
 тительно народности и мѣстности,
 то средства сіи крайне охлаждающъ
 занимательность цѣлаго, ибо слыш-
 комъ явно показываютъ, что со-
 чинитель выуждалъ свое воображе-
 ніе. Наконецъ, скажемъ нѣкии замѣ-
 чанія и о слоgъ романа: *Выжигинъ*.
 Слогъ сей чистъ, правиленъ, но
 холоденъ; въ разговорахъ же слыш-
 комъ отзывается слоgомъ книж-
 нымъ. Тѣ изъ дѣйствующихъ лицъ,
 на которыхъ сочинитель хотѣлъ по-

ложить печать ума или добродытели, тяжело высказываютъ свои правила, и какъ будто бы проповѣдуютъ съ кафедры, на заданную тему. Воистинно безпристрастное мое мнѣнiе о *Выжигинѣ*, какъ объ романѣ, какъ о *цѣломъ*; но въ часописанияхъ, онъ заключаетъ въ себѣ мѣста, истинно прекрасныя. Таково начало, таковы почти весь первый томъ. Дыспиво *Выжигина*, домъ липовскаго пана, домашнiй бытъ и плутины жидовъ, роскошная жизнь красавицы-иенушки — написаны масперекою кнесью; но, повѣрю : тамъ, гдѣ сочинитель заглядывалъ въ большой свѣтъ обихъ снолицъ — кнесь ему измѣняла. Множество анекдотовъ, взятыхъ изъ живаго общества и разбланныхъ въ этотъ романъ, мѣстами весьма удачно, составляютъ главную заманчивость *Выжигина* и дѣлаютъ

его любознательнымъ, даже любимымъ чтеніемъ разныхъ классовъ нашей публики. Причину сего объяснилъ я выше. — *Ивану Выжигину отъ Сидора Пасхутьевича Простакова посланіе, или отрывки бурной жизни.* Успѣхъ Выжигина, сказывающій, породилъ многихъ подражателей или послѣдователей, и намъ обѣщаютъ уже цѣлыя книги оригинальныхъ русскихъ романовъ. Это будутъ все романы правовы, въ которыхъ сочинители снанишъ рускому человеку разсказывать, каковъ онъ, снанишъ его учинъ добру и журинъ за пороки и глупости. Въ ожиданіи сей новой отрасли системы взаимнаго обученія, покажется явилсяъ вышеписанные *отрывки бурной жизни*; но въ сихъ отрывкахъ мы видимъ только бурный порывъ писанъ... на зло уму и вкусу. — *Черная немочь, повѣсть, соч. М. По-*

година. Молодой купеческій сынъ, Гаврила Аввакумовъ, иная врожденную склонность къ наукамъ и зная непреодолимую къ нимъ ненависть своего отца, дѣлается мраченъ, задумчивъ, даже почти боленъ. Отецъ его, богатый скряга, неучъ и наукоборецъ, думаетъ, что сынъ его боленъ *терною немогью*, посылаетъ его къ священнику, и сей, выведавъ у юноши его тайну — спрашиваетъ къ ученью, обещаетъ ему свое ходатайство у стараго Аввакумова. Между тѣмъ, отецъ и мать хотѣли женить Гаврилу, объявляютъ ему о томъ и настоятельно требуютъ его повиновения. Онъ уходитъ отъ нихъ въ отчаяніи; вскоре потомъ привозятъ къ нимъ безжизненный трупъ ихъ сына: онъ утонулъ въ Москвѣ рѣкѣ. Вотъ содержаніе сей повѣсти. Безумный поступокъ Гаврилы не мо-

жеть быть оправданъ спрасивно къ наукамъ и всякою другою спрасивно; Гаврила могъ бы женился въ угоду своимъ родинелямъ, и это не помѣшало бы ему заниматья выпайнѣ образованіемъ своего ума, что соснавлало единственную цѣль, къ которой онъ спремнлся въ жизни. Прочтешь новѣсть — и никакого учасія не почувствуешь къ герою оной; пожадешь только развѣ о томъ, что могутъ бытъ такіа неутиѣшительныя явленія — люди, въ которыхъ отъ самаго рожденія таинся и съ дѣтми развертываеся зародышь сумасбродства. Подобныхъ явленій или подобныхъ заблужденій не должно бы было выснавлиять, особливо въ такомъ видѣ, въ которомъ сочинитель спнарается облагородить поспунокъ, бывшій слѣдствіемъ горячки въ мозгу. Главное дѣйствующее лице, Гаврила

Аввакумовъ, выходить изъ предѣловъ
вѣроятнаго, даже возможнаго: не-
образованный юноша виднѣть, какъ
бы въ магнетическомъ снѣ, все то,
что пріобрѣтается только долговре-
меннымъ, посюстороннимъ ученіемъ, и
говорить объ этомъ добродушному свя-
щеннику языкомъ ученаго. Не такъ
зараждаются и сложныя первобыт-
ныя понятія въ умъ природнаго ге-
нія: онъ можетъ много вмѣщать сихъ
понятій, но не въ томъ порядкѣ и
последствіи, какъ Г. Погодинъ вы-
сказывалъ ихъ за героя своей по-
вѣсти. Мы видимъ тому живой при-
мѣръ: покойнаго Власова, природ-
наго химика, бывшаго потомъ оп-
ытнымъ лаборантомъ, но тогда уже,
когда онъ открывшееся ему собствен-
ными дарованіями, исправилъ и по-
вѣрилъ наблюденіями и опытами му-
жей ученѣйшихъ по части химіи,

каковы Тенаръ, Гомфри Деви и пр.... Нѣкоторыя подробности въ повѣсти Г. Погодина: бытъ средняго сосноянія Москвичей, свановенно и пр., схвачены весьма вѣрно и хорошо; вообще эта часть повѣсти и занимательна и жива; но слогъ крайне неровень: сочинитель въ разсказѣ своемъ то увлекается въ возвышенный, то спускается до низкаго, разговорнаго слога самыхъ просонародныхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. — И вошь все, о чемъ должно было говорить изъ прозаическихъ произведеній нашей словесности за сіе полугодіе. Изъ переводовъ, упомянемъ о слѣдующихъ: *Повѣсти и литературные отрывки* Г. Полеваго. Издашель Московскаго Телеграфа собралъ всѣ досшойныя вниманія, собственнн-литературныя сшаты, переведенныя имъ и помѣщенныя въ

разныхъ вышкахъ его журнала, и печатають ихъ особою книгою. Донынѣ вышло 3 тома сихъ *Новостей* и пр.; всѣхъ будетъ шестъ. Занимательность и разнообразіе статей, собранныхъ и разположенныхъ съ умомъ и вкусомъ, вполнѣ заслуживаютъ сей книгѣ похвалу и вниманіе; желательно бы было, однако жъ, чинобы Г. Полевой, въ послѣдующихъ томахъ, внимательнѣе пересмотрѣть прежніе свои переводы и мѣстами исправить бы ихъ слогъ. Въ срочныхъ переводахъ для журналовъ, недосмотры и негладкость слога могутъ еще быть извинены неосышностію, если они не слишкомъ часто попадаются; но издавая переводы сіи особою книгою, прудившійся надъ оными обязанъ изгладить всѣ прежніе ихъ недостатки. Такъ дѣлали смѣлѣйшіе наши журналисты - писатели, при

изданіи вполне трудовъ своихъ. — *Повѣсти для дѣтей.* Счастливый выборъ изъ лучшихъ иностранныхъ писателей, заманчивое содержаніе сихъ повѣстей и прекрасный слогъ перевода (надъ комъ, какъ извѣстно, трудилась одна почтенная Россіянка), дѣлають сію книгу назидательнымъ и приятнымъ чтеніемъ для юныхъ читателей. Въ первой части помѣщены повѣсти для перваго возраста; во второй — повѣсти, назначаемыя для дѣтей отъ 9^{ти} до 12^{ти} лѣтъ. Всѣ онѣ отличаются чистотою, нравственною цѣлю и описательно-увлекательнымъ разсказомъ. — *Вудстокъ, или всадникъ*, пер. Г. де-Шампена. Хорошій переводъ хорошаго романа Валтера Скотта; этого перевода никакъ не должно смѣшивать съ другимъ, изданнымъ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: *Вудстокъ, или кавалеръ.*

О семъ послѣднемъ нечего сказать утѣшительнаго, равно какъ и о переводахъ пѣконорыхъ другихъ романовъ британскаго романиста-поэта. Можно только пожалѣть, что такіе, поступаемые въ Москвѣ на подрядъ переводы, до сихъ поръ еще не перевелись. — Г. де-Шаплетъ напечаталъ еще: *Путешествіе по Турціи изъ Константинополя въ Англію, чрезъ Вѣну, сог. Р. Вальша*. Достоинство сей книги оцѣнено иностранцами, и иногда нашими журналистами: все онѣдали справедливость любопытнымъ свѣдѣніямъ о Турціи, кои путешественникъ въ ней сообщаетъ; и хорошимъ переводомъ сего путешествія Г. де-Шаплетъ оказалъ истинную услугу нашей публикѣ.

Почтенный нашъ ориенталистъ, О. Іакинѣвъ Вичуринъ, постоянно обогащаетъ словесность нашу пере-

водами съ кнпайскаго языка и собственными сочиненіями, кои все знакомятъ насъ или съ исторіей, или съ географіей, статистикой и правами жителей Китая и сопредѣльныхъ ему странъ. Въ первой половинѣ 1829 года, О. Іакинъ издалъ: *Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана, пер. съ Китайскаго, книгу*, весьма хорошо знакомящую насъ съ сею частью средней Азіи. Въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, любопытны баснословныя понятія Китайцевъ о Россіи. Позабавлясь ихъ невѣжесивомъ на счетъ нашей отчины, онъ всего сердца проситъ добрымъ Китайцамъ, которые далѣе Кяхты никогда не путешествуютъ по Россіи, и проситъ тѣмъ охотнѣе, что просвѣщенные Европейцы, особливо Англичане и Французы, донынѣ еще почти не менте Китай-

цевъ о насъ баснословить. — *Описаніе Пекина, съ планомъ сего города.* Планъ сей былъ снятъ по порученію О. Іакинѣа, въ бытность его въ столицѣ Китая, однимъ тамошнимъ инженеромъ. Описаніе, весьма подробное, переведено также съ китайскаго нашимъ ориенталистомъ на рускій и на французскій языки, и напечатано особыми книжками, — *Исторія первыхъ четырехъ Хановъ изъ дома Чингисова, пер. съ китайскаго.* Эта книга есть извлеченіе, сдѣланное трудолюбивымъ О. Іакинѣомъ изъ двухъ китайскихъ сочиненій: *Исторіи Чингисова дома* и *Всѣобщей Китайской Исторіи.* Соприкосновенность исторіи татарскихъ завоевателей съ бытописаніями нашего отечества, возбуждаетъ справедливое любопытство узнать дѣла сихъ завоевателей на волю, и по,

чно объ нихъ пишутъ нынѣшніе наши сосѣди, Китайцы. О. Іакинѣвъ, въ этой книгѣ, доставляетъ намъ весьма полныя о томъ свѣдѣнія. — Здѣсь кенташи упоминають о привязчивыхъ и часто неосновательныхъ выходкахъ парижскаго ориенталиста, Г. Клапроша, противъ почтеннаго нашего соотечественника, О. Іакинѣва. Г. Клапрошъ, опираясь на свои знанія (весьма подверженныя сомнѣнію) во всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ Азіи, рѣшительно опровергалъ достоинство переводовъ О. Іакинѣва и вѣрнось принятыхъ имъ правописанія и выговора именъ китайскихъ. Но кно болѣе заслуживаетъ вѣры: Г. ли Клапрошъ, научившійся китайскому языку, не выѣзжая изъ Парижа, или О. Іакинѣвъ, прожившій 14 лѣтъ въ столицѣ Китая и исключительно изучавшій на мѣстѣ языкъ

кишайскій, его выговоръ и словесность? Вопросъ сей рѣшается самъ собою. Касательно другихъ гипотезъ Г. Клапроша, на счетъ предполагаемой имъ неправильности выговора самихъ китайскихъ ученыхъ въ Пекинѣ, ему можно отвѣчать слѣдующимъ примѣромъ: что, если бы какой упрямый иностранецъ вздумалъ при немъ увѣрять, будно бы въ Русилонѣ или въ Тулузѣ народъ правильно говорить по-французски, нежели образованные люди въ Парижѣ, — не разсмѣлся ли бы Г. Клапрошъ? Я думаю, то же сдѣлалъ бы Китайецъ, которому бы онъ сталъ предлагать свои гипотезы.

Картина войнъ Россіи съ Турціей, соч. Г. Бутурлина, извѣстнаго просвѣщенной Европѣ своею Исторіей войны 1812 года. Сія Картина войнъ

сь *Турціей* написана имъ на французскомъ языкѣ и напечатана была въ весьма маломъ числѣ экземпляровъ. Переводъ ея на рускій языкъ есть дѣло пера опытнаго; это доказываютъ хорошій слогъ и точность военныхъ выражений. Третью часть сей книги составляетъ изображеніе кампаній 1828, а можетъ быть также и 1829 года. — *Исторія Села Царскаго*, составленная изъ дѣлъ архива правленія Царскосельскаго, П. Яковлевымъ. Въ этой книгѣ заключаются многія любопытныя свѣдѣнія о сей истинно - Царской мызѣ; исторію оной сочинитель начинаетъ еще съ того времени, когда Шведы владѣли Пигріей; но мы должны сказать, что онъ слишкомъ неумѣренно пользовался архивомъ Царскаго Села. Какое дѣло читателю, напр., до старыхъ донесеній архитекторовскихъ и до за-

писокъ о числѣ работниковъ? — *Исторія древней и новой Литературы, соч. Фридриха Шлегеля*, перев. съ нѣмецкаго. Давно уже любители словесности желали видѣть на рускомъ языкѣ сіе твореніе, коего сочинитель, справедливо славимый за обширныя его свѣдѣнія, необыкновенный умъ и вкусъ, пролилъ новый свѣтъ на исторію всемірной литературы. Переводъ хорошъ и точенъ; можно бы однако пожелать, чтобы прелагатель не слишкомъ строго придерживался данныхъ нѣмецкихъ періодовъ, которые въ нашемъ языкѣ часто вредятъ ясности слога. — *Путешествіе вокругъ свѣта, на военномъ шлюпѣ Предпріятіе*, Капитанъ-Лейтенанта Коцебу. Въ семь четьрехъ-дѣшнемъ путешествіи (съ 1823 по 1827 годъ), Г. Коцебу сдѣлалъ многія географическія наблюденія, онѣ

крыть нѣсколько новыхъ острововъ и върѣе другихъ путешественниковъ описалъ нѣкоторые изъ прежде-извѣстныхъ. — *Древнее сказаніе о побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ*, изданное Н. Свѣгиревымъ. Изданіе оказало весьма большую услугу любителямъ русской старины напечатаніемъ сей, можно сказать, исторической поэмы; ибо не смотря на то, что она писана не стихами, многія мѣста, неполные поэзіи, и полу-драматическій разсказъ сего стариннаго ошривка, ставятъ его на ряду съ извѣстнымъ *Словомъ о Полку Игоревѣ*. Г. Свѣгиревъ слѣдуетъ находящійся у него весьма хорошій списокъ съ нѣсколькими другими, и мѣстами допоялать его изъ опытовъ или предлагать варіанты въ видѣ примѣчаній.

По драгоценнѣйшимъ и вмѣстѣ умнѣйшимъ явленіемъ въ сей половинѣ года, по часни пещорѣи, былъ *дванадцатый томъ Исторіи Государства Россійскаго*, послѣдній трудъ нашего незабвеннаго Карамзина. Борясь уже съ тяжкими спраданіями при переходѣ оныя временной жизни къ вѣчности, кошую оныя утвердилъ за собой и въ здѣшнемъ мірѣ своими славными твореніями, — Карамзинъ доканчивалъ намъ сказанія о шаткомъ правленіи Василія Іоанновича Шуйскаго и о послѣднихъ Самозванцахъ тогдашняго времени. Быстрый перерывъ, коимъ прекращающіяся сіи сказанія, ясно говорятъ, что на эпосѣ мѣсто крайнее разслабленіе полуразрушеннаго соснава плеснаго побороло наконецъ силу духа въ знаменитомъ нашемъ Пещоріографѣ. Но только сіе безвремен-

ное окончаніе и напоминаеть о готовившейся намъ горькой утратѣ: все прочее въ семь 12 томъ согрѣто прежнимъ жаромъ души, пламенной ко всему великому и прекрасному, изображено тѣмъ же краснорѣчивымъ перомъ писателя, любившаго и прославившаго свое отечество. Слабый Василій Шуйскій, вдругъ какъ бы пробуждавшійся отъ усыпленія и въ рѣшительную минуту умѣвній бытъ царемъ; юный, доблестный князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, котораго чистая, безкорыстная любовь къ отечеству и знаменитые подвиги на защиту его, привязываютъ читателя къ сему герою всеми чувствами благороднаго сердца; твердый въ бѣдѣнствіяхъ мужъ, напріархъ Эрмогенъ; князь Димитрій Пожарскій, тогда уже возносившій славу свою къ спасенію Россіи;

хитрый, но бодрый духомъ Ляпуновъ, котораго жертвы для общечеловѣчества, запечатлѣнныя его смертію, заглаживають все другіе, недоскопченныя памятки его поступки: — все сіи лица представлены съ неподражаемымъ искусствомъ, въ ихъ разнообразныхъ дѣйствіяхъ, въ стремленіи къ цѣли своей различными путями, въ живой игрѣ страстей. Съ другой стороны, плачевное состояніе Россіи, раздраемой бунтами и покушеніями Самоубійцевъ, все бѣдствія междоусобія, какими обыкновенно запечатлѣваются годины сильныхъ потрясеній государственныхъ, все частное, произшедшее изъ злыхъ общественныхъ, — вотъ предметны картины, которую столько живо, столько сильно, такими яркими и вѣрными красками начертила намъ кисть сего несравненна-

го историка-живописца! Невозможно выразить того удивительного дара, той недоснутой прелестью слога, которыми писатель наш действуетъ на душу своихъ читателей, съ которыми онъ увлекается и приковываетъ ихъ вниманіе, умъ и воображеніе. Разумѣется, я говорю здѣсь не о душахъ холодныхъ: ихъ ничто не трогаетъ, и на памятникъ, который воздвигнутъ Карамзинъ къ неувидаемой себѣ славы, въ 12^{ти} томахъ его Исторіи, неукротимыя ихъ руки сдѣлаютъ оснаныя слѣды незамѣтнаго ихъ бытія. И чего хотѣли они? и какъ согласныя разнородныя, часно противорѣчія одно другому ихъ требованія?... Карамзинъ носилъ требованія высшія — требованія Русскаго народа его времени, и написалъ для него Исторію, которая,

по выраженію Вѣщепоснаго Цѣни-
теля трудовъ Психолога, достой-
на Рускаго народа.

О. Сомовъ.

КИРГИЗСКІЙ НАБѢГЪ.

(Друзьямъ моимъ.)

Вы конечно знаете, въ географическомъ отношеніи, тотъ участокъ земли, который, находясь между рѣками Ураломъ и Илекомъ, и будучи огражденъ онъ Киргизскихъ степей рядомъ форпосновъ Ново-илецкой линіи, составляетъ особенный округъ мѣстечка (*), давно извѣстнаго по своимъ солекопнямъ. Если жъ не

(*) Илецкой записки.

знаете, то прошу васъ взглянуть на подробную карту Россіи. Чрезъ эпопѣй самый учасногъ (или какъ вамъ угодно его назвать), въ 18... году пролагалъ я, разумѣется по приказанію начальства, дорогу для обозовъ съ плечкою солью; и во время исполненія сего дѣла, со мною случилось приключеніе особаго рода, приключеніе, достойное занять нѣсколько сиротъ въ какой-нибудь *Байроново-романтической* поэмѣ: ибо въ немъ новоселье положеній была соединена съ неожиданностію и ужасомъ. Какъ жаль, что я не умѣю писать поэмъ! По крайней мѣрѣ я расскажу вамъ мое поэтическое приключеніе просило, какъ прозаическій анекдотъ; и если вы удостоите меня такимъ же вниманіемъ, какимъ пользуетесь рассказчики городскихъ новостей и другихъ невинныхъ жишей-

ских вадоровъ, но я буду доволенъ тѣмъ, какъ нельзя болѣе. И такъ, прошу слушать.... Но прежде считая нужнымъ сказать нѣсколько словъ о Ново-пасской линіи и селѣдяхъ ея Киргизцахъ.

Сія линія съ начала весны до конца осени содержиши въ грозномъ военномъ видѣ: форпосны бываютъ вооружены пушками, небольшіи отрядами регулярной пѣхоты, Козаковъ, Тенгирей, Мендѣраковъ и Башкирцевъ; дено и нощно разбѣгаютъ по ней дозоры — и отъ одного *пикета* до другаго ловкій Башкирецъ можетъ докинуть стрѣлу. Случиши ли почая тревога: вдругъ вспыхиваютъ маяки (т. е. огромные шесты, обверченные соломой и снопащѣе, подобно великанамъ, при каждомъ пикетѣ); шодны Козаковъ, Мендѣраковъ, Башкирцевъ высылаютъ

изъ укрѣпленій, и съ топотомъ ихъ
коней сливаеися гулъ въстовой пуш-
ки, находящейся въ Илецкой защитѣ,
на вершинѣ *Намаза* (*) или карауль-
ной горы. Но и при такихъ мѣрахъ
предосторожности, киргизскимъ раз-
бойникамъ удаеися иногда, обманувъ
кордонную стражу, пробираеися на
нашу сторону, похищаютъ рускій
скотъ, пожигаютъ сѣно, топчутъ
поля, увлекаютъ въ неволю оплош-
ныхъ поселянъ или бѣдныхъ путеше-
ственниковъ, не разбирая ни зва-
нія, ни пола, ни возраста. Случае-
тся даже, что Киргизцы, собрав-
шись большою толпою, имѣютъ дер-
зость нападать на самые форпос-
ты, выдерживать сыныи съ нами-

(*) *Намаздъ*, киргизское слово, значить *святый*.
Такъ называется гипсовый холмъ при Илецкой за-
щитѣ, на коемъ Киргизцы въ старину совершали
торжественныя молитвы.

ми ошрядами и срывашь пикеты въ
удиненныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, ни-
когда почти военныя проказы сихъ
помадовъ не оснаются безъ наказа-
нія. Козаки, а особливо Плецкой
защитны, будучи лучше вооружены,
смыкае и рѣшительнѣе своихъ непріа-
телей, умѣють угадывать ихъ намѣ-
ренія, находятъ Киргизцевъ *тутьемъ*
по сѣдамъ, ошкрывая тайки ихъ
въ чащѣ камышей, въ глубинѣ овра-
говъ, нападая враслохъ — и смер-
тельными ударами ошъучая ихъ ошъ
нагубной страсти къ набѣгамъ. Ксена-
ши о защитинскихъ Козакахъ. Кир-
гизцы бояшя ихъ болѣе суровой зи-
мы, сконскаго надежа и *улькунъ-*
мултыкъ или большаго ружья, ш. е.
пушки. Нѣкоторые изъ нашихъ ли-
нейныхъ героевъ (*) приобрѣли въ

(*) Напр. покойный Яковъ Бѣлковъ, о которомъ

степеняхъ и между своими какую-то значительность, похожую на славу; такъ чинъ дѣла ихъ возмѣщаются Русскими въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, а имена наводятъ наипаче на Ордынцевъ, присоединяющихъ къ нимъ, въ знакъ невольнаго уваженія, почтенное названіе *батыри*, т. е. богатыри.

Наирасно донныя Правительство старалось и старается положить конецъ безпрестаннымъ разбоямъ и дракамъ на Ново-посадской, и вообще на Оренбургской линіи. Всѣ его предпріятія по сему предмету послужили только къ подтвержденію истины, что доколѣ Киргизцы будутъ Киргизцами — народомъ кочующимъ, необразованнымъ и огражденнымъ отъ

сложено нѣсколько пѣсень и котораго Киргизцы называютъ *Якубъ-батыръ*.

всякой власти непроницаемостью снелней, до шхъ норъ грабительство, известное у нихъ подь названіемъ *баранты*, будеть уважаемо ими, какъ народный обычай: ибо правы непроросвѣщенныхъ народовъ не измѣняются и въ вѣкахъ. Слѣдовательно Киргизцевъ надобно по возможности просвѣщать. — Правительство, какъ вамъ известно, приступило уже къ исполненію сего благодѣтельнаго средства; но это не относится къ моему анекдоту.

Я сказалъ, что Новоузенская линія содержишаясь въ военномъ видѣ только съ начала весны до конца осени. Зимною картина перемѣняется. Глубокій снѣгъ, прескучіе морозы, ужасныя мштели, называемые тамъ *буранами*: все это принуждаетъ киргизскихъ *батырей* сидѣть смирно въ ихъ войлочныхъ шатрахъ или кибиткахъ.

Самые беспокойные изъ нихъ опко-
чевываютъ, выѣзятъ съ дикими пле-
нами, къ шельмамъ берегамъ Араль-
скаго моря, къ предѣламъ Бухаріи и
Хивы; а иѣ, кошорые помирятъ,
облегаютъ дружелюбными аулами рус-
скую границу, мѣняютъ свой скотъ
на хлѣбъ линійныхъ жителей и на
пріянія въ кочевомъ киргизскомъ
быту произведеній нашихъ мануфак-
туръ, ѣздятъ къ намъ въ гости и
сами принимаютъ гостей; однимъ
словомъ, живутъ съ нами, какъ доб-
рые пріятели, до самой весны. При
такомъ положеніи дѣлъ, военная
сноровка на линіи спавовишея не
нужною. Въ началѣ Ноября, часно и
ранѣе, линійные гарнизоны идутъ
на зимнія кварширы, Башкирцы и
Мещеряки длинными толпами от-
правляются въ свои кантоны; линія
пустѣетъ; сердитые бураны увива-

юлся вокруг покинутых маяков , а въ форпостныхъ землянкахъ оснащаются только небольшое число обывателей и сторожей (*).

Мнѣ должно было исполнить порученіе , о которомъ сказала я выше , въ половинѣ Маія. Ново-илецкая линія не была еще тогда занята войсками , а цвѣтущая весна благопріятствовала уже набѣгамъ неутомимыхъ Ордынцевъ. Впрочемъ , имѣя въ конвое семь хорошо-вооруженныхъ Козаковъ Защиинской сотни , я съ браномъ моимъ , унтеръ-Шихтмейстеромъ (**), съ унтеръ-офицеромъ Мошиннымъ (не безъ намѣренія называю его имя) и восемью вооружен-

(*) Войска , охраняющія линію въ продолженіи лѣта , обыкновенно называются *лѣтнею кордонною стражею*.

(**) Авторъ служилъ тогда въ горной службѣ.

ными работниками, — благополучно и безъ всякихъ замѣчательныхъ приключеній, снявъ ситуацію малозвѣстныхъ пустынь, чрезъ кошоры пролагалась дорога. Оспавалось только выславить по ней знаки или *отъли*, для указанія прямого пути въ сѣхъ безпримѣнныхъ мѣстахъ.

Въ полдень, 20 Маія, мы находились посреди необозримой равнины, какъ плавали посреди Океана. Сѣдой ковыль, подобно шонкой пеленѣ, мялся подъ нашими ногами, спрунлся вокругъ насъ и свисалъ вдали съ краями сѣяго неба. Лишь изрѣдка утомленные взоры свѣтили ошдыханъ на коврахъ муравы и цѣтшвъ, покрывающихъ динныя впадины, кошоры можно назвать *Оазисами* сѣй равнины. Вѣravo ошкрывалась иногда дымоподобные холмы Общаго Сырта и лѣса Уральскаго берега.

Какъ жаль, что какой-нибудь ученикъ Орловскаго не продемонстрируетъ шествія нашего маленькаго каравана (*)! Эна даришна, по моему мнѣнію, спонда бы масшеракаго карандаша его. Я постараюсь описать ее, какъ увию. Нѣсколько ловкихъ Козаковъ, безиресшанно заѣзжая вперёдъ, вели, посредешвомъ длинныхъ своихъ дрошниковъ, прямую линію, а вельдь за ними работники вколачивали въ землю колья, съ навязанными на верху пучками бѣлаго ковыля, — зыбкими, какъ перья шарнирныхъ рыцарскихъ шлемовъ. Но объ спороны линіи шлоулось нѣсколько воевъ

(*) Я называю мою команду караваномъ, во первыхъ пошому, что она съ виду въ самомъ дѣлѣ походила на караванъ, хотя въ ней и не было ни шоваровъ, ни верблюдовъ; во вторыхъ пошому, что не нахожу приличнѣйшаго ей названія.

съ колыями; и наконецъ, шествіе заключалось длинными *карандасами* — спешнымъ экипажемъ, весьма похожимъ на похоронныя дроги. На нихъ сидѣлъ поручикъ К... (который поѣхалъ со мною изъ кр. Разсыпной, въ качествѣ смотрителя солевозной дороги), полубольной, высокій, сухощавый, какъ *рыцарь пегальнаго образа*, въ одномъ камзолѣ, съ калмыцкою трубкою въ зубахъ, съ шапирскимъ кознакомъ на головѣ. Чтно касается до меня, то покорный слуга вашъ, землякъ дикихъ Ордынцевъ, привыкшій съ дѣтскихъ лѣтъ къ ихъ кочевой жизни, — ѣхалъ верхомъ, сидя на широкомъ и мягкомъ киргизскомъ сѣдлѣ такъ же спокойно, какъ въ вольперовскихъ креслахъ. Рядомъ со мною ѣхали два Козака, сохранившіе въ памяти неизтощимый запасъ любопытныхъ преданій, ко-

порья въ совокупности составили бы самую подробную исторію ихъ родины; бывавшіе въ молодецкихъ походахъ далеко за *Сыр-дарьей* и неуспевавшіе въ некуснѣ защищаться и нападать ни одному изъ степныхъ Каранаевъ и Джалимановъ (*). Тунъ же ѣхалъ и веселый, беззаботный Мошнинъ. Съ благодарностію долженъ я сказать, что мыское ружье его часно доставляло намъ вкусный обѣдъ въ нашемъ безкварпирномъ походѣ. Нарядъ Мошнина соснавлялъ большую противоположность съ одеждою Козаковъ. При високомъ ростѣ и крѣпкомъ сложеніи, при загорѣлыхъ лицахъ, украшенныхъ густыми усами,

(*) Современные *батыри*, славные въ степи, — первый, какъ бывший претендентъ Ханскаго до-стоинства, второй, какъ неукротимый разбой-никъ.

они были одѣты въ преннрокіе кафтаны и шаровары, имѣли на головѣ мохнатый шапки, за плечами длинныя уродливыйя ружья съ *ражками*, а вмѣсто пояса шоденый ремень, съ привѣшенными къ нему пороховымъ рогомъ, киргизскою *каштою* (*), ножомъ и другими снарядами. Напоминная одеждою, вооруженіемъ и ухватками сподвижниковъ Сивеньки Разина, Козаки мои могли бы до смерти перепугать собою какого-нибудь эвирпаго пешименсра или робкую, итѣжную даму. Напрошивъ шого Моининъ, въ кожаномъ карпузѣ, въ изношенномъ мундирѣ съ обрѣзанными фалдами, въ ходешинныхъ панталонахъ,

(*) *Кашта*, такъ называется кожаная сумка, которая служила Киргизцамъ вмѣсто ядунки и шапки.

въ шерстяныхъ чулкахъ и *поршняхъ* (*) или русскихъ сандаляхъ, сноль же легкихъ, какъ башмаки французскаго придворнаго кавалера, — Мошинъ, невысокій и плоскый, съ короткимъ ружьемъ своимъ, шочно такъ же походилъ на сипеннаго богатыря, какъ жокей нынѣшняго лорда на шурецкаго пану или на желѣзнаго воина крѣпцовыхъ походовъ.

Шуйя съ товарищами и наблюдал за дѣйствіемъ нашихъ геодезистовъ, я вовсе не думалъ о бродящихъ киргизскихъ разбойникахъ, хотя зналъ, что въ настоящее время года странствованъ намъ, гдѣ мы находимся, не совсѣмъ безопасно. Правда, видя

(*) *Поршни* — два лоскута сыромятной кожи, стянутые ремнями и такимъ образомъ состоящія изъ родъ сандалий. Ихъ носили въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне.

иногда задумчиваго Козака, обводящаго вокругъ внимательные взоры, я начиналъ чувствовать тайное безпокойство и присматрѣть смогрѣть въ нѣмную даль; но широта земли и неба скоро возвращала мнѣ прежнюю беззаботность. Что касается до монхъ воиновъ, то они говорили о Киргизцахъ не иначе, какъ съ величайшимъ презрѣнiемъ. Напримѣръ, замѣнивъ однажды вдали неподвижную точку, я спросилъ одного изъ монхъ Козаковъ, не можетъ ли онъ разсмогрѣть, что тамъ чертѣется? — « Кусень, или беркунь (*), » отвѣчалъ онъ сухо. — То-то; смогри, не Киргизецъ ли? — « Ну, такъ что жъ, » — « хонь и Киргизецъ. » — Какъ бы они не напали на насъ врасплохъ? — « Пускай попробуютъ! » — сказалъ пре-

(*) Степной орелъ.

хладнокровно Козакъ. Тѣмъ и разговоръ кончился.

Такимъ образомъ доспигли мы вершины рѣчки Николки, гдѣ заранѣе предположено было порядочно отдохнуть, пообѣдать и накормить лошадей. Мѣстность, управляя должностно кварширмейстера, прѣхалъ туда прежде насъ и успѣлъ заснѣлнить нѣсколько упокъ для нашего обѣда. Мѣсто, на которомъ поставили мы свой шатеръ, лежало гораздо ниже окрестной равнины, возвышающейся вокругъ него (какъ ошлогіе края чайнаго блюдичка вокругъ дна) едва приметною покатостію. Это небольшой острый мысъ, образуемый озерцомъ, или лучше сказанъ, глубокою, похожею на провалъ ямою и крупнымъ оврагомъ, въ нее впадающимъ. Вода въ ямѣ, къ счастію нашему, была холодна и чиста, а берега ея усни-

лались коврами свѣжей, прекраснѣйшей муравы. Все это было для насъ нѣмъ пріятнѣе, что упомянутые тѣдоу и зноимъ, мы чувствовали въ одно время и жажду и голодъ и большую нужду въ оподохновеніи. Я былъ веселъ, я былъ почти счастливъ. Кому, подобно мнѣ, случалось спрансировать по степямъ, тотъ конечно не спроситъ: онъ чего всѣ номады такъ сильно привязаны къ своей дикой, кочующей жизни. Повѣрите ли, что сія незавидная и повидимому даже бѣдственная жизнь, имѣетъ свои радости, свои наслажденія, вовсе неизвѣстныя слабымъ, изнѣженнымъ обитателямъ городовъ и столицъ? Одно уже описаніе свѣтскихъ пріятностей, одна совершенная свобода поспушковъ и склонностей дѣлаетъ жизнь сію драгоценною для души гордой, свободной и мечтательной. Мо-

жестъ бытъ не всё согласяшея въ
 зномъ со мною; но я признаюсь
 вамъ, что часно, среди блеснящихъ
 увеселеній столицы, среди всевоз-
 можныхъ изобрѣшеній ума и роскоши,
 другъ вашъ уносился мечтами въ за-
 уральскія степи, къ тому прекрас-
 ному времени, когда, новый Донъ-
 Кихотъ, безнечю и весело искалъ
 онъ приключеній въ сихъ уединенныхъ
 и молчаливыхъ пустыняхъ.

Въ нѣсколько минутъ лошади наши
 были выпряжены, разсѣдланы, спре-
 жожены и пущены на свѣжую мураву.
 Бѣдный огонекъ заеверкалъ подъ чу-
 гунымъ козломъ, повѣшеннымъ, какъ
 водился, на деревянномъ шренож-
 никѣ, и каждый изъ пушниковъ спѣ-
 шилъ воспользоваться временемъ роз-
 дыха, чтобы удовольствоваться свои
 желанія или прихоти. Одинъ, на-
 примѣръ, закидывалъ въ озеро поход-

ный верши; другой вынаскивалъ изъ
 дорожной сумы гошовый запасъ; пре-
 ній усиривалъ изъ войлока родъ
 налалки, чибобы зацципннъ себя и
 шоварицей онъ налалцаго знол. Сшен-
 ной напъ *метр-д'отель* или попро-
 есту кашеваръ, усердно ципалъ ушокъ,
 заспрълелныхъ Мошннннмъ; поручнкъ
 еще разъ закуривалъ каамыцкую свою
 трубку; бранъ мой игралъ козачьимъ
 дропнкомъ; я, сндя на *карандасалъ*,
 снпноу къ оврагу, вынулъ изъ кар-
 мана табакерку и онкрывалъ ее....
 Вдругъ пронзительный крикъ, пока-
 завнйсея мнъ журавлннымъ, поразилъ
 слухъ мой — и прежде нежелн я уснблъ
 спрочннъ о прнчннъ сей печалнсно-
 сннн, смяшенныя мои шоварнцн за-
 крнчалн: « Кнргнзцы! Кнргнзцы! »
 Я оглянулся назадъ: девннъ напзднн-
 ковъ, на лошадахъ, черныхъ, какъ
 вороново крыло, въ оснроконечныхъ

бѣлыхъ козакахъ, въ легкой, свободной одеждѣ — неслись на насъ съ быстрой буйнаго вихря, неслись, изпуская ужасные вопли и грозно похрипывая своими длинными, зыбкими пиками! Впрочемъ, раземаширивать ихъ было некогда. Всѣ мы, какъ въ предсавишь себѣ можете, вскопчили, засуетились, схватили ружья — и нѣсколькими, наудачу пуцеными выстрѣлами, встрѣтили незваныхъ гостей. Къ счастью, глубокий оврагъ, примѣченный Киргизцами тогда уже, когда они подошли къ его берегу, отбранилъ отъ насъ ужасъ внезапнаго нападенія. Увидѣвъ свою ошибку, Ордынцы круто повернули въ сторону и сѣвши оный объѣхали, съ намѣреніемъ завладѣть всеми нашими лошадьми, бродившими, благодаря безпечности Козаковъ, довольно далеко отъ шатра. Наши также бро-

сплелся къ лошадямъ, и вырвали ихъ почти изъ рукъ разбойниковъ. Имъ не удалось даже похитивши козачьяго дрошника, вошкнутаго въ землю на шомъ мѣстѣ, гдѣ должно было послѣдовать астролібію для назначенія новой линіи. Послѣ такой неудачи, Ордынцы пустились опять насъ въ ту сторону, откуда сдѣлали нападеніе; а наши, сопровождая ихъ крикомъ, бранью и проклятіями, сѣвши ослѣдланъ лошадей и говорили въ одинъ голосъ, что должно гнаться за Киргизцами.

Сначала я былъ пораженъ нечаянною сего приключенія, какъ дикій Американецъ первымъ выстрѣломъ пушки; но видѣвъ и малочисленность нападавшихъ и посмѣдное бѣгство ихъ съ мѣста сраженія, ободрился и старался доказать своимъ спутникамъ, сколь бесполезно и лег-

комысленно ихъ намѣреніе догонять
 летящую киргизскую шайку, ко-
 рая, на прекрасныхъ коняхъ своихъ,
 далеко оставила бы насъ за собою,
 какъ соколъ оставяешь иногда за-
 дорное стадо воронъ. — Но поручикъ
 (видь спычки и ружейные выстрѣлы
 въ одну секунду возвращали ему и
 юношескій жаръ и опроменчивую
 храбрость), но Мошинъ, вышедшій
 изъ себя онъ яросни, но Козаки,
 жадные къ корысши и бою, не хо-
 тѣли и слушать моихъ предсавле-
 ній. Только нѣкоторые изъ работ-
 никовъ, спрятавшіеся подъ возы при
 первой тревогѣ, и два Козака изъ
 Ташаръ, прелетавшіе и поблѣднѣв-
 шіе снѣ ужаса, боязливыми взорами
 изъясляли свое согласіе со мною.
 Дѣлать было нечего! Опасаясь про-
 слышь шрусомъ между шоварищами,
 я взялъ у одного изъ миролюбивыхъ

воиновъ карабинъ и сумку съ папиронами, повѣсиль ихъ себѣ на плеча и сѣлъ на лошадь, чинобы лешѣтъ, какъ говорится, навѣрѣчу славы и смерти. Въ это время мы замѣтили, что Ордынцы, отбѣхавъ отъ насъ съ вершину или болѣе, даюгъ кому-то сигналъ, кружась на лошадяхъ по азіатскому обыкновению. Недоумѣніе наше при семъ явленіи было непродолжительно: густая толпа, какъ птица, показалась на краю горизонна — и все мои воины соскочили съ коней безъ команды! Я, не теряя на сей разъ присутствія духа, взобрался на верхнюю воза съ кольями, для наблюдений... и вошь, эмошрю вправо — ваинъ другая толпа, гуще первой; прямо пропивъ насъ — показывается третья...

Признаюсь, что при семъ зрѣлищѣ сердце мое екалось, какъ высу-

шенная губка, и вдруг наплось кровью, как губка, брошенная въ воду. Всѣ понятія объ ужасахъ киргизскаго плѣна, всѣ повѣствованія объ изнѣзаніяхъ плѣнниковъ, слышанныя и читанныя мною въ продолженіе жизни, слились въ одну мысль — и эта мысль съ неизъяснимою быстрой проникла все мое существо! Надобно знать, что живучи въ Оренбургскомъ краю, должно поневоль безпрестанно слушать ужасныя повѣствованія о жестоко-стихъ Киргизцевъ и о бѣдственной участи ихъ плѣнниковъ (какъ здѣсь, напримѣръ, слушаемъ мы иногда скучные разговоры о модахъ, журнальных перебранкахъ, поминкахъ и погребѣ); а потому каждый, пускающійся въ путь по линіи — не говорю уже о снѣгахъ — бываетъ заранѣе сильно напуганъ предполагаемыми

опасностями и ужасается при одной мысли о появленіи хищниковъ. Такъ и мы слишкомъ были извѣстны разбойническіе ихъ подвиги, чтобы чувствовать весь ужасъ нашего положенія. Къ тому же часто слыхали, что по звѣрскому обыкновенію Киргизцевъ, непріятель, упорный въ сопротивленіи и взятый съ оружіемъ въ рукахъ, не долженъ ожидать нислѣдственной пощады. Сии варвары обыкновенно извлекають изъ него жизнь медленными муками: онѣкають членъ за членомъ, моряють голодомъ и жаждою, жгутъ на огнѣ, сдирають кожу съ живаго.... Я окинулъ глазами наше мѣстоположеніе: глубокій оврагъ, обрывистые берега — какія превосходныя средства защиты! — Пусть они нападаютъ! Будемъ обороняться до послѣдней крайности, сирѣчь до послѣдняго

заряда, спустимся въ оврагъ — бросимся въ воду, если враги сдѣлають ударъ рѣшительный, — умремъ, но не опдадимся въ плѣнь!...

Мнѣ первому издумалось тогда устройство изъ нашихъ возовъ родъ цитадели, которая могла бы намъ служить оградой со стороны, открытой нападенію Ордынцевъ. Козаки поняли эту мысль и усердно помогали мнѣ сдвигать тяжелыя телеги и *карандасы*. Двумъ оробѣвшимъ Ташарамъ приказано было держать остланыхъ лошадей, чтобы онѣ не разбѣжались, если изнугающіеся киргизскихъ воиновъ или высурьловъ. — Въ суетѣ и заботѣ я не видалъ, что дѣлали въ это время Молниинъ и поручикъ, только слышала ихъ проклятія и громкіе крики.

Наконецъ, приготовившись такимъ образомъ къ оборонѣ, мы сдѣ-

ладись спокойны и увѣщевали другъ друга не суетиться и не прапнуть даромъ зарядовъ.

Между нѣмъ шолна непріятелей на двѣхъ сторонѣхъ основана въ нѣсколькихъ сенахъ саженихъ отъ нашего спана. Мы видѣли, какъ Ордынцы снимали съ себя лишнее платье, чинобы легче сидѣть на коняхъ. Нельзя было безъ нѣкотораго тайнаго удовольствія смотрѣть на сихъ ловкихъ всадниковъ, когда они на длинныхъ и стапныхъ армакахъ своихъ, пригнувшись къ луку, легкою рысью переѣзжали широкое поле. Каждый изъ нихъ былъ вооруженъ коньемъ необычайной длины; многіе сверхъ того нѣсли лукъ и стрѣлы, съкрыты или *ай-балты* (*), сабли и даже

(*) *Ай балта* — шопоръ на длинномъ шопорнѣ.

ружья, съ длинными ражками и вмѣ-
сто замковъ финилями.

Некоторая часть Киргизцевъ спу-
стилась въ оврагъ при его вершинѣ,
такъ что намъ были видны только
ихъ бѣлые козлаки и концы коней.
Это были, кажется, ихъ *вагенбурги*,
съ заводными лошадьми и съ разны-
ми шажескими. Другіе, раздѣлаясь на
малыя паршіи, издали разбѣжали
вокругъ насъ, какъ бы высматривая
мѣстоположеніе. Наконецъ все при-
шлось (кроме *вагенбурга*) слѣзть
въ одну и слѣзли на скатъ равнины,
прямо противъ открытой стороны
нашего сана, въ трехъ или четы-
рехъ сажняхъ отъ онаго, —
и съ полчася стояли на одномъ мѣ-
стѣ, вѣроятно, совѣщаясь между со-
бою.

Мы, съ своей стороны, размѣ-
стившись позади укрѣпленій, взвели кур-

ки и спокойно ожидали первого нашествия.

Вы, можете быть, улыбаетесь, находя въ моемъ разсказѣ о киргизскомъ набѣгѣ важность и подробности, различные происшествіямъ знаменитымъ; но, друзья мои! гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, тамъ легкомысленная шушка не имѣетъ ни сколько мѣста; и умереть онѣ князю убійцы, по моему мнѣнію, еще ужаснѣе, нежели онѣ меча воина или онѣ ядра непріятельской батареи.

Но вошъ толпа Ордынцевъ выпятилась въ данный строй.... еще минуша — раздались дикіе крики, поднялось облако пыли, дрогнула земля — и строй бросился на насъ, какъ свата бѣшеныхъ собакъ на одинокаго пушника!... Съ нашей стороны грянули ружья — и Киргизцы ли утратили ту неукротимую храбрость,

которая означала предковъ ихъ подъ знаменами Башыевъ и Тэхшамышей, или мы вскрѣпши ихъ съ необыкновенною сѣзлоснѣю — только выскрѣлы наши удержали буйное стремленіе коней ордынскихъ; но нули уже до нихъ долетали. Вошь зажужжала одна — и огромная сѣрая лошадь присѣла оны раны подъ своимъ всадникомъ; вошь другая вѣбнлась въ Ордынца: мы слышали самый шелеснѣ удара! Снрой заколебался, разсыпался — и ошеснулъ. Мы вздохнули вольтѣ.

Скоро они выскроились снова, напали на насъ по прежнему, и какъ прежде, не уснвали подѣ мѣнкимъ огнемъ нашихъ ружей.

Такая робоснѣ враговъ ободрила насъ еще болѣе. Я даже имѣлъ любовнѣшнѣво посмолрѣнѣ вокругъ себя на каршину нашего вошнѣшнѣнаго

табора. Большая часть работников, вооружась бывшими у них фузеями, усердно сражалась на ряду съ Козаками; но два или три добрые человека предпочли мирное положение подъ шелегами опасной храбрости защищаться. Братъ мой, не имѣя оружія, кромѣ козачьей пикн, снопяль, опершись на нее, посреди табора. Поручикъ, съ длиннымъ писноломъ въ рукъ, — съ писноломъ, у котораго, какъ послѣ оказалось, не было кремня — шумѣль, командоваль, не смотря на то, что его вовсе не слушали. Мошнинъ, въ буйной запальчивости, не хотѣль оставаться подъ защитною возовъ. Онъ безпрестанно ругать Киргизцевъ, съ оспервененіемъ двороваго пса, дающаго на вора — и вѣячески старался подкраснѣть на ружейный выстрѣль къ шѣмъ изъ нихъ, которые, онѣдѣ-

лась опъ общей шолны, разбѣзжали
 позади ямы и въ глубинѣ оврага. Не-
 которые молодые Козаки и работ-
 ники послѣдовали его примѣру. Одинъ
 изъ нихъ шакъ перепугалъ киргиз-
 скаго багыря, неосмотрительно высу-
 нувшаго свой козпакъ изъ-за неболь-
 шаго пригорка, чпо шопъ, желая
 избѣгнути выстрѣла, поворотилъ ло-
 шадь свою, какъ говоринися, на двухъ
 заднихъ ногахъ — и стремглавъ поле-
 тѣлъ внизъ, вмѣстѣ съ нею. Но не
 прошло секунды, какъ мы увидѣли
 его преспоконно ѣдущимъ на той же
 лошади, съ концемъ передомившейся
 при паденіи пикн; и должно при-
 знаться, чпо въ такихъ случаяхъ
 Киргизцы очень похожи на пробоч-
 ныя куклы, которыми играютъ дѣши:
 какъ ихъ ни кинь, они все-таки
 очутятся на ногахъ!

Послѣ претвѣлаго нападенія, подобнаго первому, Киргизцы, казалось, отличались одержаніемъ надъ нами побѣды. Впрочемъ у нихъ явилась новость: знамя, или просто, персидскій бумажный платокъ, привѣшенный къ пикѣ. Моминишъ, всегда гошовой на шунки, называлъ киргизскаго знаменищика *портупей-прапорщикомъ* — и я не могъ не улыбнуться, слыша крикъ его: «*въ портупей-прапорщика сирѣбляйте!*» сопровождаемый извнѣтельными насмѣшками.

Но опасность еще не миновалась. Къ ногамъ моихъ упала сирѣда, а въ слѣдъ за нею — другая. Замѣтивъ это печально, я осмолѣлъ и увидѣлъ еще нѣсколько сирѣдъ, вонзенныхъ въ землю вокругъ меня. Къ счастью никто не былъ ими раненъ, и онѣ возбудили только ярость въ моихъ шоваринцахъ.

Въ это время онъ молны Киргизцевъ ондѣлалось нѣсколько человекъ, которые, приблизясь къ намъ, далѣе однако жъ ружейнаго выстрѣла, пошребовали переговоровъ. Мы отвѣчали, что намъ нѣтъ нужды заключать условія съ разбойниками. Несмотря на то, одинъ изъ нихъ, въроянно какой нибудь ещеннѣй Цицеронъ, хотѣлъ доказать намъ, что они не разбойники, что паѣхали на насъ печаянно, оныскивая пошерянныхъ лошадей, что имъ пріятно будетъ разсѣпаться съ нами дружески — и въ заключеніе, увѣщевалъ положить ружья и выйти къ киргизской шайкѣ, для взаимныхъ совѣщаній, угрожая въ противномъ случаѣ гнѣвомъ и мщеніемъ *батырей*. Все это, разумѣется, говорено было на языкѣ киргизскомъ, который многіе изъ насъ хорошо понимали. Поли-

тика и хипросень переговорщика, который предполагалъ въ насъ не болѣе разсудка, какъ въ маленькихъ дѣтияхъ, до крайности казались забавными. Оранпоръ нашей стороны, Мошинъ, ошѣчалъ ему на длинную рѣчь жестокою бранью; потомъ, показывая видъ, что соглашается на его предложеніе, онъ спрашивалъ ружье за спину и тихонько началъ подходить къ почтенному краснобаю, съ намѣреніемъ дать ему *последнее увѣщаніе* — *ultima ratio Мошина*. Однако жь Ордынецъ, замѣнивъ хипросень, пустился, какъ изъ лука стрѣла, къ своей шайкѣ.

Вскорѣ послѣ того нѣсколько самыхъ бойкихъ пѣздниковъ, отдѣляясь отъ толпы, и какъ бы упрекая своихъ товарищей въ малодушіе, начали потихоньку приближаться къ нашему табору. Можно было догадаться,

что они хотѣли нанести на насъ
быстро и неожиданно, такъ, что бы
мы принуждены были бросить ружья,
не сдѣлавъ по нимъ болѣе одного вы-
стрѣла. Впередѣ всѣхъ тѣхъ видный
юноша. Онъ гордо приподнимался на
сѣдлѣ и въ одной рукѣ держалъ длин-
ное копье, а въ другой увѣсенную
ай-балту. Уже, по видимому, онъ
былъ готовъ, показывая путь пова-
рищамъ, кинуться на нашъ наборъ,
какъ въ то же самое мгновеніе Ко-
закъ Колесниковъ нацѣлилъ на него
длинное ружье свое.... выстрѣлъ
раздался, пуля зажужжала — и Орды-
нецъ тихо повалился съ коня....
Нашъ съ радостнымъ крикомъ кину-
лись впередъ.... Загремятъ ружья,
Киргизцы смутятся — и обратили
намъ штыль! Прогнавъ обыкновенія,
они не успѣли даже взять съ собою
нашаго своего предводителя, ко-

пораго Мошнинъ поднащилъ за ногу къ шабору. Убишый Киргизецъ былъ молодъ, красивъ и дородень. Пули прошла у него сквозь обѣ щеки, ниже висковъ. Козаки, по старой привычкѣ, не замедлили ободранъ его до-нага, и примѣшивъ въ немъ нѣкоторые признаки жизни, изъ сожалѣнія къ его сраданіямъ, или вѣрояшше по злобному чувству вражды, поспѣшили добить несчастнаго собственною его секирою.

Погибель поварища, а можетъ быть и самого начальника шайки, казалось, поразила ужасомъ всѣхъ Ордынцевъ. Еще нѣсколько времени одинъ изъ нихъ стояли въ молчаніи противъ нашего шабора, другіе ѣздили вокругъ него, осыпая насъ бранью, проклятіями и угрозами; но скоро все, толпа за толпою, обхвативъ оврагъ и яму, пошлянулось внизъ

по шеченію рѣчки, такъ что въ ея впадинѣ мы видѣли одинъ только лѣсъ коней — и наконецъ ничего уже болѣе не видали.

Радость, объявлявшая насъ при отъѣздѣ Киргизцевъ, была радость людей, избѣгнувшихъ бѣдственной смерти. Козаки — и всѣ вмѣстѣ съ ними — снавѣ на колѣни, громко возблагодарили Всевышняго за свое чудное избавленіе. Никогда я самъ не бывалъ набожнѣе, не молился усерднѣе.

Послѣ молитвы, я и нѣкоторые изъ Козаковъ взвѣзжали на возвышенія и объѣхали пустую окрестность, чтобы издали наблюдать за удалившимися Киргизцами. Коварство ихъ было намъ довольно извѣстно: они могли скрыться въ засадѣ и выжидать другаго удобнаго случая къ нападенію. Впрочемъ, не успѣвъ еще оглядѣться, мы вовсе потеряли ихъ

изъ виду; а тамъ, гдѣ они были, нашли только слѣды конскихъ копытъ, двухъ убитыхъ лошадей, да нѣсколько сырѣя.

Бѣда миновалась; но бывъ ею напуганы и справедливо опасаясь новыхъ нападеній, мы должны были рѣшиться, что безопасно: провести ли намъ ночь на томъ мѣстѣ, гдѣ находились, пуститься ли въ путь далѣе по предназначенному направленію, или обратиться къ Уралу, гдѣ ожидала насъ совершенная безопасность и до котораго, какъ намъ казалось, могли мы достигнуть прежде наступленія ночи? Последнее мнѣніе было принято большинствомъ голосовъ на нашемъ маленькомъ совѣтѣ.

И такъ, бросивъ на мѣстѣ мерзваго Киргизца и множество кольевъ, какъ шажень, уже для насъ безо-

лезную; устроивъ изъ шелегъ родъ подвижнаго укрѣпленія или *каре*; отдѣливъ по два человека для авангарда и аррьергарда, а прочихъ свернувъ въ колонну, съ гошовыми на всякой случай ружьями и коньями, двинулись мы (за помощію *Божіею*, сказала бы князь Курбскій) въ походъ — и не встрѣпивъ непріятелей, достигли вечеромъ до небольшого полуострова, образуемаго теченіемъ рѣчки, гдѣ разсудили за благо провести ночь. Здѣсь мы съ большимъ наслажденіемъ утопили свой голодъ, не ѣвъ почти цѣлый день; отсюда жъ послалъ я двухъ Козаковъ (иѣхъ самыхъ, которые спускали) на Уралъ, съ извѣщеніемъ о появленіи Киргизцевъ внутри линіи.

Никогда не забуду я ночи, проведенной мною въ семь мѣсѣвъ. Опасаясь новаго нападенія Ордынцевъ, я

не смыкалаъ глазъ — и до самаго разсвѣта сидѣла передъ шалюющимъ огонькомъ, разговаривая, подобно Оссиану, съ безмолвными мраками и наблюдая за разсѣявленными вокругъ нашего табора часовыми. Тутъ получилъ я нѣкоторое понятіе о жизни ратника въ бурное военное время.

Говорили ли о томъ, какъ мы на другой день благополучно достигли Урала, какъ встрѣтились съ компаніею Козаковъ, высланныхъ по распоряженію Г. Оренбургскаго Военнаго Губернатора для преслѣдованія Киргизцевъ; какъ, наконецъ, сѣлавъ большой крюкъ, прибыли въ Плецкую зациту? — Все это имало не отношенія къ моему анекдоту; а потому, имѣя полное право написать здѣсь: *конецъ*, я прощу васъ, друзья, принять сіе описаніе пер-

выхъ и вѣроятно послѣднихъ ратныхъ подвиговъ вашего друга съ благодарственною улыбкой — и если вы найдете оное не совѣтъ достойнымъ вниманія, то вышлите голую пещицу, которая водила перомъ моимъ.

А. Крюковъ.

ВСТУПЛЕНИЕ
БОЛЬНОЙ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ
НА ПОЗИЦІЮ
ПРИ С. ТАРУТИНѢ.

(Отрывокъ изъ Исторіи 1812 года.)

Армія совершила свое косвенное, дугообразное движеніе съ удивительнымъ искусствомъ, смѣло сказавъ — съ удивительною ловкостью. Перерѣзавъ большія дороги, ведущія отъ Москвы во внутренность Россіи и показывая

видъ, что опешунаеть по по шой, по по другой, османовидась наконецъ она твердою ногою на средней Калужской дорогѣ за рѣкою Нарою, въ томъ мѣсѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣчка Пенья, у Селенія Тарушина, принадлежавшаго Аннѣ Инкипиннѣ Нарышкиной. Тутъ, казалось, русское войско размежевалось съ Французами какимъ-то полюбовнымъ раздѣломъ и основалось на жинье. О двадцатидневномъ походѣ отъ Москвы до Тарушина много бы можно сказать; но это требуетъ особаго повѣствованія. Подробности сего похода, крашкого, но весьма некуснаго, обнаружанъ въ полной мѣрѣ главныя свойства предводителей: тщливоси, обдуманноси и большую шонкость въ исполненіи подъ видомъ мнимой безпечности. Но снмъ чернамъ кшо не узнаеть вожда,

оспоривавшаго, въ теченіе цѣлаго, жестокаго дня, поле и побѣду у Наполеона при Бородинѣ? — О Князь Михайлъ Ларіоновичъ Кутузовъ, первенствующемъ лицѣ въ сей битвѣ, можно сказать но, что одинъ изъ древнихъ сказалъ о Зевсѣ, сражавшемся съ Титанами: «Разширявши все свои громы, онъ опиражалъ противниковъ широтіемъ.» Действительно: за трудный, дорого купленный перевѣсъ въ битвѣ Бородинской, обязаны мы рѣшительному намѣренію, непремѣнно устоять на мѣстѣ, и хладнокровной разпорядительности Кутузова. Съ высокаго холма при деревнѣ Горкахъ, онъ, такъ сказать, хозяйственно разпоряжалъ теченіемъ битвы, единственной въ лѣтніея военныя, несущаяся ни великими потерями, ни успешною важнѣйшихъ мѣстъ на боевой линіи,

ни запальчивостію непріятелей, которые *цѣлыми войсками*, если такъ можно вырази́ться, кидались къ извѣстнымъ цѣлямъ подъ предводительствомъ лучшихъ генераловъ, снѣжавшихъ европейскую славу, и до тѣхъ поръ не оставляли своихъ предпріятій, часто неимоверно-дерзкихъ, пока или вовсе были уничтожены, или достигали желаемого. — Незавѣстно: льна ли, опытностію, или уже дарованіе природное доставили нашему Фельдмаршалу нѣтъ нравственныя преимущества, которыя такъ важны, особливо въ рѣшительныхъ случаяхъ, въ лицѣ главнаго предводителя арміи.

Съ сими-то запасомъ холодной разсудительности, но чрезвычайно-обдуманному разсчету, пришелъ Михайло Ларіоновичъ на Тарутинскую позицію и подворился въ оной. Онъ

принесъ съ собою и другое, часто
 нужное для полководца, искусство —
 показывать, будто все обдуманное
 и заранее предусмотрѣнное сдѣлалось
 само собою — *неизрочно*, и будто
 для будущаго не приуготовлено еще
 никакихъ вѣрныхъ соображеній. —
 Сими введены были въ заблужденіе,
 кажется, не одни наши непріятели!
 И вотъ причина, почему иногда
 слышались снованія: «Зачѣмъ осна-
 вили Москву?» — «Куда насъ ведутъ?
 Зачѣмъ колесимъ понапрасну? Къ че-
 му уступаемъ Россію?» и проч. и
 проч. Главнокомандующій, безъ со-
 мнѣнія, умѣлъ слышать все, можетъ
 быть, онъ принималъ многое и въ
 соображеніе, но ходъ дѣйствій не
 измѣнялся. Онъ зналъ и о томъ,
 что сужденія иногда касались и соб-
 ственно до его особы: «Видно онъ
 намѣренъ здѣсь зимовать!» говорили

нѣкоторые, частію и войско, почувствовавъ себя слабымъ послѣ значительнаго отдыха. « Чѣмъ онъ дѣлается?... Сидитъ съ своими приближенными, читаетъ книги, шутитъ, балагуритъ, спитъ... Нѣтъ ни войны, ни мира; между тѣмъ къ непріятелямъ подходятъ новыя силы изъ Польши. Бездѣйствіе ободрило ихъ, утомило насъ! Видно уже... » Тутъ вышелъ преклонный лѣтъ Фельдмаршала, его миную неподвижность, а болѣе всего разположеніе къ покою и беззаботности. Но, кажется, именно изъ сихъ прехъ, несправедливо обвиняемыхъ, непочинковъ произошло то счастливое соединеніе дѣятельности неусыпавшей, часто нищательно скрываемой и предпримчивости неопрометчивой, которое такъ вѣрно разрѣшило важнѣйшіе случаи въ послѣдней половинѣ войны

* *

1812 года, Мнимою наклонностію къ бездѣйствию, Кушуровъ напоминаетъ намъ другаго великаго рускаго человека, К. Пономкина, который, какъ извѣстно, никогда не бывалъ болѣе дѣйствительнымъ, какъ иногда, когда казался ничего не дѣлающимъ. Но вечерамъ, однако жъ, когда обширное зарево разсвѣтало надъ берегами Нары и бесѣды вокругъ огней становились ошкоровавшими, выдали преснарядаго, но бодрата еще генерала, рѣдко сопровождаемаго кѣмъ-либо изъ его свиты. Онъ одѣтъ былъ въ просной мундирный сюртукъ, съ ошкоровавшими лацканами, если погода позволяла, и съ большими эполетами. Шарфъ надѣвалъ онъ часна чезрезъ плечо, въ видѣ перевязи, по-Екатеринински; иногда же опоясывался имъ по пышному и иногда кичили висѣли обыкновенно очень

низко. Голова его прикрыта была фуражкой, изъ-подъ которой мелькали сѣдины. Росту былъ онъ средняго, сложенъ крѣпко; въ плечахъ широкъ; немного сунуловатъ и довольно широкъ плечомъ, но легкие въ движеніяхъ, свѣжъ, еще крѣпокъ на сѣдлѣ, хотя нерѣдко Козакъ нарочно возилъ за нимъ скамеечку, на которую онъ опирался ногою, когда слѣзалъ съ лошади, или садился въ сѣдло. Этому, однако жъ, причиною были не дѣла, не упадокъ силъ; но болѣзненное состояніе ногъ. — Онъ ѣздилъ на маленькомъ бодромъ клепнерѣ, съ нагайкою въ правой рукѣ. Часно осматривался, сходилъ съ своей лошади, грѣлся гдѣ нибудь у огня, заложа руки за спину; а когда разговаривалъ, пошпиралъ ими съ живою рукою объ руку. Если не былъ погруженъ въ задумчивость,

то поглядывалъ на всѣ стороны, вслушивался въ разговоры солдатъ и онянь уѣзжалъ, никого не безпокоя. Это былъ онъ, — нашъ Фельд-маршалъ, который, на этой же лошади, также въ фуражкѣ и съ нагайкою въ рукѣ, разполагалъ приуготовленіями за день передъ великимъ днемъ Бородинскаго сраженія. Въ его просирѣленной головѣ шался умъ, созрѣвшій въ шеченіи 70^{ти} лѣтъ; въ его умѣ была опытность, постигшая всѣ тайны полководческой жизни; надъ нимъ парилъ тогда орелъ; на немъ былъ образъ Казанской Божіей Матери; кругомъ него 100,000 головъ кричали: «*Ура!*»

Но пока наши войска, говоря военнымъ языкомъ, снягивающиеся на Тарутинскую позицію, перенесемся въ Москву, бросимъ взглядъ на полевою, домашній бытъ новыхъ посѣ-

писателей нашей столицы. Желаю придерживаться описанія одного изъ лучшихъ французскихъ повѣствователей о войнѣ 1812 года.

Изъ Цесаревского дворца, въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы, Наполеонъ возвращался въ городъ, въ Кремль. — Его встрѣчали войска, не размѣщенные по квартирамъ. По причинѣ опустыненія города и продолжавшихся пожаровъ, они жили за засавой, въ шалашахъ или на бивакахъ. Здѣсь, невольно склоняюсь къ нѣкоторому опешупленію отъ снотого единства разсказа.

Война 1812 года, въ которой, косвенно или прямо, участвовали все народы просвѣщеннаго міра, представляетъ различные примѣры перемѣненія лицъ и наименованій. Въ сѣдѣ за Франціею, казалось, что, Неаполь, Германія и Польша пере-

песансь на большія дороги Россіи. Люди, которыхъ колыбель освѣщалась зареюмъ Эшны и огнями Везувія, которые чинили великую судьбу Рима на древнихъ его развалинахъ и, наконецъ, нѣсколько болѣе намъ знакомые люди съ береговъ Вислы, Варны и Немана, шли конные и пѣшіе, и съ безконечными обозами плынулись по московской столбовой дорогѣ, на которой бородастый рускій извозчикъ, по сибирскимъ сугробамъ минувшей зимы, привычно мчалъ сѣдока, окутаннаго въ шубу сибирскихъ медвѣдей, и въ заунывныхъ пѣсняхъ пашивалъ объ Онѣ и Волгѣ.

Въ одно время (это можно видѣть изъ нумеровыхъ походныхъ росписей — изъ *маршрутовъ*,) Герцогъ Экмюльскій стоялъ въ селѣ *Покровскомъ*. Сіе соединеніе именъ Экмюля и села Покровскаго, сіе спранспивованіе на-

родовъ, сіе какъ бы перемѣщеніе мѣстъ, сближеніе отдаленносней, не останавишь ли вниманія попомнѣнью на этой эпохѣ какого-то всеобщаго смѣщенія языковъ? —

Но если въ походѣ, справедливыя сказать, въ нашеснвѣи Французовъ всмрѣчасмъ смѣщеніе народовъ и лицъ, то, на ихъ подмосковныхъ бивакахъ, глазамъ ихъ Императора представилось еще большее смѣщеніе вещей. Спиранныя и опиврашииельныя черныя ярко и рѣзко оплнчались въ нестройной каршинѣ снхъ биваковъ. На грязной, осыплой землѣ, пылали походные огни, на разномыку которыхъ немилосердно разламывали дорогія издѣлія изъ краснаго дерева — образцы вкуса и роскоши. Туда же валялись рамы ошъ оконъ, двери, панели и другія комнатныя украшенія съ богатою позолотой. — Подлѣ снхъ огней,

разведенных позолоченными дровами, толпились законптые, грязные, оборванные солдаты и офицеры, немногимъ оль нихъ ошавшіеся. Нькопоре, безъ чиновъ, неопряшно, разполагались на пышныхъ диванахъ, одыныхъ шелкомъ; другіе сидѣли въ богатыхъ креслахъ, пока приходила очередь поддерживать пламя огней. Тушь, казалось, могущій случай издѣвался надъ условною цѣнностію вещей и копіралъ все, что приходъ, роскошь и властительная мода приучили считаться драгоценнымъ. Въ извѣстной пѣсни о походѣ князя Игоря на Половцевъ есть одно мѣсто, гдѣ поэтъ говоритъ, что побѣдители могли послать гани паволоками и дорогими одеждами, опниными у неприятели. Что-то подобное, только не въ такомъ пішическомъ смыслѣ, встрѣ-

чалось и здѣсь. У ногъ бивачныхъ французскихъ солдатъ брошены были драгоценныя шали, можетъ быть съ большимъ трудомъ вывезенныя изъ области Канемпрской, конорую поэмы преденаваляютъ очаровашельною; подѣй ихъ валялись сибирскія бѣлки и соболы; бобры, ловленные въ Камчанкѣ; цыбики съ душистымъ кинайскимъ чаемъ; иконы и утварь московскихъ церквей и золотая парча персидская. На серебряныхъ блюдахъ былъ кровавое конское мясо и жалкій разливоръ черной муки съ водою, перѣдко осыпанный бивачнымъ пенломъ. Таково было странное смѣшеніе богатства, нищеты, святыни, роскоши — и грязи! —

Перенесемся навстрѣчу къ нашему аріегарду. Посмотримъ на это защитное войско, конорое, въ теченіе двадцати сутокъ, опъ Боров-

скаго перевоза до Калужской дороги, выказало до-нельзя и храбрость, свойственную Рускому, и искусство удивительное. Многие марши съ большею ловкостію были скрадены, другіе усилены и закрыты. Аріергардъ переносился съ одной дороги на другую, заманивая непріятеля по вѣтмѣ. Сколько разъ, при склоненіи дня къ вечеру, длинная линія козачьихъ дружинокъ мелькала на опушкѣ лѣса и огни свѣтились въ шуманѣ осенней ночи на одной дорогѣ, тогда, какъ войско аріергарда, дугообразнымъ переходомъ, переносилось ужé на другую, склоняясь все въ лѣво и широго направляя параллельное направленіе къ большой арміи, которая, со всею громадою обозовъ и артиллеріи, сама направлялась къ неизвѣстной цѣли. Это выраженіе помѣстилъ Князь М. А. Купцовъ въ

донесеніи своемъ къ Государю. И по-
 невши въ великомъ замыслѣ его и
 въ стратегическомъ исполненіи оного
 было нѣчто таинственное! — Вместе
 съ упреннымъ шуманомъ исчезали огни
 и дропки Козаковъ, и непріятель,
 въ недоумѣніи, пускался на удачу,
 ощупью, отыскивая Рускихъ по шой
 дорогѣ, на коной ужѣ давно ихъ
 не было! Такимъ образомъ Францу-
 зы, противъ воли своей и противъ
 правилъ военной науки, коную
 (опданъ имъ справедливоспѣ) они
 очень хорошо знали, дѣлали разсып-
 ное (эксценприческое) движеніе опъ
 Москвы (какъ средопочіа), по вѣсѣмъ
 большимъ и проселочнымъ дорогамъ,
 ведущимъ во внутрь Россіи, между
 нѣмъ какъ главная руская армія,
 сильная единствомъ, прикрывая не-
 проницаемою тайною и арьергар-
 домъ, иногда выказывавшимъ себя

и опять исчезающимъ, спокойно совершила но великое движеніе, чрезъ которое, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе доснигала возможности угрожать главному пункту сообщенія непріятельскаго — Можайской дорогѣ. —

Генералъ оиъ вифаншеринъ Михайло Андреевичъ Милорадовичъ начальствовалъ аріергардомъ большой російской арміи въ сіе незабвенное время. Оиъ стѣнитъ, чтобы, оставя на мину все, заняться описаніемъ только его — какъ военачальника и человека. Впрочемъ повѣствовательная нить о войнѣ 1812 года не прервется, если и обратимся исключительно къ одному изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ сей, шакъ сказанъ, великой тяжбѣ за право *быть* или *небыть*.

Въ 1811 году М. А. Милорадовичъ, послѣ блестящихъ успѣховъ въ

Валахін, (имѣя уже шпагу съ надпавью: « Спасенію Бухареста »)—находился въ званіи Кіевскаго Военнаго Губернатора и жилъ въ Кіевѣ,—Зимой 1811 годъ памяненъ Россіи по своему необычайно злойному лѣту и повсемѣстнымъ пожарамъ. Города поуденной Россіи горѣли, невѣдомо оныя какихъ причинъ: Кіевъ наполненъ былъ тревогою; шрениа часѣ людей не спала по ночамъ; по всѣмъ улицамъ ходили конныя и пѣшіе дозоры, полицейскія команды и собишвенная чередовая стража гражданъ. Нишно не помогало. Часто съ вечера разносился слухъ (оныя кого? и какъ? никшо не вѣдаъ!), по которому предаказывали часъ, мѣсно и время, *когда и гдѣ* должно было ожиданъ пожара, и предаказаніе никогда нишни не обманывало! — Спрашите всѣхъ былъ извѣстный пожаръ на

Подоль. — Въ тѣсныхъ, изгибистыхъ улицахъ все горѣло. По обѣ стороны пылали зданія; подъ ногами шла изъ бревенчатого накатника мостовая; съ верьху сыпались горячая зола и огарки, высоко взвиваемые крутымъ, порывистымъ вихремъ, можетъ быть, возбужденнымъ разрѣженіемъ воздуха отъ сильнаго развитія огня. И въ этой бурѣ свирѣтящаго пламени и дыма, на спящемъ конѣ, съ обожженнымъ лицомъ, въ мундирѣ, покрышомъ звѣздами и орденскими знаками, въ шляпѣ съ высокимъ перомъ, которое не разъ загаралось, отличался одинъ человекъ: онъ все распоряжалъ, его все слушались. Это былъ Милорадовичъ! На другой день большая часть дворца, служившая помѣщеніемъ для Военнаго Губернатора и его штаба, уже вмѣщала въ себя до пятидесяти бѣднѣйшихъ семействъ,

лишившихся послѣдняго пріюта въ пожарѣ. Ихъ кормили и одѣляли первыми потребностями. Но слѣдую непринужденно развитію характера своего во всей его полнотѣ, Михайло Андреевичъ въ то же время давалъ балы и веселилъ цѣлый Кіевъ. Занятія его были слишкомъ разнообразны. — Часто въ одинъ и тотъ же день, онъ принималъ просишелей и мѣстныхъ, ошчасни ему природнымъ нарѣчіемъ, разговаривалъ съ добродушными Малороссіянами, приходившими изъ дальнихъ селъ просить у него разправы; пономъ охотно и, такъ сказать, съ любовію, занимался разведеніемъ новаго сада, ѣздилъ верхомъ, заходилъ въ келью къ схимнику Вассіану и, въ вечеру, давалъ, въ полномъ смыслѣ, блестящій балъ, гдѣ часто бывалъ самъ первымъ въ мазуркѣ и всегда радуш-

нымъ угостили елемъ всѣхъ и кажды-
го изъ своихъ госней. — Во время
одного изъ такихъ баловъ, въ пре-
дѣльный лѣтній вечеръ, нѣсколько
особъ, вышедшихъ на балконъ, за-
мѣтили новое явленіе на небѣ. Это
была извѣстная комета. Туть уви-
дѣли ее въ первый разъ и мало по
малу она дѣлалась предметомъ об-
щихъ разговоровъ. Возникали пред-
чувствія, гаданія, предрекали войну.

Въ такомъ положеніи оставался
Михайло Андреевичъ до 1812 года.
Но 18 Іюля сего года, въ слѣдствіе
Высочайшаго Рескрипта, которымъ
подчинена ему армія въ 55 баталіо-
новъ, 26 эскадроновъ и 14 конныхъ
и пѣшихъ артиллерійскихъ ротъ,
былъ онъ уже въ Калугѣ и неуспыно
занимался образованіемъ запасной во-
енной силы. Почти въ это же вре-
мя, съ другой стороны, подъ стѣ-

нами Смоленска, сошлись двѣ большія дѣйствующія арміи въ ночь самый день, когда, какъ говорится въ народѣ, лѣто сходится съ осенью: такъ замѣчаетъ одинъ изъ русскихъ описателей сей войны. Подходя къ Вязьмѣ, главнокомандующій Михайло Богдановичъ Барклай-де-Толли вызывалъ, нарочнымъ письмомъ, Милорадовича къ соучаствію въ великомъ сраженіи, котораго тогда все ожидали. Подъ Бородинымъ былъ онъ уже дѣйствующимъ; подъ Москвою имѣлъ любопытные переговоры съ Мюратомъ, а по сдачѣ сей столицы велъ, какъ мы сказали, аріергардъ, следуя за движеніемъ большой арміи къ той цѣли, еще неразгаданной, которая извѣстна была только Кутузову.

Мы переходимъ къ 18 Сентября; ибо къ этому только времени, послѣ

безпрерывныхъ заблужденій, продолжавшихся слишкомъ двѣ недѣли по занятіи Москвы, Французы едва успѣли открыть прямой слѣдъ нашей арміи, или, лучше сказать, нашего аріергарда, все еще не постигая цѣли направленія той и другаго. Въ этотъ день сильный непріятельскій авангардъ оставался въ какомъ-то бездѣйствіи, но подъ ружьемъ. Князь Поляповскій съ Поляками находился впереди сего авангарда.

Генералу Милорадовичу доложили о прибытіи парламентера. Это былъ польскій ротмистръ; онъ привелъ походную повозку графа Алфреда Потоцкаго, взятаго наканунѣ въ плѣнъ. Между тѣмъ польскіе фуражиры старались вкрадываться въ деревню, лежащую вблизи передовыхъ нашихъ карауловъ, но никѣмъ не замѣненую. Замѣтивъ это, Милорадовичъ

сказала парламенту: «Вчера Поляки дрались очень хорошо! Храбрым людям надобно честь. Скажите вашим, что я позволяю им фуражировать в этой деревне и не прикажу их прогнать.» Польский офицер был в восхищении. Но в самом деле дозволено только то, в чем почини нельзя было отказать; ибо арьергард наш, сражавшийся накануне до двух часов ночи, сам имел нужду в отдохновении и не для чего было заводить драку за пустую деревню. Однако этот поступок сделал большое впечатление на Поляков. Они полюбили Милорадовича и, в последствии, при занятии Варшавы, он собрал плоды сего рыцарского великодушия к себе в приятелью.

Федоръ Глинка.

К И К И М О Р А.

(*Разсказъ рускаго крестьянина на
большой дорогѣ.*)

— «Воптъ видите ли, батюшка баринъ, было шому давно, я еще бѣгиваль босикомъ, да играль въ бабки.... А сказаць правду, я былъ масшерь играть: бывало, что на кону ни споннъ, всё какъ рукой спину.

— «Ты безпрестанно отбиваешься отъ своего разсказа, любезный Оадей! Держись одного, не принужды-

вай ничего спороннаго, или, чтобы тебѣ было понятнѣе: правь по большой дорогѣ, не сворачивай на сторону и не рѣжь колесами новой шпропы по цѣланку и паничѣ.

— « Винованъ, батюшка баринъ!... Ну дружнѣй, голубчики, съ горки на горку: баринъ даснѣ на водку.... Да о чемъ бншь мы говорили, батюшка баринъ? »

— « Вошъ уже добрые полчаса, какъ ты мнѣ обещаешь что-шо разсказать о *Кикиморѣ*, а до сихъ поръ мы еще не дошли до дѣла. »

— « Воисшину такъ, батюшка баринъ; самъ вижу, что мой грѣхъ. Изволь же слушать, милостивецъ! »

« Какъ я молвилъ глупое мое слово вашей милости, въ нѣ поры былъ я еще мальчишкой, не больно великъ, годовъ о двѣнадцати. Жилъ тогда въ нашемъ селѣ сшарый кресшьянинъ,

Понкрашъ Папшелевъ, съ женою, то же старухою, Марѳою Емельяновою. Жили они, какъ у Бога за печкой, всего было довольно: лошадей, коровъ и овецъ — видимо-невидимо; а разной рухляди да богателли и съ соромъ не выменешь. Дворъ у нихъ былъ какъ городъ: двѣ избы со свѣшелками на улицу, а клѣшей, амбаровъ и хлѣбныхъ закромовъ столько, что спало бы на обыващелей цѣлаго приселка. И то правда, что у нихъ своя семья была большая: двое сыновей, да прее внуковъ женатыхъ, да двое внуковъ подростковъ, да маленькая внучка, любимица бабушки, которая се пѣжила, холла да дѣлѣла, такъ что и снѣно-пороху не дастъ, бывало, пастъ на нее. Все шло имъ въ руку; а всѣ крестьяне въ селеніи готовы были за нихъ положить любой перстъ на

угодья, что ни за стариками, ни за молодыми никакого худа не вживалось. Вся семья была добрая и къ Богу прибѣжная, хаживала въ церковь Божію, говѣла по дважды въ годъ, работала, что называется, изо всѣхъ жилъ, надѣяла пищу братамъ и помогала въ нуждѣ соседямъ. Сами хозяева дивились своей удачѣ, и благодарили Господа Бога за его Божье милосердіе.

«Надобно вамъ сказать, баринъ, что хоня они и прежде были людьми зажиточными, только не всегда имъ была такая удача, какъ въ эту пору; а та пора началась отъ рожденія внучки, любимицы бабушкиной. Внучка эта, маленькая Варя, спала всегда съ старою Марѳой, въ особой свѣтелкѣ. Вошь когда Варѣ исполнилось семь лѣтъ, бабушка стала замѣчать диковинку невиданную:

съ вечера, бывало, уложить ребенка спать, какъ малюшка уманшя играя, съ разпиренными волосами, съ запыленнымъ лицомъ; поутиру, снаруха посмотришь — лице у Вари чистенько, было и румяно, какъ кровь съ молокомъ, волосы причесаны и приглажены, нѣда доскъ оны нѣхъ, словно пеннымъ квасомъ смочены; сорочка вымыта бѣлымъ-бѣло, а перина и изголовье взбиты, какъ лебяжій пухъ. Дивилась снарики такому чуду, и между собою шепкомъ толковали, что шутъ-де что-то не гладко. Передъ нѣмъ еще, снаруха не разъ слышала по ночамъ, какъ вертѣтся веретено и шпинка жужжитъ въ пошемкахъ; а утиромъ, бывало, посмотришь — у нея пряжи прибавилось вдвое противъ вчерашняго. Вошь, и слыли они подымать: зашивать, бывало, починить съ вечера

и сговорялся цѣлою семьею сидѣть у поснелн Варинной всю ночь на пролеть..... Не шумъ-то было! не за-долго до первыхъ пѣнуховъ, сонъ ихъ одолѣеть и вѣт уеунъ, кно гдѣ ендѣль; а поушру, бывало, емѣхъ поглядѣть на нихъ: иной хра-пить, ущемя носъ между коѣнами; другой хонгѣль почесать у себя за ухомъ, да шакъ и закачался сонный, а палець и ходитъ взадъ и впередъ по воздуху, словно маятникъ въ боль-шихъ барскихъ часахъ; преній зв-нуль до ушей, когда пришла на него дрема, не закрылъ еще рта — и за-коченѣлъ со сна; четвертый, раз-качавшись, упалъ подъ лавку, да шамъ и проспалъ до пробуду. А въ итѣ часы, какъ они спали, холенье и убирание Вари шло своимъ чере-домъ: къ ушру, она была обшита

и обмыта, причесана и приглажена, какъ куколка.

« Сталн допытываться ошъ самой Варн, не видала ли она чего по ночамъ? — Однако жъ Варя божилась, чпо спала каждую ночь безъ просыпу; а шольке чудилась ей во снѣ, шо сады съ золотыми яблочками, шо заморекія пшички съ разноцвѣтными перышками, кошорыя ошанивались радугой, шо большія свѣплыя палашы съ разными диковинками, кошорыя горѣли какъ жаръ и ошовсюду сыщали искры. Днемъ же Варюша видала, когда ей доводилось быть одной въ большой избѣ, чпо подлѣ свѣпелки — превеликую и прешолешую кошку, крупнѣ самаго ражаго барана, сѣрую, съ мѣлкими бѣлыми крапинами, съ большою уродливою головою, съ яркими глазами, кошорые свѣщались, какъ уголья, съ ко-

роткими полестыми ушами и съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ, который какъ плешь обвивался трижды вокругъ туловища. Кошка эша, по словамъ Варюши, беземынно сидѣла за печкой, въ большой печурѣ, и когда Варѣ случалось проходить мимо ея, то кошка умнѣло на нее поглядывала, поводила усами, скалила зубы, помахивала хвостомъ около шеи и протягивала къ дѣвочкѣ длинную, мехнатую свою лапу съ страшными желѣзными когтями, которые какъ серпы высовывались изъ-подъ пальцевъ. Малютка Варя признавалась, что не смотря на величину и уродливостъ эшой кошки, она вовсе не боялась ея и сама иногда протягивала къ ней рученку и брала ее за лапу, которая, сдавалось Варѣ, была холодна, какъ ледь.

и обмыта, причесана и приглажена, какъ куколка.

« Стали допытываться опъ самой Вари, не видала ли она чего по ночамъ? — Однако жъ Варя божилась, что спала каждую ночь безъ просыпу; а только чудился ей во снѣ, по сады съ золотыми яблочками, по заморскія пшички съ разноцвѣтными перышками, копорья опливались радугой, по большія свѣтлая палапы съ разными диковинками, копорья горѣли какъ жаръ и оповсюду сыпали искры. Днемъ же Варюша видала, когда ей доводилось быть одной въ большой избѣ, что подлѣ свѣтелки — превелюкую и прешолелую кошку, крупнѣ самаго ражаго барана, сърую, съ мѣкими бѣлыми крапинами, съ большою уродливою головою, съ яркими глазами, копорья свѣтились, какъ уголья, съ ко-

ропкими толстыми ушами и съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ, который какъ плеть обвивался трижды вокругъ пуловница. Кошка эта, по словамъ Варюши, безсмыслино сидѣла за печкой, въ большой печурѣ, и когда Варѣ случалось проходить мимо ея, то кошка умнымъ на нее поглядывала, поводила усами, скалила зубы, помахивала хвостомъ около шеи и протягивала къ девочкѣ длинную, мохнатую свою лапу съ страшными желѣзными когтями, которые какъ серпы высовывались изъ-подъ пальцевъ. Малышка Варя признавалась, что не смогла на величину и уродливостъ этой кошки, она вовсе не боялась ея и сама иногда протягивала къ ней рученку и брала ее за лапу, которая, сдавалось Варѣ, была холодна, какъ ледь.

• Спарики ахнули и смекнули дѣломъ, что у нихъ въ домѣ поселилась Кикимора; и хотя не видѣли они нея никакого зла, а все только доброе, однако же, какъ люди набожные, не хотѣли терять у себя въ дому никакой нечисти. У насъ былъ тогда въ деревнѣ священникъ, отецъ Савелій, вѣчная ему память! Нечего сказать, хорошій былъ человекъ: исправлялъ все шребы, какъ нельзя лучше, и никогда не требовалъ за нихъ лишняго, а еще и своимъ готовъ былъ поступиться, когда видѣлъ кого при недосланкахъ; каждое воскресенье и каждый праздникъ, проспо и вѣчно говаривалъ онъ проповѣди и научалъ прихожанъ своихъ, какъ быть добрыми Христіанами, хорошими домоводцами, исправно плашить подати Государю и оброкъ помещику; самъ онъ былъ

человѣкъ презвенный, и крестьянѣ уговаривалъ отходить подалѣе отъ кабака, словно отъ огня. Одно въ немъ было худо: человѣкъ онъ былъ ученый, зналъ много, и все шолковалъ по-своему.

— «А развѣ крестьяне ему не вѣрили?»

— «Ну, вѣрили, да не во всемъ, баинюшка баринъ. Бывало разскажутъ ему, что вѣдьма въ бѣломъ саванѣ доитъ коровъ въ такомъ-то домѣ, что тамъ-то видѣли оборотня, который прикинулся волкомъ, либо собакой; что въ такой-то дворъ, къ молодицѣ, летася по ночамъ огненный змѣй; а баинька Савелій бывало и смѣется, и учинитъ шолковать, что огненный змѣй — не змѣй, а... не припомню, какъ онъ величалъ его: что-то похоже на *мухаморъ*; что это-де воздушные огни, а не сила

нечистая; напропавъ-де того, эи огни очищають воздухъ: ну, словомъ, разныя такія запыи, что и въ голову не лезеть. Эио и взорвепъ при-хожанъ; они и шверднть между со-бою: банька-де нанъ онъ ученъ ума рехнузея.

— « Гауны же были ваши крестья-не, другъ Оаддей!

— « Было всяково, милосердый гос-подинъ: умъ на умъ не приходитъ; были между ними и гауные люди, были и себъ на умъ. Все же они дер-жалнсь старой поговорки: опцы-де наши не гаунъе насъ были, когда этому вѣрили и намъ передали свою старую вѣру.

— « Вижу, что благомыслящій свя-щенникъ не скоро еще вобъенъ вамъ въ голову, чему вѣришь, и чему не вѣришь. Объ эпомъ надобно бъ бы-ло толковать сельскимъ ребятамъ

съ пѣхъ дѣтъ, когда у нихъ еще молодко на губахъ не обсохло; а старымъ бабамъ запрешинь, чинобъ онѣ не разсѣвали въ народѣ вздорныхъ и вредныхъ суетьрій.

— «Какъ вашей милости угодно,» проворчалъ Ѡаддей и молча началъ попрогневаны воядами.

— «Что жъ ты замолчалъ? рассказывай дальше,

— «Да, можесть бышь, мои прошеныя рѣчи не подѣ снаны вашей милости, и у васъ онѣ нихъ, какъ говоринься, уши вануть?.... Мы, кресныяне, всегда съ просна совремь что-нибудъ такое, чино барамъ прійдется не по нушру.

— «И, полно, пріятель: видншь, я шебя охотно слушаю, и ты славно рассказываешь. Не ужелп ты добрую волею ошешунншься онѣ гри-

венника на водку, конорый я шебѣ
общалъ?

— « Итъ бытъ по вашему, батюш-
ка баринъ, » промовилъ Фаддей, ве-
селѣе и бодрѣ прежняго. « Вошь ви-
днѣе ли, сшарники и взмошнѣе ош-
цу Савелью, чшобѣ онѣ ошмошнѣе
домѣ ихъ онѣ Кикиморѣ. А ошнѣе
Савелѣи и давай ихъ журинѣ: шол-
ковалѣ ихъ, чшо и сшарникамѣ, и
дѣвочкѣ, и всей семьѣ шолько мере-
щилосѣ шо, чему они, будшо бы, съ
дуру вѣрили; чшо Кикиморѣ итъ и
не бывало на свѣшѣ; и чшо итъ поны,
конорые изъ своей корысши пошвор-
ешвуютѣ бабынѣ сказкамѣ и народ-
нымѣ повѣрѣямѣ, шяжко грѣшнѣе пе-
редѣ Богомѣ и недосшойны сайа свя-
щенническаго. Сшарники, повѣсѣ носѣ,
побредѣ онѣ священника, и не мо-
гли ума приложинѣ, какѣ бы имѣ
выжинѣ онѣ себя Кикимору,

« Въ селеніи у насъ былъ тогда управитель, не вѣдаю, Нѣмецъ или Французъ, изъ Минска. Звали его по имени и по отчеству *Вотъ-онъ* Ивановичъ, а прозвища его и вовсе пересказать не умѣю. Земскій нашъ, Елисей, чинъ былъ тогда на коншоръ, въ барскомъ домѣ, называлъ еще его *господинъ фонъ-баронъ*. Этого *фонъ-баронъ* былъ великой балагуръ: когда, бывало, ондыхалъ послѣ работы на барщинѣ, то онъ и пустился въ розсказни: о заморскихъ людяхъ, росномъ съ локомъ, на козынхъ пожкахъ, о заколдованныхъ башняхъ, о меринцахъ, копорые бродящъ въ нихъ по почамъ безъ головъ, свѣнятъ глазами, щелкающъ зубами и свисномъ пугающъ прохожихъ; о жаръ-ипицѣ, о большихъ морскихъ ракахъ, у копорыхъ каждая клешня по полу-верстѣ длиною и копорыхъ

* * *

онъ самъ видалъ на краю свѣта.... Да мало ли чего онъ намъ разсказывалъ: всего не складешь и въ прикорова. Говорилъ онъ по-руски не болѣе хорошо: много въ рѣчахъ его, хоть лобъ взрѣжь, никакъ не выразишь; а начесть бывало разсказывать — такъ и слышишь рѣчами: нида уши развѣшишь и о работѣ забудешь; да онъ и самъ, на шонъ разъ, не скоро бывало о ней вспомнить. Крестыяне были той вѣры, что у *Вотъ-онъ* Ивановича было много въ носу; что до меня, я ничего не замѣнилъ, кромѣ табаку, который онъ большими напойками набивалъ себѣ въ носъ изъ снарой, законной паванки. Онъ, правда, выдумывалъ на барскомъ дворѣ какія-то машины для посѣва и для молошбы хлѣба; только молошальни его чуть было самому ему не размолотила

головы, и сколько ни бился надъ нею челоуѣкъ двѣнадцать — ни одного снопа не могли околотить; а сѣвѣльная машина на одной бороздѣ высеѣла столько, сколько на цѣлую десятишину въ все было засыпано. Однако же крестьяне все по прежнему думали, что въ немъ сидитъ бѣсовщина, и что его не достанетъ только на пушное дѣло. Къ нему-то на воскресной мирской сходѣ, присовѣнивали старому Панкрату пойти съ поклономъ и просьбою, чинобъ онъ избавилъ его домъ отъ вражьяго наважденія.

• Паншелеиъ съ старухою пустился въ барской дворъ, гдѣ жилъ тогда *Вотъ-онъ* Ивановичъ, и принесли ему, какъ водится, на поклонъ барашка въ бумажкѣ, да шого-сего прочаго, примѣромъ сказанъ, рублей десятишка на два. Нашъ иностранецъ было

и зазнался: « сошна рублофъ, менши
ни конейка. » Наепау усовѣстили его
взять за труды бѣленькую, и по
еще, ондай ему деньги впередъ. Да
велѣлъ онъ сшарикамъ купить три
бутылки краснаго вина: его-де Ки-
киморы боащя; да шинофъ рому и
голову сахару, опрыскивань и оку-
ривань избу съ наговоромъ. Печего
было дѣлать; сшарикъ опшправилъ
самаго проворнаго изъ своихъ вну-
ковъ на лихой тройкѣ за покурками,
и къ вечеру, какъ шунь, все яви-
лось. Пошли съ докладомъ къ *Вотъ-*
онъ Ивановичу, онъ и приплелся въ
домъ къ Панкрату, весь въ черномъ.
Сперва началъ опшведывать вино,
велѣлъ согрѣть воды, онкололъ боль-
шой кусокъ сахару, положилъ въ ки-
няпокъ и долилъ ромомъ; и это все
онъ опшведывалъ, чинобъ узнать, го-
дящя ли снадобыя для нашенпыванья.

Вонь, какъ вынулъ онъ бутылку винограднаго, да осушилъ цѣлую чашку разливору изъ рому съ сахаромъ, — и разобрала его колдовская сила. Какъ началъ онъ пить, какъ началъ кричать на какомъ-то невѣдомомъ языкѣ, — ну, хоть свиныхъ вонь неси! велѣлъ подать чепыре сковороды съ горячими угольями, всыпалъ въ каждую по щепоткѣ мѣлкаго сахару и разсѣивалъ по всемъ чепыремъ углемъ; послѣ того, шепталъ что-то надъ бутылками и шипофомъ, взялъ флажокъ рому въ ротъ, пустился бѣгать по избѣ, да прыскалъ на сѣны, ломанься да коверканься, кричань изъ всей силы, нида у всехъ волосы дыбомъ стали. Такъ онъ принимался до шрехъ разъ; послѣ сказалъ, что все нашеннаиыя снадобья должно вынести изъ дому въ новой скантерини, и никогда ничего этого

не вносишь снова въ домъ; что съ ними-де вынесенъ изъ дому Кикимора; велѣлъ поданъ сканерть, положилъ въ нее бутылки, шофъ и сахаръ, поздравилъ хозяевъ съ избавленіемъ отъ Кикиморы, и понесъ сканерть съ собою, шагая съ боку на бокъ, надобно думать, онъ успѣлъ.

— «Что же, Кикимора больше не ошавалась въ домъ Панкратовомъ?»

— «Вонъ что-то и бѣда, сударь, что вышло на оборотъ. Видно, что колдовство нашего фонъ-барона было не въ добрый часъ, или онъ кудесникъ только курамъ на смѣхъ, или просило, хотѣлъ надуть добрыхъ людей и полакомиться на чужой счетъ; только вышло, какъ я вамъ сказала, на оборотъ. Доселѣ Кикимора дѣлала только добро: хранила ребенка и прятала на хозяйку,

никто ее заплѣтъ ни видалъ, ни слы-
халъ; а съ энихъ поръ, видно ее
раздразнили шеннаньемъ да колдов-
ствомъ: она спала по ночамъ делашъ
всякія проказы. То вдругъ загремѣшь
и запрещишь на пошолкъ, словно
вся изба рушившя; шо въ пошьямахъ
подкапшися клубомъ кому-либѣ изъ
семьянъ подъ ноги и собьенъ его,
какъ овсяный снопъ; шо, когда всѣ
уснутъ, ходишь по избѣ, урчишь,
ревенъ и сопенъ, какъ медвѣженокъ;
шо середь ночи, запрыгаешь по полу
свими огоньками..... Словомъ: что
ночь, шо новыя проказы, шо новый
искугъ для семьи. Одну только ма-
ленькую Варю она и не шрогала; и
шу переспала обмывашъ и чесашъ,
а часно на разсвѣтѣ находили, что
ребенокъ спалъ головою внизъ, а по-
гами на подушкахъ.

« Такъ билась бѣдная семья круглый годъ. Въ одинъ день пришла къ нимъ въ домъ снарушка нищая, вся въ лахмотьяхъ, и лице у нея ежалося и сморщилось, словно сушеная груша или прошлогоднее яблоко отъ морозу. Тетка Емельяновна, какъ вы уже слышали, сударь, была снаруха добрая и любила надѣлать нищую бранію. Посадила она Божью снранницу за столъ, накормила, напоила, дала ей денегъ алтынъ пять и надѣла ея плащыншкомъ. Вошь нищая и начала молитвъ Бога за всю семью; а послѣ молвила: «Вижу, православные Христіане, что Господь Богъ наградилъ васъ Своею милосердіемъ: домъ у васъ, какъ полная чаша; только не все у васъ въ дому здорово. » — « Охъ! такъ-то нездорово, что и не приведи Богъ! » ошвѣчала тетка Марѳа. « Посадили

къ намъ, знашь недобрые люди изъ
зависени, оказавшую Кикимору; она
у насъ по печамъ все вверхъ дномъ
и ворочаешь. » — « Этому горю мож-
но помочь; у васъ не безъ стара-
шекъ. Молитесь только Богу, да
сдѣлайте то, что я вамъ скажу:
все, какъ рукою снимешь. » — « Ма-
шутка ны наша родная! » измол-
лась ей Емельяновна: « чѣмъ хочешь,
послужимся, лишь бы эту печенку
выжечь изъ дому. » — « Слушайте жь,
добрые люди! Сего дня у насъ вос-
кресенье. Въ среду на этой недѣль,
ровно въ полдень, запрягите вы
дровни.... Да, дровни; не думи-
тесь тому, что нынче лѣто; эно-
му такъ быть надобно.... Запря-
тите вы дровни, чешомъ, да не па-
рой.... » — « Какъ же эному можно
быть, бабушка? » спросилъ середній
внукъ Панкратовъ, молодой парень

лѣтъ семнадцати, и къ слову ска-
 зать, большой зубоскаль: « вѣдь что
 чень, чню пара — все равно! » —
 « Великъ, парень, выросъ, да ума
 не вынесъ, » ошвѣчала ему старуха
 пищая: « не дашь домолвишь, а сло-
 ва власно съ дуба рвешь. Вошь
 какъ люди запрягають чешомъ, да
 не парой: въ корень вирагунъ ло-
 шадь, а на пришняжку корову, или
 на оборонъ; корову въ корень, а
 лошадь на пришняжку. Сдѣлайте же
 такъ, какъ и вамъ говорю, и под-
 везите дровни влошь къ сѣнямъ;
 разсѣлайте на дровняхъ шубу шер-
 стую вверхъ. Возмите старую мешку,
 мешните ея въ пзбѣ, въ свѣтлицѣ,
 въ сѣняхъ, на пошолкѣ подъ крышей,
 и приговаривайте до прехъ разъ:
 « Честень домъ, свянные углы! ош-
 « мешайтесе вы ошъ лежающаго, ошъ
 « плавающаго, ошъ ходящаго, ошъ

« ползущаго, онъ всякаго врага,
 « во дни и въ ночи, во всякой часъ,
 « во всякое время, на безконечныя
 « лѣта, онъ нынѣ и до вѣка. Воиъ,
 « окаянный! » Да прияды перебрось-
 те горелии земаи чрезъ плечо изъ
 сѣней къ дровнямъ, да прияды
 смяните; посаѣ того свезите дров-
 ни эною жь самою упряжью въ лѣсъ
 и оставьте тамъ и дровни, и шу-
 бу: увидите, что съ эной поры ва-
 шего врага и въ поминѣ больше не
 будетъ. » — Сшарики поблагодарили
 нищую, надѣтали ее вдесятеро боль-
 ше прежняго и ощутили съ Бо-
 гомъ.

« Въ эни шрое супокъ, онъ вос-
 кресенья до середи, Кикимора, вид-
 но почуявъ, что ей не ужинься
 дольше въ томъ домѣ, талила и про-
 казала пуще прежняго. То посуду
 сшолкнешъ съ полѣкъ, шо наваалиси

на кого въ ночи и давить, но бан-
ши всё соберешь въ кучу и приде-
нешь ихъ одинъ къ другимъ бичевками
такъ плотно, что ихъ самъ бѣсъ не
разнухаетъ; но хлѣбное зерно не-
решаскаешь изъ сушила на ледникъ,
а ледъ изъ ледника на сушило. Въ
последній день и шого хуже: цѣлое
утро даже не было никому покою.
Весь домашній скарбъ былъ перево-
роченъ вверхъ дномъ и во всемъ до-
мѣ не осталось ни кринки, ни кув-
шина неразбитаго. Спрашите же
всего было вошь что: вдругъ уви-
дѣли, что маленькая Варя, которая
играла на дворѣ, — осановилась
среди двора, размахнувъ рученками,
смотрѣла долго на кровлю, какъ буд-
но бы шамъ кино манилъ ее, и, не
спуская глазъ съ кровли, бросилась
къ снѣгу, начала карабкается на нее,
какъ кошенокъ, взобралась на самый

гребень кровли и сжала сложа ручки, словно къ смерти приговоренная. У всей семьи опустились руки; все, не смигывая, смотрѣли на мамонку, когда она, поднявъ глаза къ небу, стояла какъ вкопанная, на самой верхушкѣ, блѣдная, какъ помянуто, и духу не переводила. Судите же, баюшка баринъ, каково было ей роднымъ видѣнь, что мамонка Варя вдругъ спрямлявъ пошепала съ крыши, какъ будто бы кно изъ пушки ея высстрѣлала! Все бросалось къ мамонкѣ; въ ней не было ни дыханія, ни жизни; тѣло было холодно какъ ледъ и закоснѣло; ни кровинки въ лицѣ и во всемъ соснавамъ; а никакого пляна или ушиба замѣнно не было. Спируха бабушка съ всемъ понесла ее въ избу и положила подъ Святыми; отецъ и мать такъ и блансь надъ

нею; а старикъ Панкратъ, погоревавъ малую-толику, топчась хвашился за умъ, чинюбъ имъ доль не перпыть оны дьявольскаго наважденія. Велѣлъ внукамъ поскорѣе запрягать дровни, какъ имъ заказывала нищая, и подвезни къ сѣнямъ; а самъ пригоновилъ все, какъ было велѣно, и ждалъ назначеннаго часа. На старика и внуковъ его, бывшихъ тогда на дворѣ, сыпался черенья, иверни кирпичей и мѣлкіе каменья; а женщины въ избѣ безпресшанно пугалъ то ревѣ, то гулъ, то вой, то страшное урчанье и мяуканье, словно со всего свѣта кошки сбѣжались подъ одну крышу. То пополокъ начиналъ дрожанье: такъ и перебирало всѣми половицами, и сквозь нихъ на голову сыпало пескомъ и золою. Всѣ бабы, лѣпясь одна къ другой, сжались около шѣла маленькой Вари,

и духъ припавши. Такъ прошло, не
вѣдаю, сколько часовъ. Вонь на бар-
скомъ дворѣ зазвонили въ колоколь.
Это бывало всегда ровно въ полдень,
когда садовыхъ работниковъ сзывали
къ обѣду. Панипелентъ опрометью ки-
нулся въ избу, схватилъ мензлу и да-
вай вымешать, да швердиль заго-
воръ, которому ницца его научила.
Проказы унялись; только мяуканье,
и фырканье, и дышскій плачь, и ба-
бий вой, раздавались по всемъ угламъ.
Скоро и этого не стало слышно:
объ избы, свѣшанцы, пошолки и сѣ-
ви были вымешены; старикъ трижды
бросилъ черезъ плечо землю горелы-
ми, трижды плюнулъ и велѣлъ дво-
нимъ внукамъ взять лошадь и корову
подъ уздцы, да весни ихъ съ дров-
нями со двора, вонъ изъ деревни,
черезъ выгонъ и къ лѣсу. На дворѣ
и по улицѣ стояли крестыяне

цѣлой деревни, всё, отъ мала до велика, и провожали Кикимору до самаго лѣса....

— « И ты была шупть же ? »

— « Какъ не быть, бабюшка ба-ринь. И теперь помню, что меня въ жаркую пору такой холодъ про-цѣлъ со снѣраху, что зубъ на зубъ не понадалъ; а за ушами такъ и жало, словно кѣю снѣгивалъ у меня кожу со всей головы. »

— « Да видѣлъ ли ты Кикимору ? »

— « Нѣтъ, грѣхъ сказанъ, не видалъ. Видѣлъ только дровни, а на нихъ шулунъ, овчиной вверху; больше ничего. »

— « Кто жь ее видѣлъ ? »

— « Да, Богъ вѣстнъ! Сказывала мнѣ, правда, шепка Афимья, спу-стивъ послѣ того годовъ съ десятокъ, будто она слышала отъ сосѣдки, а та отъ своей золовки, что была

у насъ тогда въ селѣ одна спаруха, про которую шла слава, что она чороковала колдовствомъ и часто выдавала то, чего другіе не видѣли; и что эша-де спаруха видѣла на дровняхъ большую-пребольшую сѣрую кошку съ бѣлыми крапинами; что кошка эша сидѣла на плути, сложа все чепыре лапы вмѣстѣ и оцѣпнившіе шерсть, сверкала глазами и спрашивала скакала зубы во все спороны. — Какъ бы то ни было, только съ сей поры ни въ Паникратовомъ домѣ, ни въ цѣлой деревнѣ, и слыхомъ не слыхали больше про Кикимору.

— « Радуюсь и поздравляю вашу деревню.... А что жъ было съ малюпкою Варей? »

— « Бѣдняжка все лежала какъ мертвая. Спарикки и вся семья поплакали надъ нею и хотѣли ее похоронить. Позвали отца Савелья. Онъ посмо-

**

пѣла на пѣло и сказала, что ма-
люнкѣ сдѣлался младенческій припа-
докъ, словно онъ пенугу, и ни за-
чно не хопѣлъ ее хорошишь до прехъ
сунюкъ. Черезъ три дня, въ воскре-
сенье, та же синарунка ницая по-
ешучалась у окна въ Панкратовомъ
домѣ; ее впустили. Емельяновна раз-
сказала ей всю подноготную и по-
вела ее въ свѣтлицу, гдѣ лежало
пѣло Варюши. Ницая велѣла его пе-
редожинъ со снола на лавку, по-
снанила икону подѣть изголовья, за-
шенила свѣчку, сѣла сама у изго-
ловья, положила голову ребенка къ
себѣ на колѣни и обхватила ее объ-
ими руками. Послѣ того, выслала
она всю семью изъ свѣтлицы, и даже
вошь изъ избы. Чшо она дѣлала надъ
ребенкомъ, она нолько сама знаетъ;
а черезъ нѣсколько часовъ, Варя
очнулась, какъ испрепанная, и къ

вечеру играла уже съ другими дѣтьми на улицѣ.

— « Пу, что же далѣе?

— « Да больше ничего, сударь. Все пошло съ нѣхъ поръ по добру, по здорову.

— « Благодарюую, другъ мой, за сказку: она очень забавна.

— « Гмъ! какая вамъ, сударь, сказка; а бѣдной-но семьѣ вовсе было не забавно во время этой передраги.

— « Но послушай, пріятель: вѣдь ты самъ не видалъ Кикиморы?

— « Нѣтъ. Я ужъ объ этомъ докладывалъ вашей милости.

— « И Пѣтръ, и Яковъ, и все крестьяне вашей деревни, то же ея не видали?

— « Вѣшимо, такъ!

— « Что же рассказывать о ней самъ старикъ Панкранъ?

— « Ничего, до гробовой доски. Еще бывало и осердишь старый хребтень, какъ поведешь этакое слово, и векинешся съ бранью: «вздорь-де вы, ребята, мелешь только на мой домъ позоръ кланете!» И дѣтямъ и внукамъ видно казать объ этомъ говорить: ни с кого изъ нихъ, бывало, не добьешься толку.... Такъ она, проклятая, пугала старика.

— « Такъ я шебѣ объясню все дѣлушай. Старыя бабы, или завистники Панкратовы, взвели на дѣла его небылицу, пошуму, что на селѣ его нельзя было выдумать какой-либо клеветы. Эту небылицу разнесли по всей деревнѣ; вамъ показалось, чего вы на самомъ дѣлѣ не дѣлали, а подтвердили чужимъ словамъ. Молва эта удержалась у васъ въ лѣтѣ; старухи твердятъ ее малю

ребятамъ, и такимъ образомъ она переходить отъ старшаго къ младшему. . . . Вотъ и вся исторія моей Кикиморы.

— «Мосей, сударь? Упаси меня Богъ отъ нея. . . .» Тушъ Оаддей перекрестился и вслѣдъ за нѣмъ прикрикнулъ на лошадей, замахалъ кнутомъ и помчалъ во весь духъ. Со всемъ моимъ стараніемъ, я не могъ отъ него добиться болѣе ни слова. Въ такомъ упрямомъ молчаніи довезъ онъ меня до слѣдующей станціи, гдѣ шакъ же молчаливо поблагодарилъ меня поклономъ, когда я опдалъ ему условленные сверхъ прогонныхъ деньги.

О. Сомовъ.

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

ВЕЙМАРЪ. — БАВАРІЯ. — ТИРОЛЬ.

Веймаръ. Удаляясь отъ панітеона великихъ писателей германскихъ, моя душа исполнена чувствами благоговѣйными. Все тамъ дышетъ наукой, поэзіей, размышленіемъ и почтеніемъ къ гению. Гений тамъ царствуетъ, и даже Великіе землі суть его царедворцы. Тамъ я увидѣла Ангела, проливающего слезы на землѣ....

Тамъ я постигла Гёте. Я вижу въ немъ старинный, изящный, многолюдный городъ, гдѣ храмы свѣтлаго греческаго стиля, съ простыми гармоническими линиями, съ мраморными статуями идеальной формы, красующея воздѣ готическихъ церквей, шлемныхъ, шпильчатыхъ, съ прозрачными башнями, съ кружевною рѣзбою, съ гробницами рыцарей среднихъ вѣковъ. Въ городѣ старинномъ, все живо, важно, незабвенно: памятники, книги, зданія, мавзолеи рассказываютъ вѣкамъ о герояхъ, о великихъ мужахъ. Въ городѣ изящномъ все дѣйствуетъ, все паритъ; ученые углубляются въ архивы всѣхъ временъ; художники воображаютъ, живописуютъ; поэты, смотря на вселенную, упиваются вдохновеніемъ и пророчатъ. Въ городѣ многолюдномъ спрашиваютъ жизни;

шамъ всѣ звуки раздаются: шамъ звучать арфы, менгалы, гимны, псалмы, народные призывы, страстные пѣсни — и всѣ звуки сливаются и возходятъ, какъ жаркіе, благоуханные пары. Въ семь-по безсмертному городѣ, я вижу образъ Гёше въковаго. Надъ городомъ блесняютъ эфирныя звѣзды, и на челѣ старца горятъ звѣзды неугасаемыя.

Бернекъ. На горѣ стоятъ развалины замка Валленродовъ, рыцарей ордена Дѣвы Маріи. Возлѣ, осматки церкви, некогда посвященной Богоматери. Подъ горою течетъ жемчужная рѣчка: такъ ее называютъ отъ жемчуговъ, которые въ ней рождаются. Замѣнимъ сходство лучшаго украшенія женскаго съ каплями слезными. Не для того ли сотворены перлы, чѣмобъ и въ торжественныхъ нарядахъ припоминать полу нашему

его назначеніе? — Вошь горы Герцинскія; лѣса ихъ, которые нѣкогда были непроходимы, теперь прозрачны, и уступаютъ свои земли пшеницѣ и селеніямъ. Рыцари Святой Маріи теперь на колѣняхъ молятся о каменныхъ надгробникахъ своихъ. Не отъ нихъ уже зависить прекращеніе моленія; но развѣ человеческая рука или громъ небесный разобьетъ образъ ихъ и прерветъ молитву. Лѣса и рыцари пропали, а въ рѣчкѣ перловое племѣ пережило вѣка и окруженное развалинами, тихо плодилось и отдыхаетъ въ чистой и гладкой своей колыбели.

Регенбургъ. Уже рыцари съѣхались въ многолюдный городъ; одни съ гордою возвышеніемъ произносятъ жесткія имена бароновъ, графовъ, германскихъ богатырей; другіе не произносятъ имени, не поднимаютъ за-

брала, и, какъ невѣста подъ опу-
щенной фатою, скрываютъ свои
надежды, жаръ души и благородный
смысль. Все спрелянае шуда, гдѣ
жадутъ ихъ похвалы старцевъ и обод-
ряющій взоръ красавицъ. Истрал
шодна валитъ на площадь, окружен-
ную темными, готическими зданіа-
ми. Вельможы, дамы въ одеждахъ
бархатныхъ и парчевыхъ, чинно са-
дише на высокія, красныя ступени.
Первый взоръ на красавицъ, второй
на желѣзную конницу, выѣзжающую
на попріще. Толпа замолкла: все
лихо, все ожидаетъ. Ровные шаги
лошадей, быстрыя движенія бойцевъ,
удары оружія о желѣзо, доманющіеся
коня, паденіе ратниковъ и коней про-
изводятъ шумъ, звонъ и стукъ ежеми-
нутный. Опять все замолкло; но вдругъ
поднялся крикъ въ народъ, и шопъ
ушихъ. Опять звучать одни оружія.

Вопль явился черный рыцарь; весь глядящий на него: онъ спрашенъ, и глаза его, сквозь забрало, какъ пламя сверкающъ, и черныя ланты ошлываютъ огнемъ. Въ дунъ героевъ — ужась есень гнѣвъ; раппики его окружилъ; сраженіе за сраженіемъ, а черному рыцарю побѣда за побѣдой. Вызжаенъ новый раппикъ, непобѣжденный никогда: и шонъ два раза побѣжденъ, два раза раненъ, а черный рыцарь подъ забраломъ своимъ спрашно хохочетъ. Весь народъ изумленъ; герой поднимаетъ усналую голову, укрѣпляется на сѣдлѣ, удивленный самому себѣ, вопрошаетъ, смотря на соперника: «Кто онъ такой?...» Тихо произноситъ молитву, и вдругъ съ новымъ жаромъ попрясь копьѣ. Уже черный рыцарь подымленъ смертоносную шпагу; герой опразилъ ее; пскры летящъ;

онъ хладнокровно копьемъ своимъ
 означася крестъ на лбу сирашинаго
 бойца. Уже конь вопкнулось въ че-
 ло... кровь течетъ, и огонь съ
 кровью, — и черный рыцарь исчезъ!
 Герой сиѣннъ неподвижно и шеп-
 четъ молитву. Изнуренная толпа,
 тѣсясь, убѣгаетъ изъ ограды; всѣ
 крестятся; народъ спремнися въ
 обширный соборъ; благочестивыя
 жены, прижавши крестъ къ бѣюще-
 муся сердцу, удаляюся въ свои ча-
 совни, и предъ распятіемъ прекло-
 нивъ колѣна, долго читають по древ-
 ней готической книгѣ: « Да воскрес-
 нетъ Богъ и распочася врази его! »
 Давнее преданіе теперь еще повѣ-
 ствуется въ Регенсбургъ и тамъ по-
 казываютъ путешественнику, на-
 прошивъ древняго рашгауза, живо-
 писъ, представляющую на сѣнѣхъ
 таинственное сраженіе.

Южная Баварія. Здѣсь возвышающаяся гора за горою, лѣсъ за лѣсомъ, все выше и выше, какъ зеленныя пирамиды; а за ними голыя скалы, на конхъ лежишь нешающій снѣгъ. Какъ очи иѣжнаго лица на неблагодарныхъ дѣтей, солнце на нихъ ищечно ударяетъ! Ниже клубящяся тяжелыя облака.... Ясные, теплыя дни рѣдки на высотахъ.... Часно встрѣчающіяся озера, освѣщенные лѣсенными горами. То вижу въ нихъ иѣжные взоры, отражающіе высокія, но печальныя мысли; но влажныя амфишесны, гдѣ дремучіе лѣса одни ожидаютъ водяныхъ побойщъ. Тунъ не звучать ни лиры, ни лишавры; одна строгая гармонія грома прерываетъ шипищу сего зрѣлища.

Тироль. Вершины горы, освѣщенные солнцемъ, полузакрытыя облаками, напоминаютъ о швейцарскихъ

ныхъ Синаѣ и Оаворѣ, какъ будто и здѣсь скрывается для взора недо-
стойнаго какое-либо чудо. Столица
германскаго Тироля сплннть подъ
скалами неизмѣримыми; надъ нею
нависли темные лѣса, разноцвѣтные
луга и нивы, а надъ горами шуск-
лая облака. Какой Кремль велича-
вый! подъ высокою горою, въ узкой
долинѣ шумитъ каменная рѣчка,
бьетъ и хлещетъ по гранитамъ. Да-
лѣе, бездна водъ то поглощается
незримою пропастью, то выбѣгаетъ
изъ нея обширнымъ потокомъ. Въ
столицѣ широльской сохраняются
при великія воспоминанія: гробница
Максимилиана, окруженная толпою
государей, кошорые и подъ бронзою
сохраняютъ память высокаго уваже-
нія; — учрежденіе Маріи Терезы, по
кошорому двѣнадцать дамъ надъ на-
мѣшникомъ порфироснаго ея супруга

продолжаютъ ея моленія: обѣ мысли достойны рыцарскихъ временъ. Живое чувство благоговѣнія къ Гоферу, есть трепетъ воспоминаніе: горный охотникъ лежишь съ царями, а преданіе о немъ также не умолкнетъ въ горахъ Тиролецевъ, какъ и пѣнь ихъ патристическая и задумчивая.

Со всѣхъ сторонъ я вижу ландшафты Рюнедала и Сальвадора Розы. Какое торжественно для художника, когда сама природа, твореніе Божіе, напоминаетъ произведенія смѣрнаго! Здѣсь дерево сухое, обросшее мхомъ, валящееся на бодрое и прямое, а тамъ внизу надвигъ пень лежишь мостомъ надъ свинцово-зеленымъ потокомъ. Тутъ сосны проникають прямыми своими вѣтвями въ окруженную и обширную сѣнь планшпозъ. Лиственницы качають надъ пропастями свои пернатые вѣтви.

Древній дубъ простираетъ неровные и голые сучья; темнозеленый плющъ обвиваетъ гнилой, обширный пенъ его, и, какъ любовь дѣтей, согрѣваетъ, можетъ быть, и удерживаетъ жизнь въ лѣсномъ старцѣ. Сосны, какъ щеница, покрываютъ скалы отъ глубины до вершины, а въ сырыхъ ущельяхъ журчанъ и пѣніе высокіе водонады.

Тиролецъ измѣряетъ свои горы швердою стопою, какъ серны быспроногія. Взоръ его привыкъ къ огромности, удивляющей прохожаго. Такъ дѣвственный взоръ смущается, когда въ первый разъ пораженъ видомъ порока; но мало по малу привыкаетъ къ опасному зрѣлищу. Такимъ же образомъ люди, живущіе всегда съ великими мужами, свыкаются съ ихъ величіемъ; такъ вдова великаго осиротѣвшица цѣнитъ себя

простою вдовою, а жена альбионскаго барда видить въ геніи, принадлежащемъ вселенной, собственнаго мужа, хозяина, угодинка ея домашнихъ причудъ. — Весь Тироль вообще есть великая, однообразная мысль Создателя. Все въ этой стране имѣетъ одинъ характеръ, — и горные духи здѣсь хоромъ поюгъ все одинъ припѣвъ, по семейный, величавый и вѣчно новый!...

Княгиня Зинаида Волконская.

О Т Р Ы В О К Ъ

И З Ъ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ,

Tantæ ne animis scholasticis iræ!

Распря между двумя извѣстными журнальщиками надѣлала шуму. Постараемся изложить исторически все дѣло *sine ira et studio*.

Въ концѣ минувшаго года Редакторъ Вѣстника Европы, желая въ слѣдующемъ 1829 году помириться еще и въ качествѣ Издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между этими двумя

учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудоси Вѣстника Европы, сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщаль употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирався пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безплодныхъ. «Предполагаю работать самъ,» говорилъ почтенный Редакторъ, «не опираясь однако жъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ.» Сии позднія, но тѣмъ не менѣе бла-

тія наміренія, сія похвальная заботливосінь о руской литературѣ, сія великодушная снисходительность къ сотрудникамъ, пронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствованъ первыя труды, первыя усѣхи знаменитаго Редактора Вѣстника Европы. Его глубокія знанія (думали мы), спользительныя намъ по слуху, дадуть плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣдѣніи исторической его критики озарили вышепомянутыя шундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорили усами учащаго Редактора. Онъ не ограничился своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ *Исторіи Государства Россійскаго*, или даже разсужденіями о кунныхъ морд-

какъ, но вѣрнымъ взоромъ обнимаетъ наконецъ швореніе Карамзина, оцѣнитъ истину его разысканій, укажетъ испочки новыя соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно - либеральныхъ мы не будемъ слышать по брюзгливому ворчанью какого нибудь стараго педанта, но непрестанныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики Г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ пошлыми шуточками журнальнаго гасера. Писатели извѣстные не будутъ ими презираемы, ибо услышатъ окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы не единой минутой не усомнились въ

исполненіи плановъ Г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на Вѣстникъ Европы. Но Г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20^й книжкѣ Московскаго Телеграфа прошедшаго года, спланныю, въ которой сильно напасть онъ на почтеннаго Редактора Вѣстника Европы. Давъ замѣтить неприяніе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ, вѣроятно неумышленно, Г. Каченовскимъ, онъ говоритъ :

« Если бы онъ (Вѣстникъ Европы) старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки, заговорилъ

голосомъ безпристрастія ; мы всѣ охотно уважали бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его. »

Спиранныя требованія ! Въ лѣпахъ Вѣстника Европы уже не учатся и не бросають предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость апте-раптурная ; а если сознанія, требуемыя Г. Полевымъ, и заслуживають какое нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и сосраданія ?

« Но *что* сдѣлалъ до сихъ поръ издашеть Вѣстника Европы ? » продолжаетъ Г. Полевой. « Гдѣ его права, и на какой воздѣланной его *трудами* земля, онъ водрузить свои знамена : гдѣ, за какимъ океаномъ

эта обыванная земля? Юноши, обогнавшіе издавшаго Вѣстника Европы, не виноваты, что они шли впередъ, когда издавшаго Вѣстника Европы засталъ на одномъ мѣсѣ, и неподвижно просидѣлъ болѣе 20 лѣтъ. Дивились ли, что теперь Вѣстнику Европы видныя чудныя распри, грезящія кимвалы бряцающіе и мѣдъ звящія?

На сіе ошвѣтсвуемъ:

Если Г. Каченовскій, не написалъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, въ печеніе 26 лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискавъ однакожь себѣ безмерную славу; то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примется за дѣло не на шулку? Г. Каченовскій просидѣлъ 26 лѣтъ на одномъ мѣсѣ, — согласенъ: но какъ могли юноши

обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Веренинскаго: но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевелъ Терезу и Фальдони: что за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что Г. Полевой неправъ, ибо обнаруживается какое-то приспращеніе въ замѣчаніяхъ, конторы съ перваго взгляда являющіяся довольно основательными. Мы ожидали отъ Г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда оповѣщивали на неприличные и приспращенныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 N. Вѣстника Европы слѣдующее примѣчаніе Редактора къ епаньѣ своего почтеннаго сотрудника, Г. Надоумки (одного изъ

великихъ писателей , приносящихъ истинную честь и своему вѣку и журналу, въ коемъ они участвуютъ).

« Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Беннигою я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенниги и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы сшапны Телеграфической, если бъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастье продолжать оную. *Рдръ.* »

Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола Г. Бе-

нижны предпринялъ почтенный Редакторъ? что значить извивый произволъ Г. Беннигы? что такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ гесту службы и достоинству мѣста? (Впрочемъ смыслъ последней фразы доныпѣ остался шепель, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи.)

Многочисленные почтапашели Въстаника Евроны заиренешали, прочишавъ еи мрачныя, грозныя, безпорядочныя сирокки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Міхана Трофімовича. Къ счастью, скоро все объяснилось....

Успокоясь на счетъ ужаснаго смысла вышепомянутого примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго Редактора. Въ

предвидѣли послѣдствія онаго. Въ снѣпѣ Г. Полеваго личная честь Г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издашель Московскаго Телеграфа не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души.

Между тѣмъ, ожесточенный издашель Московскаго Телеграфа напечаталъ другую снѣпью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь Г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный Редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донинѣ, кромѣ переводовъ

съ переводовъ, и кой-какихъ замѣ-
 ствованныхъ кое-гдѣ спашеекъ, ни-
 чего не произвелъ. Скучность, болѣе
 достойная сожалѣнія, нежели укориз-
 ны! Но что всего важнѣе, Г. По-
 левой доказалъ, что Михаилъ Трофі-
 мовичъ нѣсколько разъ позволялъ се-
 бѣ личности въ своихъ критическихъ
 спашейкахъ, что онъ упрекалъ из-
 дателя Телеграфа виновнымъ его за-
 водомъ (нынѣшномъ ужаснымъ, какъ из-
 вѣстно всему нашему дворянству!)
 что онъ неоднократно съ упрекомъ
 повинорятъ Г. Полевому, что сей
 послѣдній купецъ (другое, столь же
 ужасное обвиненіе!), и все сіе въ
 непристойныхъ, оскорбительныхъ вы-
 раженіяхъ. Тутъ уже мы приняли со-
 вершенно сторону Г. Полеваго. Ни-
 кто, болѣе нашего, не уважаетъ
 истиннаго, родоваго дворянства,
 коего существованіе столь важно.

въ смыслъ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ, какое намъ дѣло до гербовъ и пыльных грамотъ? Попомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и старшующій купецъ, равны предъ законами криники. Князь Виземскій уже далъ однажды замѣшкить неприличность сихъ архиепископическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

Однако жъ, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! И шупъ мы укоряли Г. Полеваго въ занальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ Рускому букварю, и преобразовать оный удивительнымъ

образомъ. Утѣшительно для насъ, по крайней мѣрѣ, то, что свидѣнія Мѣхана Трофѣмовича въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

Съ несвертѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ водворилось спокойствіе въ области словесности и прекратилась междоусобная распря миромъ, равно выгоднымъ для побѣдишелей и побѣжденныхъ.....

А. Пушкинъ.

В О Р Ъ.

Арабская повесть.

Я прїѣхалъ однажды въ Бассору, говоришь извѣстный арабскій писатель Абу-Сандъ-Асманъ, и явился прямо къ губернатору сего города, Халеду, сыну Абдаллаху. Я нашелъ его въ прїемной залѣ, окруженной низкими софами; полъ ея покрытъ былъ драгоценными коврами персидскими, стѣны изукрашены золотыми надписями изъ Алкорана и поэмъ, сочиненныхъ въ похвалу Халеда. Среди

залы находился фонтанъ, коего вода съ шумомъ низпадала въ мраморный водоемъ, поддерживаемый чеширьями бронзовыми львами, и прохлаждала знойный воздухъ. Вокругъ водоема стояли именитые граждане въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ кафтаняхъ, съ богатыми чадами на головѣ, и сухощавые, смуглые *шейхи* или начальники бедуинскихъ поколѣній, кочевавшихъ тогда въ окрестностяхъ Бассоры: сіи послѣдніе закутаны были въ просторныя снани, съ широкими бѣлыми и черными полосами, а на головахъ имѣли бѣлыя полонизыя *фезки*, обвязанныя прищипомъ изъ пальмоваго волоса. За ними стояли, въ красныхъ и синихъ ферижахъ, военные чиновники, клевреты и слуги Халеда, сложивъ руки на брюхо и вывернувъ ноги шакъ, чинно озирающе.

носки башмаковъ ихъ вдавались нѣ-
 сколько въ середину. Самъ Халедъ
 сидѣлъ, или лучше сказать, лежалъ
 въ одномъ углу софы. Два маленькіе
 Араба стояли возлѣ него на софѣ
 и оппгояли мухъ огромными позо-
 лоченными опахалами; а въ нѣсколь-
 кихъ шагахъ отъ него стоялъ *джел-*
лядъ (палачъ), съ огромнымъ кри-
 вымъ мечемъ подъ мышкой: онъ без-
 оппучно находился при губернаторѣ
 и не спускалъ съ него глазъ, чпобы
 по первому мановенію исполнить
 его приказанія. Въ семь-ио изнѣжен-
 номъ положеніи, Халедъ правилъ дѣ-
 лами обширной области, рѣшалъ
 важнѣйшія нпжбы, и хладнокровно
 отдавалъ приказы — бить виновныхъ
 по нпшамъ въ его присушествіи, или
 отсѣкати имъ головы прошивъ оконъ
 его замка.

— « *Селамъ алейкумъ* (миръ съ тобою)! » воскликнулъ Халедъ, увидѣвъ меня и не прогаясь съ мѣста.

— « *Да сохранитъ Богъ правителя!* » отвѣчалъ я, положи руку сперва на грудь, а потомъ коснувшись его чела и слегка поклонясь Халеду (1).

— « *Мы давно желали бесѣдовать съ тобою!* » сказалъ онъ.

— « *Да умножитъ Богъ твое благо!* » промолвилъ я, и, къ сему обыкновенному отвѣсту, присовокупилъ нѣсколько восклицаній, употребительныхъ въ подобномъ случаѣ. Халедъ указалъ рукою на софу, и я сѣлъ на ней, въ нѣкопоромахъ онъ него разстояніи, поджавъ подъ себя ноги.

— « Ну, Абу-Сандъ! ты всегда при Халифѣ, сочиняешь стихи да врешь, *благословенный* (2)! Мнѣ сказывали, что въ одной *касида*, посвященной повелителю правовѣрныхъ

(да сохранить его Аллахъ!), ты по-
лучивалъ и на мой счетъ. Я не лю-
блю сердиться на вану бранью, и
поэтому прощаю тебѣ опятъ чистаго
сердца, не для того, что ты лю-
бимецъ пророка (да благословитъ и
ласково привѣстивуешь его Аллахъ!);
но я увѣренъ, что ты будешь го-
ворить обо мнѣ совершенно другое,
когда узнаешь меня покороче.

— «Правнись (да исполнитъ Ал-
лахъ всѣ твои желанія)!» возклик-
нула: «меня оклеветали передъ то-
бою....»

— «Полно, полно, брань (про-
клялъ тебя еще твой (3)! Ужь
я знаю васъ, спихонворцы!» ска-
зала Халедъ улыбаясь. «Ваше дѣло—
выкинуть острое слово; а шамъ,
правда ли, ложь ли — вамъ до того
какая нужда? Но кенани: ты здѣсь,
благословенный. Ты въ спихахъ сво-

— « *Селамъ алейкумъ* (миръ съ тобою)! » воскликнулъ Халедъ, увидѣвъ меня и не прогаясь съ мѣста.

— « *Да сохранитъ Богъ правителя!* » отвѣчалъ я, положи руку сперва на грудь, а потомъ коснувшись его чела и слегка поклонясь Халеду (1).

— « *Мы давно желали бесѣдовать съ тобою!* » сказалъ онъ.

— « *Да умножитъ Богъ твое благо!* » промолвилъ я, и, къ сему обыкновенному отвѣту, присовокупилъ нѣсколько восклицаній, употребительныхъ въ подобномъ случаѣ. Халедъ указалъ рукою на софу, и я сѣлъ на ней, въ нѣкоторомъ онъ него разстояніи, поджавъ подъ себя ноги.

— « Ну, Абу-Сандъ! ты всегда при Халифѣ, сочиняешь стихи да врешь, *благословенный* (2)! Мыъ сказывали, что въ одной *касида*, посвященной повелителю правотверныхъ

(да сохранишь его Аллахъ!), ты пошучивалъ и на мой счетъ. Я не люблю сердиться на вашу братью, и потому прощаю тебѣ оный чистаго сердца, не для того, что ты любимаецъ пророка (да благословитъ и ласково привѣстивуешь его Аллахъ!); но я увѣренъ, что ты будешь говорить обо мнѣ совершенно другое, когда узнаешь меня покороче.

— «Правнись (да исполнишь Аллахъ всѣ твои желанія)!» воскликнулъ я: «меня оклеветали передъ тобою....»

— «Полно, полно, брать (проклялъ тебя еще твой (3)! Ужь я знаю васъ, спихонворцы!» сказалъ Халедъ улыбаясь. «Ваше дѣло — выкинуть острое словцо; а намъ, правда ли, ложь ли — вамъ до того какая нужда? Но кенани: ты здѣсь, благословенный. Ты въ спихахъ сво-

ихъ говоришь, что я сирочно рѣшаю дѣла. Вотъ, рѣши за меня одно дѣло, въ которомъ, признаюсь, я долженъ положить мое упованіе на Бога (4). Увидимъ твою премудрость. На сей разъ, я даю тебѣ власть мою: суди! Подойдигие сюда, сыны тлжбы! Ты, отецъ свдой бороды, разскажи этому господину твою поовсть. »

Изъ толпы, стоявшей вокругъ водоема, выступили нѣсколько Аравпшанъ, между коими привлекъ мое вниманіе одинъ молодой человекъ, отличававшийся дивною пріятностію лица и богатою одеждою: на головѣ у него была пышная чама изъ зеленой іеменской матеріи; въ складкахъ же оной замѣтила я ошанки розы, зашнупоной нуда въроивно накапунъ.

— « Повѣсть наша коротка, » сказалъ Аравитянинъ съ сѣдой бородою. « Сынѡвья мои, конхъ ты видишь передъ собою, поймали вчерашнею ночью, въ нашемъ саду, вопѣ этого *брата зеленой талмы*, тогда какъ онъ краль съ деревь апельсинны. При немъ нашли мы нѣсколько платковъ и рубахъ, конторы онъ также припряталъ, изъ бѣлья, просыхавшаго въ саду. Теперь мы привели его къ правншему (да упрочимъ Аллахъ его правосудіе!), дабы онъ исполнилъ падъ нимъ то, что повелѣваетъ законъ исламскій.

— « *Да возвеличитъ Аллахъ праведныхъ и да накажетъ клеветниковъ по мѣрѣ клеветы ихъ!* » сказала я старику; потомъ, обратясь къ юношѣ, примолвилъ: « ты слышала рѣчь отца обвиненна; нѣтъ ли у тебя отвѣща на его повѣсть?»

— « Онъ говоритъ правду, » — хладнокровно отвѣчалъ юноша.

— « Однако же, судя по твоему великолѣпному наряду, ты долженъ быть богатѣйшій человѣкъ. Твое имя? отечество? ремесло твоего родителѣя ?

— « Меня зовутъ Зейдъ, сынъ Амру. Отецъ мой принадлежалъ къ числу именитыхъ гражданъ здѣшняго города. Онъ умеръ, оставивъ мнѣ въ наслѣдство довольно значительное состояніе; но я прожилъ его.

— « О Зейдъ, сынъ Амру! клянусь Всевышнимъ Аллахомъ, и его пророкомъ, и головою Алія, и глазомъ Халифа, и моею бородою и твоимъ животомъ! у тебя должна быть другая повѣсь. Ты мнѣ кажешься, о сынъ арабскій (да содѣлаешь Аллахъ лице твое бѣлымъ)! ты мнѣ кажешься юношею прекрасно воспитаннымъ

и умнымъ. Въ глазахъ твоихъ я вижу гордость, несвойственную низкому преслушнику. Ты напрасно обвиняешь себя въ воровствѣ, не зная конечно, какое наказаніе священный законъ полагаетъ за подобное преслушаніе. Тебѣ слѣдуетъ опустить правую руку по локоть....

— «Только руку?» — возразилъ юноша, горько улыбаясь. «Я думалъ, что за это потерю голову.

— «*Барахахъ Аллахъ* (да благословитъ тебя Богъ)!» воскликнулъ я видъ себя, положивъ въ уша свои палецъ удивленія. «Ты видно, брашъ, наскучилъ жизнью, что нарочно *дѣлаешь лице твое тернымъ* передъ правителемъ (да возвысишь Аллахъ санъ его!)

— «Это ужъ не ваше дѣло,» слычаль онъ спокойно. — «Исполнише надо мною то, что повелѣваетъ

законъ исламскій. *Мы ось Божи и къ Богу возвратимся!* Я готовъ подвергнуть себя суду Всевышняго и Его пророка.

— «*Нѣтъ другаго божества кромѣ Аллаха, и нѣтъ силы, ни крѣпости, кромѣ какъ у Аллаха!*» вскричалъ я, обращаясь къ Халеду. — «*Это дѣло, правитель, удивительнѣе небесной пиццы Онка и непоспѣвшимъ камнямъ Кимля (5): признаюсь, я и самъ долженъ шунтъ положить упованіе мое на Бога. Здѣсь шапшесъ что-то мудреное. Но если юноша сей сознаѣшся въ винѣ и проситъ объ исполненіи надъ нимъ того, что повелѣваетъ законъ исламскій, то....*

— «*То и я сколько же знаю, сколько ты, благословенный!*» сказала губернапоръ, перебивъ рѣчь мою. «*Я полагаю, что ты мнѣ дашь добрый совѣтъ. Отведи же сего молодца*

въ тюрьму, а ты, *Сіхебъ-эш-шор-та* (6), пошли глашатая възвѣстить всему городу, что завтра, въ два часа по возхожденіи солнца, на площади большого базара будутъ исполнять надъ Зейдомъ, сыномъ Амру, судъ Бога и пророка. »

Всѣ удалились изъ залы; я одинъ остался съ Халедомъ, въ лицѣ коего примѣчалъ смущеніе и горесть.

— « Я вижу, о правитель (да озаритъ Богъ могилу отца твоего)! » сказала я Халеду, « чье сердце твое окружено облакомъ печали и на рѣсницы твои упала роса состраданія. Вспомни, что сказано въ книгѣ Безошибочной: *знаніе всего, что тайно и что явно въ природѣ, принадлежитъ единому Богу: единъ Онъ Всемогущъ и Всевѣдущъ, единъ направляетъ, кого хочетъ, на путь истинны. Нѣтъ сомнѣнія, что эіюнь пре-*

красный юнша не воръ, и что у него должна быть *другая повесть*; но когда онъ скрывается се нарочно, то тебѣ какая нужда узнавать ее? Однако жь, я подамъ тебѣ добрый совѣтъ. *Отклоняйте вину сомнѣнiемъ*, сказала Аллахъ въ Алкоранѣ; посему и тебѣ, правитель, должно стараться извлечь изъ сего несчастнаго какое-либо показанiе, наводящее сомнѣнiе на его извѣны: основываясь же на ономъ, ты въ правѣ освободить его отъ казни, коей онъ ищетъ, вѣроятно, съ отчаянiя. Ты слышалъ изъ его устъ, что онъ прожилъ все онцовское наследство. Я не сомнѣваюсь, что долги и недосдапокъ довели его до пошунка, посредствомъ коего рѣшился онъ избавишься отъ тягостной жизни, не имѣя довольно мужества прекратить ее собственною рукою....

— « Ты правъ, Абу-Сандъ! » отвѣчала мнѣ Халеда. « Дружеская беседа, увеселенія, вино, могутъ намъ открыть тайну его сердца. Абу-Сандъ! ты поэтъ и сочинилъ столько прекрасныхъ стиховъ въ похвалу вина, что навѣрное и пѣнь его порядочно

— « *Въ винѣ заключается благо теловѣковъ и наслажденіе*, говорилъ книга Безошибочная, » сказала я съ улыбкою, постигнувъ мысль Халеда.

— « Умно! » воскликнулъ Халеда. — « Впрочемъ, лишь самъ Аллахъ знаетъ, что должно думать о семъ предметѣ. Я пью хорошее вино, а что касается до Алкорана, то возлагаю мое унованіе на Бога. Не правда ли, Абу-Сандъ? »

— « Такъ точно, правитель! Намъ зачѣмъ добиваться истиннаго смысла книги Безошибочной? въ ней же ска-

зано: *Эль-хикмету, фйшнетонъ!* т. е. мудрость человѣковъ есть гордость передъ Богомъ. »

Халедъ захопалъ въ ладони, и черный, безобразный евнухъ, его любимецъ, вынедъ изъ боковой комнаты, явился передъ нами. Халедъ, посмотрѣвъ ему въ глаза, съ значительною улыбкою сказалъ тихимъ голосомъ: «Мурджанъ! послѣ вечерней молитвы, я желаю опуживанъ съ нашимъ пріиселемъ Абу-Сандомъ-Асман и нѣмъ молодымъ прескупникомъ, котораго я недавно велѣлъ опвесити въ тюрьму. Не пускай къ намъ никого изъ постороннихъ. Мы хешимъ сдѣланъ *кейфъ* (7). Понимаешь?»

— «На мой глазъ и мою голову!» — опивчалъ важно спарый Арабъ и ушелъ тихимъ шагомъ, переваливаясь на обѣ стороны, какъ гусь, и

таща за собою по землѣ длинныя
пола красной своей фериэи.

Во второмъ часу по захожденіи
солнца, въ одной изъ внутреннихъ
комнатъ Халедова замка, великолѣп-
но освѣщенной, приготовлены были,
на низкихъ скамейкахъ возлѣ софы,
огромныя жесняныя подносы, устав-
ленные множествомъ мѣлкихъ блю-
дечекъ. На нихъ лежали разныя ош-
мѣннаго вкуса яствы, сладости, ва-
ренья, миндаль и свѣжій виноградъ
различныхъ породъ. Шесть глухонѣ-
мыхъ невольниковъ, подъ предводи-
тельствомъ слугаго Мурджана, сто-
яли рядомъ для прислуги. Халедъ си-
дѣлъ на софѣ передъ однимъ изъ под-
носовъ, а по правую сторону по-
мѣстился я на землѣ, поджавъ подъ
себя ноги. Губернаторъ подавъ знакъ
евнуху, тотъ вышелъ изъ комнаты

и через нѣсколько минути возвра-
тился съ молодымъ узникомъ.

— « Миръ съ тобою, сынъ Амру! »
Халеда привѣтливо сказалъ Зейду.
« Мы давно желали бесѣдовать съ
тобою: мы гостимъ у насъ. » — Зейдъ
низко поклонился губернатору и по-
ложивъ правую свою руку сперва се-
бѣ на грудь, а потомъ поцѣловавъ
ее въ знакъ почтенія, по обычаю
бассорскихъ Аравянъ, промолвилъ
съ покорностію: « Да утвердитъ Ал-
лахъ могущество правосуднаго прави-
теля! »

— « Сядишь, о сынъ Амру, и от-
кушай съ нами нашей пищи. » —

Зейдъ приблизился безмолвно къ
нашему сполнику и сѣлъ на землѣ
противъ меня. Насъ окропили розо-
вой водою и мы принялись за ужинъ.
Каждый изъ насъ отвѣдывалъ по не-
много изъ блюдечекъ, стоявшихъ

передъ нами; а невольники съ удивительною ловкоюсью уносили на головахъ подносы и заставляли оныя другими. Безмолвіе господствовало во все продолженіе ужина. Вдругъ при мальчика, прекрасные лицомъ и великолѣпно разряженные, вошли въ комнату, держа въ рукахъ пучки розъ и серебряныя *ракве* (8), наполненные широкимъ виномъ. Они подали каждому изъ насъ по пучку розъ и наполнили виномъ поставленные передъ нами серебряныя спаканы. Зейдъ посмотрѣлъ сперва на Халеда, потомъ на меня, и послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшимости, послѣдовалъ нашему примѣру и началъ пить вино.

— « Сынъ Ану! ты вѣрно не знаешь, съ кѣмъ судьба дозволяетъ тебѣ бесѣдовать? Это извѣстный Абу-

Сандь-Асман, » сказала Халеда, указывая на меня.

Зейдъ началъ пренебрежительно всматриваться въ меня и потомъ воскликнулъ: — « Ты Абу-Сандь-Асман? *Аллахъ! Аллахъ!* я хотѣлъ нарочно опироваться въ Дамаскъ, чтобы посмотрѣть на тебя, послушать твоего *нашда* (импровизацій) и твоего пѣнія. Предопредѣленіе исполнило мое желаніе накапуть моеѣ казни. *Мы ось Божи, и къ Богу возвратимся!* И также *нашидъ* (импровизаторъ). »

Между тѣмъ вошли въ комнату шесть *раккасъ* (шанцовщицъ), цвѣтъ бассорекскихъ *гавâзи* (9). Лица ихъ были прелесныя полной луны, станъ прямо стѣбля пальмы и гибче вѣтви бана. Опъ блеска красоты ихъ померкли у меня глаза, сирѣчь же очаровательныхъ взоровъ ихъ пронзилъ мое сердце. Они держали въ

рукахъ *тамбуры* и *каманджи* (10), и подойдя къ нашему сподвику, съли, поджавъ подъ себя ноги, рядомъ на полу, между мною и Зейдомъ, напрошивъ Халеда, конорый спалъ бросавъ на нихъ розы изъ своего пучка и шутя съ ними свободно. Имъ подали вина, миндалю и виноградъ.

— « *Пить божества, кромѣ Аллаха, ни пророка, кромѣ Магомета!* » воскликнулъ Зейдъ, надъ конорымъ вино уже начинало производить свое дѣйствіе. « Я увѣренъ, что и ты, Абу-Сандъ, въ *мѣджлестъ* (11) самого повелителя правовѣрныхъ не видалъ прелестнѣйшихъ *гавѣзи*. Мнѣ, въ Бассорѣ, никогда не случалось встрѣтить ничего подобнаго симъ шесши чудеснымъ лунамъ.

— « Ты *нашидъ*? » сказала Халедъ, обращаясь къ Зейду. « Посмотримъ

нвого искусства. Не хочешь ли со-
спязаться съ Абу-Сандохъ?

— « *Тафаддаъ* (изволь)! » — отвѣ-
чалъ Зейдъ торжественно, и взявъ
тамбуру у сидѣвшей возлѣ него *рак-*
касы. И также потребовалъ *тамбуру*
у другой *раккасы*, и импровизиро-
валъ слѣдующія спансы :

Чѣмъ кроешь въ душѣ , исповѣдай ты мнѣ!

Здѣсь все улыбается счастьемъ тебѣ :

И ласки сплхъ *гурій* , и милость Халеда ,

И полная дружбы и пѣсней беседа.

Воганѣ ты оцъ Бога умомъ , красотою ,

И доблестноу сердца , и чувствъ высокоу :

Нѣтъ , нѣтъ ! не возможно бытъ воровъ тебѣ !

Чѣмъ кроешь въ душѣ , исповѣдай ты мнѣ.

Едва окончилъ я сіи спансы, какъ
Зейдъ, несколько не останавлива-
ясь, началъ пѣть стихами такой
отвѣтъ :

« Чеснѣ велинѣ мнѣ воровѣ быть!
 Милость чину Халеда я;
 Но невиннаго сгубишь
 Не проси меня!

Кровь во мнѣ моихъ опцовъ;
 Честно мы привыкли жить.
 Я на казнь мнѣнн готовъ;
 Чеснѣ велинѣ мнѣ воровѣ быть!

Необыкновенная пріятность и чистота голоса, совершенство сложенія и замысловатость его описанія привели всѣхъ насъ въ восторгъ. — « *Аллахъ! Аллахъ!* » воскликнулъ Халедъ; « вы краснорѣчивѣе *Кодамы* и остроумѣе *Локмана* (12). Нынѣ, сынъ Амру! ты напрасно ищешь погубить свою голову; я спасу ее, вопреки твоему упрямству. Я знаю разстройство твоего имѣнія: тебя увлекаетъ неумѣренное опочаиіе. Дарю тебѣ десять тысячъ *диннаріевъ*: поправь свои дѣла, но

признайся, что ты не воръ, и что у тебя есть *другая повесть*.

— «*Да продлитъ Богъ годы твои, о правитель!*» отвечалъ узникъ. «Я не имѣю нужды въ деньгахъ, и хоня прожить наслѣдство моего родителя, но мнѣ оспасаея еще значительное имѣніе послѣ манеры моей. Я довольно богатъ; и когда ты исполнишь надо мною то, что повелѣаешь законъ исламскій, — прошу тебя, правитель, пожаловать ко мнѣ на домъ и убѣдиться, что мною не руководствуешь ни скудость, ни опечаленіе.

— «Кто же ты наковъ?» спросилъ Халедъ съ жаромъ. «Я знаю, что ты не Зейдъ, сынъ Амру; что ты скрываешь отъ насъ настоящее имя. Расскажи намъ свою повесть. . . . Ты молчишь? . . . Говори, *благословенный*; полно, полно упря-

мишься! *Между нами союзъ Бога и пророка!* Нѣтъ! я увѣренъ, что ты откроешь намъ свою тайну. Эй, *сѣхн* (13)! наливайте вино почтенному нашему госпою. *Сперса бестда*, а потомъ *разправа*, говоришь пословица. » —

Важный Халедъ началъ самъ произносить на-разнѣвъ стихи въ похвалу вина и красоны. Милыя *раккасы*, знавшія на-изусень множество прекрасныхъ *газаль* (14), чинали намъ ихъ наперерывъ и восхищали насъ своими остротами; потомъ пуссились онѣ танцовать, подъ звукъ своихъ *тамбуръ* и каснашенновъ. Ловкость и волшебство пѣлодвиженій ихъ земныхъ *гурій*, нѣжность ихъ спрашенныхъ взглядовъ, ихъ умъ, веселость и ласки приводили насъ въ очарованіе. Вино, острья слова, импровизаціи, явились у насъ обильнѣе

воду Евфрата и Илла: дружба и любовь управляли наслажденіями. Я не помню, чтобы когда-либо въ моей жизни провелъ ночь веселье и пріятіе. Между тѣмъ, среди забавъ, Халедъ и я не забывали главного предмета — овладѣть тайною любезнаго нашего преслушника; нѣсколько разъ настоятельно уговаривали мы его открыть намъ тайну, и нѣсколько разъ онъ уже близокъ былъ къ тому, чтобы удовлетворить наше требованіе; но, не взирая на всѣ наши хитросплетенія, убѣжденія, обѣты, и на самое даже дѣйствіе превосходнаго, хотя ненавистнаго небу чарошника, — онъ всегда успѣвалъ опомниться вовремя, и оставался при своей тайнѣ. Наконецъ мы удвоили наши усилія, и Зейдъ въ сильномъ движеніи чувствъ сказалъ намъ: *«Ал лляхъ лляхъ лляхъ»* (нѣтъ Бога кромѣ Ал-

лаха)! *Да будетъ между нами союзъ Бога и пророка!* Оснавыше меня теперь въ покоѣ: завтра, на площади казни, я разскажу вамъ мою повѣсть. » —

Халедъ приказалъ отвѣсти Зейда снова въ тюрьму. Я легъ спать шумъ же на софѣ, подлѣ османиковъ нашего ужина; уснулъ крѣпко и видѣлъ во снѣ, будто я находился въ раю, гдѣ за мои заслуги былъ мнѣ назначенъ жилищемъ великолѣпный садъ, вокругъ котораго возносились семидесятъ пышныхъ дворцовъ, а въ каждомъ дворцѣ было семидесятъ огромныхъ комнатъ, а въ каждой комнатѣ семидесятъ богатыхъ поспелей, а на каждой поспелѣ по одной прекрасной *gürin*, столь милой, столь очаровательной, что если бы одна изъ нихъ явилась ночью въ нашемъ земномъ воздухѣ, то блескъ ея красоны

озарилъ бы всю землю свѣпомъ, равнымъ свѣну семидесяти солнцевъ. Между сими зуріями узнать я нѣкоторыхъ изъ вчерашнихъ нашихъ *ракъсъ*. *Аллахъ! Аллахъ!* нѣтъ крѣпости, ни могущества, кромѣ какъ у *Аллаха!*

Едва стало возходитьъ солнце и правовѣрные принялись за упреющую молитву, какъ у дверей каждаго дома Бассоры послышался спукъ деревяннаго молотка, и кромкій голосъ на улицѣ: « Въ два часа по возхожденіи солнца, на площади большаго базара будущи исполняи надъ Зейдомъ, сыномъ Амру, судъ Бога и пророка. Кто хочеть видѣть казни Зейда, сына Амру? Кто хочеть видѣть судъ Бога и пророка? »

Къ назначенному времени, толпы народа стеклись ошовсюду на площадь, коей одну сторону занимали

исключительно женщины, закутанныя въ широкія снѣга, зеленныя и красныя снѣга, а на лицахъ имѣвшія маленькія волосыныя снѣга чернаго цвѣта, когорыя служили имъ вмѣсто покрывала и придавали видъ довольно снѣжный. Халеда, окруженный своимъ дворомъ и многочисленною стражею, пришелъ также на площадь и снѣга неподалеку отъ снѣга, находившагося посреди оной и у копорого снѣга уже Зейда въ оковахъ; подлѣ него прогуливался огромный *Джелладъ* (палачъ) въ красномъ одѣяніи, играя широкимъ обнаженнымъ мечемъ.

Халеда приказалъ привести къ себѣ преступника. — « Зейда, сынъ Амру! » сказалъ онъ ему: « Всевышній Аллахъ говоритъ въ книгѣ Безошибочной: *отклоняйте вину сомнѣніемъ*. Я усматриваю сомнѣніе въ

шлосей повѣсти, и посему повелѣваю тебѣ объяснить мнѣ, по всей справедливости, настоящій поводъ твоего преслѣденія.

— « У меня нѣтъ другой повѣсти, кромѣ той, которую ты слышала вчера; » отвѣчалъ Зейдъ. « Прикажи, о правншеть, исполнишь надо мною то, что повелѣваешь тебѣ законъ исламскій.

— « Какъ? развѣ ты не далъ мнѣ слова, открытъ на этомъ мѣсѣ свою тайну? » съ гнѣвомъ вскричалъ Халедеъ.

— « Не помню! » отвѣчалъ Зейдъ хладнокровно.

Халедеъ пришелъ въ изнеможеніе. Онъ заревѣлъ, какъ раненый левъ въ глухой пустыни *Тедморской* (15), и бросясь на Зейда, ударилъ его нѣсколько разъ по щекѣ. — « *Джелладъ!* *джелладъ!* » возкликнулъ онъ: « ош-

сѣки этому сыну пса и ослицы правую руку по локоть: да исполнишь надъ нимъ судъ Бога и пророка! и сверхъ того, ошпѣжь ему концы языка, котораго онъ не умѣетъ употреблять на то, чтобы говорить правду передъ закономъ! » —

Палачъ обнажилъ руку преступника и готовился уже нанесеніи на нее орудіе казни, какъ вдругъ сильное волненіе обнаружилось въ толпахъ зрителей. Видъ прекраснаго юноши возбуждалъ общее сочувствіе. Женщины, бывшія на площади, подняли шумъ ужасный вой, что Халеду показалось, будто мятежъ вспыхнулъ въ народѣ. Изъ среды женской толпы опрометью выбѣжала дѣвушка, покрытая джельбабомъ (16), держа въ поднятой на воздухъ рукъ свѣтлою бумагу. — « *Аманъ! аманъ!* » кричала она съ плачемъ и воплями.

« О пророкъ! о Магомень! о Али!
амінъ!... Халедъ, правосудный пра-
 вивель! не губи невиннаго! *кровь*
невиннаго дороже всего міра! »

Халедъ подавъ знакъ палачу при-
 оспановившись, и взявъ свиннокъ изъ
 рукъ дѣвушки, развернулъ оный. Въ
 немъ заключались слѣдующіе чешыре
 списа :

« Проситъ ему невинный сей обманъ!
 Въ любви воронъ, ны знаешь, не бываешь;
 Когда жъ и еси, — правивель также знаешь:
 Не положишь ихъ казни Алкоранъ. »

Прочитавъ сіи списа, Халедъ при-
 казалъ окружающимъ его удалиться
 на нѣкоторое разстояніе и снать
 разспрашивать дѣвушку.

— « Объясни мнѣ швою повѣсть, о
 дочь арабская! » сказалъ онъ ей.

— « Правосудный правивель (да ум-
 ножитъ Аллахъ швою добродѣтели)! »

отвѣчала она, заливаясь слезами.
 « Узнйкъ сей — мой возлюбленный,
 а я подруга его сердца. Свѣдавъ о
 намѣреніи отца моего, выдашь меня
 за-мужъ за снараго, богатаго кади
 Хапема, онъ не смѣлъ открытъ ему
 взаимныя наши чувства. Ни отецъ
 мой, ни братья, лично его не зна-
 ютъ; но онъ приходилъ иногда тай-
 но въ нашъ садъ, онъ котораго я
 вѣрида ему ключъ, и мы бесѣдовали
 другъ съ другомъ о взаимной нашей
 любви, сквозь рѣшешку окна моего
 перема. Минувшею ночью, онъ такъ-
 же пришелъ въ нашъ садъ въ услов-
 ленное время; и, дожидаясь его, я
 къ несчастію уснула. Не видя меня
 у окна, онъ рѣшился бросить въ
 оное камнемъ, чѣмъ бы извѣстить ме-
 ня о своемъ прибытіи. Спукъ камня
 разбудилъ собаку; на ея лай, отецъ
 и братья мои бросились въ садъ, и

несчастный мой любовникъ, чѣмъ
охранить честь мою, припавъ
воромъ; онъ схватилъ нѣсколько бѣлья
и нарочно сналъ рвать апельсинны:
его поймали. Ты видишь, что онъ
великодушно пожертвовалъ своею
честью и головою, лишь бы только
не допустить, чѣмъ лице мое сдѣ-
лалось чернымъ въ глазахъ народа,
а можетъ быть и спасти жизнь мою
онъ гнѣва раздраженного родные-
ля....»

Несчастливая дѣвушка не могла го-
ворить долѣе: слезы и рыданія по-
давали голосъ ей. Самъ Халедъ былъ
пронунъ ей разсказомъ и благород-
нымъ поступкомъ честной и нѣжной
любви юности. — «*Нѣтъ божества,*
кромя Аллаха, ни пророка, кромя
Магомета! нѣтъ крѣпости, ни мо-
гущества, кромя какъ у Аллаха!»
возкликнулъ онъ, вознося руки къ

небу, и немедленно приказалъ снять оковы съ великодушнаго преступника. Пошомъ призвавъ его къ себѣ, нѣжно поцѣловалъ въ чело, между глазами, и сказалъ: «Благородный юноша! Богъ не допустилъ мнѣ совершить надъ тобою несправедливый судъ. Числѣмъ возблагодарить Его за сію милость, я на себя пріемаю обязанность заботиться о моемъ благополучіи, равно какъ и о счастіи будущей моей подруги. Я изходящая-свую у отца ея прощеніе вамъ обоимъ и соглашу его на вашъ союзъ. Между тѣмъ, дарю вамъ на свадьбу нѣ 10,000 динаріевъ, которыя предлагалъ шебъ вчера.» —

Извѣстіе о семъ необыкновенномъ произшествіи разнеслось между зрителями съ быстротою молніи. Восклицанія радости и удивленія раздались со всѣхъ сторонъ, и отецъ дѣ-

ицы шунъ же, передъ ешолбомъ
казни, дать свое соизволеніе на бракъ
побовниковъ.

Молодой человекъ, который на-
звалъ себя въ этомъ случаѣ Зейдомъ,
сыномъ Амру, былъ Сандъ, сынъ
Джаферовъ, прославившійся въ по-
слѣдствіи, какъ поэтъ, риторъ и
грамматикъ, подъ именемъ Абу-Нав-
баса.

Съ АРАБСКАГО — *Сенковскій*.

4

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- 1) Слова, напечатанныя курсивомъ и восклицанія, поставленные въ скобкахъ, суть подлинныя и
обще-принятые выраженія арабскія, сохранен-
ныя здѣсь переводчикомъ для того, чтобы позна-
комить читателей съ настоящимъ тономъ араб-
скаго разговора.

- 2) Привѣтствіе, или ласковое слово Арабовъ.
- 3) Шуточное выраженіе Аравитянъ.
- 4) Обыкновенная поговорка у Аравитянъ, когда хопятъ сказать: *не знаю, или неизвестно.*
- 5) Такъ называется по-арабски философскій камень. Отъ сего слова происходятъ названія: *химія*, и съ членомъ *але*, *алехимія*.
- 6) Начальникъ шѣлохранилелей.
- 7) Техническое слово на Востоцъ, котораго нельзя перевести ни на одинъ европейскій языкъ. Оно означаетъ вообще всѣ роды наслажденій восточныхъ.
- 8) Родъ кружекъ, похожихъ на наши кофейники.
- 9) *Тазіе* или *Тавизи*, сословіе шапочницъ и пѣвицъ въ городахъ арабскихъ.
- 10) Инструменты музыкальные, похожіе на гитары и балалайки.
- 11) Увеселеніе, собраніе у восточныхъ.
- 12) *Локманъ*, Езотъ восточный. — *Кодѣма*, даже поэтическое, которому Аравитяне приписывали необыкновенную силу краснорѣчія.
- 13) Мальчики, которые на восточныхъ пирушкахъ имитируютъ вино и шербеты собесѣдникамъ.
- 14) Такъ называются восточныя Анакреонитки.
- 15) Пальмирской. — *Тедморомъ* Арабы называютъ Пальмиру.
- 16) Родъ женскаго покрывала, доходщаго почти до коленъ.

~~~~~

ПОЭЗИЯ.

П О Э З И Я.

ПРОЩАНИЕ СЪ АДРІАНОПОЛЕМЪ.

Эдырне (*)! прощай! уже болѣе мнѣ

Не зрѣшь Забалканскаго края!

Ни синихъ небесъ въ ихъ ночной шипишѣ,

Ни роскоши древней Сарая!

Ни гнѣни густой полуденныхъ садовъ,

Ни вась, кипарисы, любимцы гробовъ!

Эдырне! на спройныхъ меченяхъ шипишъ

Орсу възвышася двуглавыи;

Онъ вновь улеташеть: но вѣчно на нихъ

Османуши ошблески славы!

И Турокъ, въ мечнахъ, будетъ зрѣшь предъ собой

Тѣнь крышевъ Ора надъ померкшей Луной!

А. Хомиковъ.

Адріанополь,

Октября 7 дня, 1829.

(*) Турецкое имя Адріанополя.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ VII главы

ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА,

I.

Гонимы вѣшними лучами,
 Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
 Сбѣжали мушными ручьями
 На пополенные дуга.
 Улыбкой ясною природа
 Сквозь сонъ встречаетъ утро года;
 Синѣя, блещущъ небеса.
 Еще прозрачные, леса
 Какъ будто духомъ зелѣютъ;
 Пчела за дѣною полевой
 Лепитъ изъ кельи восковой;
 Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
 Спада шумитъ и соловей
 Уже нѣтъ въ безмолвіи вѣчей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое ляненье,
 Весна, весна! пора любви!
 Какое томное волненье
 Въ моей души, въ моей крови!
 Съ какимъ пыжельмъ умиленьемъ
 Я наслаждаюсь дуновеньемъ
 Въ лицо мнѣ вѣющей весны
 На лонѣ сельской шипины!
 Или мнѣ чуждо наслаждение
 И все, что радуешь, живишь,
 Все, что ликуешь и блестяшь,
 Наводишь скуку и томленье
 На душу, мерзвую давно,
 И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возвращу
 Погибшихъ осенью листовъ,
 Мы помнимъ горькую утрату,
 Внимая новый шумъ льсовъ?
 Или съ природой оживленной
 Сближаемъ душою смущенной
 Мы свиданье нашихъ лицъ,
 Которымъ возрожденья нѣтъ?

Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ
 Среди политическаго сна,
 Иная, спарая весна
 И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
 Мелочей о дальней споронъ,
 О чудной ночи, о лунѣ....

IV.

Вопшъ время: добрые лѣнницы,
 Эпикурейцы-мудрецы,
 Вы, равнодушные счастливицы,
 Вы, школы Левшина пиенцы,
 Вы, деревенскіе Пріамы
 И вы, чувствительныя дамы!
 Весна въ деревню васъ зоветъ,
 Пора тепла, цвыповъ, работъ,
 Пора гуляній вдохновенныхъ
 И соблазнительныхъ ночей....
 Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй!
 Въ каретахъ, шажко нагруженныхъ,
 На долгихъ или на почтовыхъ
 Тянитесь изъ заспавъ градскихъ.

А. Пушкинъ.

Э П И Г Р А М М А.

Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ
 На свой аршинъ онъ славу нашу мѣритъ ;
 Но позабылъ, что нѣтъ клейма на немъ,
 Что одному задору свѣтъ не вѣритъ.
 Какъ дружескимъ онъ издоромъ восхищентъ !
 Какъ бышено своимъ доволенъ онъ !
 Онъ хвалился горячею душою ;
 Голубчикъ мой ! Увѣрься наконецъ,
 Что изъ глупцевъ, извѣстныхъ подъ луною,
 Смыслишь всѣхъ намъ пламенный глупецъ.

Баратынскій.

П У Т Ъ Л Ю Б В И.

Узнали спросить два юныхъ существа,
 Душею чистыхъ два дитяти !
 Надъ робостью мнуща шоржества
 Въ одно бывше сливали сердца два,
 Въ зенитомъ пламени объятий . . .

Въ Аркадію земля превращена!

Въ великолѣпнѣй въначальномъ

Является волшебная весна!

То сердца рай, ахъ, то любви страна —

И въ ней свѣтло, какъ въ небѣ дальномъ!

Ихъ двое адѣсь съ единою душой;

Имъ данъ въ удѣлъ сей міръ привѣтный!

Амуровъ соимъ надъ нихъ блеснишь главою

Большимъ вѣнцемъ; и яркою дугой

Есшь мостъ до неба семицвѣтный!

Туда! любовь, какъ паръ, какъ мѣди звонъ,

Стремится къ области небесной;

Къ Творцу любви возносятся спрасси сонъ!

Они горѣ, шудѣ, гдѣ блага шронъ,

Бредунъ по радугѣ чудесной!

О дивный блескъ, о пышные цвѣды!

О звуки, льющіеся ствѣны!

О легкій духъ зѣмной чистоты!

Какъ мило все съ сей горней вышины...

Адѣсь слаще все, нѣжнѣй и пынше!

— Мой другъ, ты мой, на вѣкъ! — « II ты моею
 До гроба будешь! Богъ вселенной!
 Дай крылья намъ: чешною лебедей
 Мы полетимъ надъ бездною морей,
 Въ пространствахъ вѣчности священной!

« Или лунѣ вѣнъ скапнишь къ намъ:
 Въ ея мы сядемъ колесницу...
 Торжественно по синимъ небесамъ,
 По золотымъ созданія звѣздамъ,
 Къ шебѣ помчу души царицу!... »

Сладка ихъ жизнь, какъ Божій мечта!
 Но не предсавшая престолу
 Непыльныхъ благъ, увидѣла чета,
 Уже цѣлуютъ пускайветъ красота:
 Небесный мостъ ведетъ ихъ долу!..

Въ молодыхъ сердцахъ уже нѣтъ спроси мой;
 Не слышно горняго напла!
 Они дошли до области земной —
 И разошлись съ хладяющей душой
 На вѣки юноша и дѣва!

Баронъ Розень.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ФАНТАЗИИ.

Вмѣстѣ съ няней, фантазія тѣпится игрушкой
младенцевъ,

Даже во снѣ ихъ уста сладкой улыбкой живитъ;
Вмѣстѣ съ любовницей, юношу мучитъ, маня не-
престанно

Въ лучшій и лучший міръ, новой и новой красой;
Мужа степеннаго, лавромъ или вѣнкой дубовой
прельщаетъ,

Бѣдному жъ старцу она тщетнымъ ничѣмъ не
блещитъ!

Нѣтъ! на землѣ опустѣвшей кажутся печальную
урну,

Съ прахомъ потерянныхъ благъ, съ надписью:
въ небѣ найдешь.

Баронъ Дельвингъ.

ЭЛЕГИЯ.

« Фитъ и Музы! иѣтъ вамъ жеспокоснью равныхъ
 « Въ сонмѣ боговъ, небесныхъ, земныхъ и подзем-
 ныхъ.

« Всѣ, кромѣ васъ, модельцамъ благи и щедры;
 « Хлѣбъ за труды земледѣльцевъ рождаетъ Димитра,
 « Гроздіе Вакхъ, елей Аѳина-Паллада;
 « Мощи въ битвахъ, она жъ превозноситъ героевъ,
 « Правитъ Тидида копьемъ и стрѣлой Одиссея;
 « Киншеи славной корыснью радуешь ловчихъ,
 « Краситъ ихъ рамо кожею льва и медвѣдя;
 « Спирантику путь указываетъ Эрміи благонворный;
 « Внемлетъ пловцамъ Посидонъ, и смиряющій бурю,
 « Вводитъ уплывъ корабль въ безмятежную пристань;
 « Плакому юношѣ вѣрный помощникъ Киприда:
 « Все побѣждаетъ любовь, и счастливый безсмерт-
 ныхъ,

« Нектаръ онъ пьетъ на устахъ обмрающей дѣвы;
 « Хроиз державши дочь, владычица Ира,

« Брачнымъ даруетъ дѣтей, да покояитъ ихъ спароснь.

« Кто же сочтетъ щедроты твои, о всемилостивый

« Зевсъ-Эгіохъ, подаешь софійногъ премудрыхъ,

« Скорбныхъ и лищихъ онець, ко всемъ милосердый!

« Боги любятъ смиренныхъ: и Андъ незримый

« Скипетромъ крошкѣмъ пасетъ безчисленныхъ
мертвыхъ,

« Къ вѣчному міру опшедшихъ въ луга Асфодели.

« Музы и Фивъ! одни вы безжалостно глухи.

« Горе безумцу, служащему вамъ; обольщенный

« Призракомъ славы, ираиниць онъ счастье земное;

« Холодой шолтъ въ посмѣянье, зависши въ жернову

« Преданъ несчастный, и въ скорбяхъ, какъ жилъ,
умираетъ.

« Повѣстью бѣдствій любимцевъ вашихъ, о Музы,

« Сто гремидихъ уснѣ молва упоминала:

« Камни и роци двигаетъ Орфей пѣснопѣеми,

« Сирогихъ Эреши боговъ подынуть на жалость;

« Люди жъ не сжалились, жены пѣвца разперзашъ,

« Члены размешаны въ полѣ, и хладныя волны

« Въ море мчатъ главу, издающую вопли.

« Злый Аполлонъ! на шо ли самъ лпы Омпру

« На ухо сладостно пѣлъ безсмертныя пѣсни,

« Дѣбы скипалець, слѣнецъ, безъ крова и пищѣ,

« Жилъ онъ незнаемъ, родился и умеръ безвѣстенъ?

« Всеу прѣла шы даръ красоты онъ Киприды,

« Сяро пѣвица! Музы сей даръ отправили:
 « Юноша гордый пѣвицы безсмертной не любитъ,
 « Съ дѣвой простой онъ дѣлится ложе Гимена;
 « Твой же брачный одръ пучина Левада.
 « Брашный Эхилъ! напрасно на камнѣ чужбины
 « Минишь упокоишь главу, обнаженную Хрономъ:
 « Съ смертию въ когняхъ орель надъ нею кружиши.
 « Спарецъ Софокль! умирай, пль несчастный Эдипа
 « Въ судъ повлечешься дѣньми, прославленъ безум-
 нымъ.

« Постъ великихъ примѣровъ, себя ли напомию?
 « Кромѣ чести, всѣмъ и жернивать Музамъ;
 « Чшо жъ мнѣ наградою? зависнь, худа и забвенье.
 « Тицено въ утѣху друзья твердишь о попомощи;
 « Люди шѣ же всегда; срываютъ охотно
 « Лавръ съ недоспѣлой главы, но рѣдко выкаютъ
 « Терномъ заросшую мужа благого могилу.
 « Музы! просиши на шкъ; соха Трипполема
 « Впередъ да замѣнитъ мнѣ вашу измѣнницу лиру.
 « Здѣсь въ пустынь нѣтъ безумцевъ-поэтовъ;
 « Здѣсь безвредно вѣщать ей можно на дубѣ,
 « Чадамъ Эола служба и вѣбѣри ихъ пѣсни.»

Сѣшуща, такъ вѣщала Евдоръ благородный,
 Сынъ Полимаха вождя и лѣной Дориды,
 Дичери Порфирия, славнаго честностью спарца.
 Предки Евдора издрѣвле въ дальнемъ Эпирѣ
 Жили, между Додонскаго вѣщаго лѣса,

Града Вуерота, и мершвыхъ водъ Ахерузы;
 Двое, браниа родные, подъ Трою ходили:
 Старшій умеръ отъ язвы въ брани суровой,
 Съ Неоптолемомъ младшій домой возвратился;
 Дѣти и внуки ихъ всѣ были рабные люди.
 Власъ когда утвердился владыкъ Македонскихъ,
 Вождь Полимахъ царю-полководцу Филиппу,
 Самъ же Евдоръ служилъ царю Александру;
 Съ нимъ отъ Пеллы прошелъ до Индѣйскаго моря,
 Бился въ многихъ бояхъ, но духомъ незлобивый,
 Лирой въ груди заглушалъ военные крики;
 Пылъ онъ отъ сердца, и часто ченомными слезы
 Тихо лился изъ очей поварящей рабныхъ,
 Молча сидящихъ вокругъ и внимающихъ пѣсни.
 Самъ Александръ въ Дамаскѣ, на пирѣ вечернемъ
 Слушалъ его, и почпилъ нелестной хвалою;
 Вѣрно бы Царь наградилъ его даромъ богатымъ,
 Если бъ Евдоръ попросилъ; но просьбъ онъ чуждался.
 Послѣ жъ, какъ славою дѣлъ ослѣпясь, побѣдншель,
 Кыпша убивъ, за правду казнивъ Камиссена;
 Сердцемъ враждуя на вѣрныхъ своихъ Македонцѣхъ,
 Юныхъ лишь Персовъ любилъ, питомцевъ послушныхъ,
 Первыхъ сподвижниковъ прочь отдалъ безполез-
 ныхъ,
 Бѣдный Евдоръ укрылся въ наслѣдіе предковъ.
 Мечъ стой и щипъ повѣсивъ на гвоздь для покоя,
 Къ сельскимъ шрудамъ непривыкшій, лирой любезной

Мнилъ онъ наполнить всю жизнь и добыть себѣ
славу.

Льстясь надеждой, предсталъ онъ на играхъ Элады:
демонъ враждебный привелъ его! правда: съ вни-
маньемъ

Слушать народъ, въ полголоса хвалыныя рѣчи
Тушь раздавались и шептъ, и дважды и трижды
Пескъ внезапный гремѣлъ; но судьи познать
Важно кивкомъ главою, пожимая плечами,
Сердца досаду скрывая улыбкой насмѣшной.
Жесткимъ и грубымъ казались имъ пѣнье Евдора.
Новыхъ поэтовъ поклонники судятъ имъ были,
Коними славиться началъ градъ Писолема.

Юноши имъ предпечей великихъ не чинили;
Нагъ быть въ глазахъ ихъ Омиръ, Эсхилъ не ис-
кусенъ,

Слабъ дарованьемъ Софоклъ и разумомъ Пиндаръ;
Другъ же друга хваля, и до звѣздъ величал,
Юноши (семь ихъ числомъ) назывались Пелдой.
Въ нихъ уважалъ Евдоръ одного Θεокрипа.
Судьи съ обидой ему въ мнѣнѣ онказали;
Онъ, не желая враговъ печалью пѣшнись,
Скрылся отъ нихъ; но въ дальнемъ, дикомъ Эпирѣ,
Сидя у берега рѣки, одинъ и прискорбенъ,
Жалобы вслухъ возсылалъ на Музъ и на Фива.

Ночь разсвѣтила межъ тѣмъ свѣщенные мраки,
Лучъ вечерней зари на западъ меркнулъ,

Въ небѣ безоблачномъ рѣдкія искрились звѣзды,
 Въспрь благовонный дышалъ изъ кушновъ, и порою
 Скрытые въ гущѣ пѣвшей соловьи окликались,
 Боги ушными жалобный голосъ Евдора,
 Эрмій надъ нимъ повесть жезломъ благопвѣрнымъ,
 Сномъ ошлячилась глава и склонилась на рамо.
 Дщерь Мнемозины, богиня тогда Калліона
 Легкимъ пошемонъ спеслась онъ высокаго Пинда;
 Образъ пріемлетъ она молодой Эгемены,
 Дѣвы прелестной, Евдоромъ спрасивно любимой
 Въ юные годы. Съ нею онъ сладоснѣ Гимена
 Думалъ вкушнѣ; но смерни гений суровый
 Дхнулъ на нее, и рано дѣва угасла:
 Скромной подобно лампадѣ, на ночь зажженной
 Въ хижинѣ честной жены, преснарѣмой вдовицы;
 Съ помощью дщерей, она при свѣщѣ лампы
 Шелкомъ и атакномъ спѣшивнѣ дошивалъ покрывало,
 Рѣдкій уборъ, заказанный царской супругой,
 Коего плаша зимой ихъ прокормилъ семейство:
 Долго ирудилъ онъ; когда жъ предъ разсвѣтомъ
 Трѣпнѣ пѣшетъ вспоенѣ, хозяйка онасно
 Тушилъ огонь, и дщери ко сну съ ней ложились.
 Радоснѣ семейства, юношей свѣплъ и желанье,
 Такъ Эгемена, улы пачеза для друга,
 Въ сердцахъ оставилъ его незабвенную память.
 Часно сражений въ пылу объ ней онъ неожиданно
 Вдругъ вспоминалъ, и сердце въ немъ былося смѣло;

Часно, ставя на лпрѣ боговъ и просвъ,
 Пыла ея изъ усидѣ измѣнено невольнѣ;
 Часно и въ снахъ онъ видѣть любимую дѣву.
 Въ точный образъ ея божиня облекшись,
 Спаса предъ снахъ: въ алой, какъ маки, одеждѣ,
 Розы румянцемъ свѣжѣмъ румянецъ ланины;
 Свѣтлыя кудри висѣли по плечамъ обнаженнымъ,
 Бѣлымъ, какъ снѣгъ; и небу подобныя очи
 Воведитъ къ нему, шакъ молеща голосомъ сладкимъ:

« Милый, не снуй напрасно; жалобой сиротой
 « Долженъ ли ты винить боговъ благодѣльныхъ;
 « Фива и чистыхъ сестеръ Шеридъ темноглазыхъ?
 « Ихъ ли вина, что терпишь ты мисли скорби?
 « Власный Хронидъ по волѣ своей невинный
 « Блго и зло изъ уртъ роговыхъ измѣняетъ.
 « Вина ли роишь ты на скудость снахъ;
 « Лавръ Гемикона, ты знавъ, бесплодное древо;
 « Въ токѣ Пермесскомъ не льется злато Накнола.
 « Злата искашь ты могъ бы, какъ щунтъ другіе,
 « Сѣпо скупа спрашивать богачихъ и сѣпыхъ...
 « Влжу, ты движешь устна, и глѣзь благородный
 « Вспыхнулъ огнемъ на чѣль... о другъ, успокойся
 « Я не къ порочнымъ дѣламъ убѣждано Ендора;
 « Я лишь желаю спросить: онколь возникнулъ
 « Въ сердцѣ твоємъ сей жаръ къ добродѣтели сиротой:
 « Ненавидишь къ злу, и къ низкой лести презрѣне?
 « Кинь освѣщающъ твою душу? — чистыя Музы.

« Съ дѣлства божесивенныхъ печаль пинался ме-
домъ,

- « Лепешомъ опрока впора высокія пѣсни,
« Очи и слухъ вперить къ холмамъ Аонійскимъ,
« Горнихъ благъ нищ, ны дольнѣ презрѣть:
« Такъ, если ищешь утѣхенъ, въ озеръ свѣпломъ
« Сягутъ на дно песокъ и осырны камни,
« Въ зеркалѣ водъ играетъ новое солнце,
« Сираникъ любуется имъ, и зноетъ помимый,
« Въ чистыхъ струяхъ утоленъ палищую жажду.
« Кто укрѣпляетъ себя въ бѣдѣныхъ, въ ударахъ
судбины,
« Въ горькой пзмѣнѣ друзей, въ утратѣ любезныхъ?
« Кто врачевать ищетъ раны? — дѣвы Париса.
« Кто въ далекихъ сиранихъ, во брани пламенной,
« Душу мерившей видомъ кровей и пожаровъ,
« Ярый чудится крошитъ, и къ спону сирадеицевъ
« Служь умиляетъ? — онъ жь, Аониды благіи:
« Пешой подобно кормилицѣ, ласковой пѣсню
« Сонъ наводящей и миръ больному младенцу,
« Кто же и нынѣ, о другъ, въ земѣ полудикой,
« Мглою покрытой, съ областью Анда смѣжной,
« Чарой мечны являютъ очамъ вознищеннымъ
« Роскошь Темпейскихъ луговъ и величье Олимпа?
« Всѣмъ обязанъ ты имъ и счастливей лишь ими.
« Судьи лишили вѣнца! утѣшися, любезный:
« Мидъ судія осудилъ самого Аномона.

« Иль безъ вѣщать ихъ нѣтъ награды поэту ?
 « Ахъ! въ таинственный часъ, какъ теней незримый
 « Движеніе въ немъ и двоитъ сердца бѣнья,
 « Окомъ объема вселенной красу и простиралося,
 « Ухомъ въ себѣ внимае волшебное пѣніе,
 « Жизнью полнѣ, подобной жизни безъ мерныхъ,
 « Счастлива пѣвецъ, счастливейшій всѣхъ челове-
 ковъ.

« Если Хронъ, отъ вассовъ облажающій шлемъ,
 « Въ сердцѣ еще не убилъ священныхъ воспоговъ,
 « Ной, Евдоръ, и хвалитъ щедрошами Фива.
 « Нан... спросишь: безопасны ли Музы не любящъ.
 « Горе пѣвцу, онъ кого опиралися богини!
 « Тщесно, разкась, захочешь призванъ ихъ об-
 ратно;

« Къ неблагодарнымъ глухи небесная дѣвы. »

Смокла богини, и бѣлымъ завѣсая покровомъ,
 Скрылась онъ глазъ. Евдоръ, вознревоженъ ви-
 дѣнъ,

Руки къ нему простиралъ, и съ успіемъ тяжкимъ
 Сонъ разогнавъ, вскочилъ и кругомъ озиралъ.
 Робкую шумомъ спугнулъ онъ съ гнізда голубицу;
 Порхнула вдругъ, и сквозь частныя вѣтви спаслась,
 Краемъ коснулась крыла висающа злы;,
 Звонъ по струнамъ пробѣжалъ, и эхо дубравы
 Серебряный звукъ стеланьемъ во шлѣмъ пошорило.
 « Боги! » Евдоръ возкликнулъ, « сонъ ли я видѣлъ ?

* *

« Тщепный ли призракъ , почтное созданье Морфея ,

« Или сама жилая мнѣ здесь Эгеона ?

« Образъ я видѣть ей и гласъ ея слышалъ ;

« Лица узнала се и заныла ; но шны

« Могутъ ли всплыть приходиль оны полей Перзе-
фоны ?

« Развѣ одна изъ богинь , несчастнымъ утѣшныхъ ,

« Въ мѣлый мнѣ ликъ облекаетъ , Харпилать подоб-
ный ?

« Разумъ колеблется мой , и рѣшить я не смѣю ;

« Волю жъ ей я долженъ исполнить свистую . »

Такъ оны сказать , и лиру оповѣстъ оны дуба ,
Пусть направитъ въ свой домъ , молчанье и задум-
чить .

Катекниъ.

Э Р М И Н И Я.

(Сельская элегия.)

И счастье знала, тебя, Эрминия, не знала!
 Ахъ, дней моихъ заря безоблачно шлоща! —

Явилась ты, звезда родного края,
 И огонь любви въ груди моей зажегъ.
 Зачѣмъ, зачѣмъ ты мнѣ явилась?
 Зачѣмъ разрушила души моей покой?
 Зачѣмъ такъ быстро удалась
 И сердце юноши унесла за собой?

Тоскою безъ тебя — мнѣ дуть родимый нѣсень —
 Мнѣ опознать рожка веселый звукъ;
 Я болю но пою на нивѣ звонкихъ нѣсень,
 И выпалъ свѣтлый серпъ изъ ослабѣвшихъ рукъ.
 Прохлады не ищу въ густой дубравной сѣни,
 И дни мои текутъ подъ бременемъ шоски,
 Какъ шрепечинный ручей безъ животворной тѣни,
 Успалою струей кандаційся въ песокъ.

Брожу одинъ, уныніемъ обтянутый;
 Нищу савдоевъ швоихъ среди златыхъ полей;
 Найдю ли василекъ, снопоу швоей измачный —
 И слезы крупныя похлюнутся изъ очей.
 Въ вечерній, тихій часъ сижу на мысшомъ валѣ;
 На мигъ забудуся, и улечусь мечной, —

Твой образъ въ блѣомъ покрывалъ
 Съ улыбною любови зромчшися надо мной.

Ахъ, счастливы я, когда и въ сновидѣніи
 Увижу ангеа печальныхъ дней моихъ —
 Когда со мною ты, когда одно мгновенье

Тлю сладкое дыханье уснѣ швоихъ.

Оставь, Эрминія, высокія хоромы,

Сойди, сойди въ смиренный мой приютъ:

Здѣсь вьенся плочеъ по кроватъ изъ соломы,

И розы дикія и жимолость цвѣтунтъ;

И липа разрослась и запахъ разливаетъ, —

Ужъ пашую весну поентъ въ ней соловей;

Черемуха въ цвѣтахъ, и сладко усыпляетъ

Журчащій подъ окномъ серебряный ручей.

Но все не для меня! Я жертва страсти бурной!

Явился ты, души моеи кумиръ:

И для меня заблещетъ сводъ лазурный,

И для меня воскреснетъ райскій миръ.

П. Ободовскій.

НЕ НАША СТОРОНА.

Какая мнѣ дѣлалась спорона!
 Какъ въ ней торжественна священная шина,
 Какъ въ ней царскаго чертога.
 Межъ скалиныхъ горъ послышался дорога
 И зелень яркая гусна на швахъ горахъ,
 И свѣжестъ чудная оиъ зелени шой вѣсть:
 Оиъ ней душа играетъ и свѣдѣетъ....
 Но что, въ шинахъ, по скаламъ горъ блещетъ?
 То Ангелы!... Они живутъ въ своихъ садахъ;
 А человекъ идетъ широкой по дорогѣ.
 Святые! бросьте мнѣ цѣпокъ
 Или завѣтную примѣну,
 Чинюъ я, безъ воля, одинокъ,
 Не потерпѣть пунни къ возвышенному святу!
 Но вопль гармоніи незримая свѣтина:
 Земной зовещя небесами.
 Казимъ дивнымъ, святымъ голосами
 Наполнилась сія священная спорона!

Онъ , какъ шелковое mreжe ,
 Всѣ чувства довести въ сладкій плѣнь.
 О , лейся , лейся въ душу свѣжеснѣ
 Онъ тихъ лѣтнихъ , зеленыхъ стѣнъ !

Среди стущеннаго , нищавеннаго сѣна ,
 Среди дивной зелени и чудной бѣлизны ,
 Умолъ , душой , я тѣло блаженство сей спраны ,
 Какъ сладкіе спитхи высокаго поля.

Но гдѣ жъ она , сія спрана ?

Напрасно проснирано руки :

Неудовима , какъ сонъ , какъ звукъ ,
 Какъ сны , какъ сладоснѣ спрутъ , существа она !

Ө. Глинка.

ПОЭТЪ.

(Сонетъ .)

Не въ тѣсной юдоли земныхъ своихъ браній
 Ибещъ вдохновенный душою гостиницъ :
 Вздвѣянный небомъ , онъ къ небу паритъ
 И алчешъ высокихъ духовныхъ заплнй.

На долѣ раздорномъ стихійныхъ зачатій,
 Гдѣ громы рокочутъ, гдѣ бездна кипитъ,
 Пилецъ зачатъ въ буряхъ и молнией пошатъ
 На вольномъ просторѣ небесныхъ объятій.

И неба глаголы, бѣжа по спировамъ,
 Звучашъ про земное ея назначенье;
 Но только назначенье святое мгновенно —
 Ошважно доврѣсь могучимъ крикамъ,
 Въ перупахъ умирнѣи поэты къ небесамъ
 И съ ангельскимъ ликомъ сольются свое пѣнье.

М. Деларю.

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ.

(Руская идиллія.)

С О Л Д А Т Ъ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
 Какъ звѣздочка, машу я меня часть цѣлый

Огонь вашъ , брашцы ! Кашницу себѣ
Для ужина варите ? Хлѣбъ да соль !

П а с т у х и .

Спасибо , служба ! Хлѣба кушать .

С о л д а т ь .

Быть такъ ,

Благодарю васъ . Я усналъ порядкомъ !
Ну , косыми мои , намъ роздыхъ ! Рядомъ
Я на праву васъ положу и подѣ
Присяду самъ . Да , верситъ вятнадцатъ
Ушелъ я въ вечеръ .

й . П а с т у х ь .

А идешь ошкуда ?

С о л д а т ь .

А изъ Линвы , изъ Виленской больницы .
Вонъ какъ изъ машушки-России ладно
Мы выгнали госней незваныхъ — я
На первой заграничной переспѣлкѣ ,
Бѣда такая , безъ ноги остался !
Товарищи меня снащими въ Екльну ;

Съ годъ лекаря и тѣмъ и сѣмъ лечили
И вонъ какимъ злодыи онпущенли.
Теперь, на косныхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сесипрѣ.

2й П А С Т У Х Ъ.

На, руку, обопришь! Да не сюда,
А на шудунъ разкинуый ложись!

С О Л Д А Т Ъ.

Спасибо, другъ, Господь тебѣ запамятитъ! —
Ахъ, брашцы! Чино за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ знонѣ вечеръ, словно чудомъ
Помолодѣлъ я, въ волю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухъ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ спуденой! Въ царсинахъ многихъ былъ я!
Попробовать вездѣ весны и мѣны!
Въ иныхъ краяхъ земли благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ рука генерала —
И дорого и чудно, да не мило,
Не шакъ, какъ шунтъ! Здѣсь цѣлымъ шѣломъ ды-
шешь,
Здѣсь всѣ сусипавники въ себя впиваютъ
Простой, по сладкій, шенный воздухъ; словомъ,
Здѣсь нѣжнись, какъ въ банѣ старыхъ баръ!

И спать не хочется! Игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

3й П а с т у х ъ.

И мы бѣ, землякѣ, играли не опоздались!
Да лѣтъ нѣтъ! Село далеко! Снада жѣ
Покинушь безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь!
Какъ бышь! Но вошь и канцѣр посѣла!
Черекрестися, примемся за ужинъ.
А посабъ, есая къ сну тебѣ не клонитъ,
То расскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!
И чай, ведабъ быкала ты, все видать!
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшнихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбѣить
Крючекъ или гвоздь и свой кафшангъ повѣсить.

С о л д а т ъ.

Вздора мелень, малый! Уши выпустъ! Полно!
Снаружи врупъ намъ, грѣясь на печи,
А вы нѣтъ върните! Какіе черпи
Крещеному солдату захопять
Представились? Да тыпъ жѣ человекъ

Аукавый бѣса! Нѣтъ, другое чудо
 И видѣть, и не въ ночь до пѣтуховъ,
 Но днемъ оно предъ нами совершилось!
 Вы слышали ль, какъ заснулъся Богъ
 За православную Державу нашу,
 Какъ сжалъся Онъ надъ Москвой горящей,
 Надъ бѣдною землею, не поспѣвшею,
 А вразыми ванагами покрывной —
 И раннюю зиму послать намъ въ помощь,
 Зиму съ морозами, какіе только
 Въ Николинъ день, да около Крещенья
 Трепантъ и за щеки и уши щиплютъ?
 Свѣжо намъ сыло, а Французамъ нуго!
 И жаско и смѣшно ихъ даже вспоминишь!
 Окущались онѣ снуламъ, чѣмъ могли,
 Кию шинной душегрѣйкой, кию лахмолѣмъ,
 Кию ризою поповской, кию рогожей,
 Убравъсь всѣ, какъ свинопольныя хари,
 И ну бѣданы скорѣе изъ Москвы!
 Не далеко ушли же. На дорогѣ
 Морозъ схватилъ ихъ и заславилъ ждашь
 Дня суднаго на мѣснѣ преступленья:
 У Божьей церкви, ими оскверненной,
 Въ разграбленномъ анбарѣ, у села
 Сожженного ихъ буйствомъ! — Мы, бывало,
 Окончивъ трудный переходъ, спалимъ,
 Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,

А около лежатъ, какъ это сюда,
 Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
 Когда бъ не лица ихъ и не мычанье,
 Подумать бы, живые на бивакъ
 Комедию ломаютъ. Тошъ ушкнулся
 Въ коспери гораций головой, шонъ лошадь
 Вынимать, какъ шубу, на себя, другой
 Ея копыто тащептъ; шъ жъ, какъ братцы
 Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
 Возцалъ, какъ враги!

П а с т у х и.

Ухъ! страшно, страшно!

С о л д а т ь.

А между шѣтъ, курьерскій колокольчикъ,
 Вошъ какъ шенерь, п тамъ гремннть, и шамъ
 Прозвикнеть на морозъ; отворстоду
 Везунъ павѣспнъ о побѣдахъ въ Пншерь
 И въ обгорѣлую Москву.

й П а с т у х ь.

Э, братцы,
 Смотрите, вотъ и къ намъ шележка скачетъ,
 И офицеръ про что-но лѣщнку

Э Р М И Н И Я.

(Сельская элегія.)

И счастье зная, тебя, Эрминія, не зналъ!

Ахъ, дней моихъ заря безоблачно взошла! —

Явилась ты, звезда родного края,

И огонь любви въ груди моей зажегъ.

Зачѣмъ, зачѣмъ ты мнѣ явилась?

Зачѣмъ разрушила души моей покой?

Зачѣмъ такъ быстро удалась

И сердце юности утаила за собой?

Тоскую безъ тебя — мнѣ лугъ родимый нѣсенъ —

Мнѣ опостылъ рожка веселый звукъ;

Я боль не знаю на нивѣ звонкихъ нѣсенъ,

И выпалъ свѣтлый серпъ изъ ослабѣвшихъ рукъ.

Прохлады не ищу въ густой дубравной сѣни,

И дни мои текутъ подъ бременемъ тоски,

Какъ шрепелный ручей безъ живописной тѣни,

Усталую струей кашающейся въ песокъ.

Брожу одинъ, уныніемъ обтянутый;
 Нищу слѣдовъ своихъ среди зеленыхъ полей;
 Найдю ли василекъ, сполой нивой измятый —
 И слезы крупныя польются изъ очей.
 Въ вечерній, тихій часъ сижу на мшистомъ валѣ;
 На мигъ забудуся, и увлекусь мечной, —

Твой образъ въ бѣломъ покрывалѣ
 Съ улыбкою любви промчипся надо мной.

Ахъ, счастливецъ я, когда и въ сновидѣніи
 Увижу ангела печальныхъ дней моихъ —

Когда со мною ты, когда одно мгновеніе

Пью сладкое дыханье уснѣ нивныхъ,

Оставь, Эрминія, высокія хоромы,

Сойди, сойди въ смиренный мой приютъ:

Здѣсь вьсеяся плещь по кроватъ изъ соломы,

И розы дикія и жимолость цвѣтунтъ;

И липа разрослась и запахъ разливается, —

Ужь пашую весну поестъ въ ней соловей;

Черемуха въ цвѣтахъ, и сладко усыпляетъ

Журчащій подъ окномъ серебряный ручей.

Но все не для меня! Я жертва спрасни бурной!

Явился ты, души моей кумиръ:

И для меня заблещетъ сводъ лазурный,

И для меня воскреснетъ райскій міръ.

П. Ободовскій.

НЕ НАША СТОРОНА.

Какая мнѣ дѣлалась сторона!

Какъ въ ней торжественна святая нѣшина,

Какъ въ тайнѣ царскаго чертога.

Межъ скалиныхъ горъ посилалась дорога

И зелень яркая гусина на шѣхъ горахъ,

И свѣжеснѣ чудная онъ зелени шой вѣсть:

Онъ ней душа играетъ и свѣдѣетъ....

Но чинъ, въ нѣшнѣ, по скаламъ горъ блещетъ?

То Ангелы!... Они живутъ въ своихъ садахъ;

А человекъ идетъ широкой по дорогѣ.

Святые! бросьте мнѣ цвѣткъ

Или завѣтную примѣну,

Чтобъ я, безъ вѣдѣя, одинокъ,

Не потерялъ пути къ возвышенному свѣту!

Но вопль гармоніи незримой слышна:

Земный зовется небесами.

Качаютъ дивными, святыми голосами

Наполнилась сія святая сторона!

Онъ , какъ шелковое мреже ,
 Всѣ чувства ловить въ сладкій плѣнь.
 О , лейся , лейся въ душу свѣжестъ
 Онъ тихъ лѣтнихъ , зеленыхъ смѣлъ !

Среди стуженнаго , зимнаго сѣла ,
 Среди дѣтской зелени и чудной близины ,
 Умолъ , душой , я нѣю блаженство сей страны ,
 Какъ сладкіе спитки высокаго полна .

Но гдѣ жь она , сія страна ?

Напрасно просириано руки :

Неудовима , какъ сонъ , какъ звукъ ,
 Какъ сынъ , какъ сладость струнъ , существа она !

О. Глинка.

ПОЭТЪ.

(Сонетъ .)

Не въ тѣсной юдоли земныхъ своихъ браней
 Пылець цдохгровенный душою гостиниць :
 Взмелѣянный небомъ , онъ къ небу паритъ
 И алетъ высокыхъ духовныхъ занятій .

На лонѣ раздорномъ стихійныхъ зачатій,
 Гдѣ громы рокочутъ, гдѣ бездна кипитъ,
 Пѣвецъ зачатъ въ бурихъ и молнией повитъ
 На зыбномъ просторѣ небесныхъ объятій.

И неба глаголы, бѣжа по спиральмъ,
 Звучашъ про земное его назначенье;
 Но только надвигаетъ святое мгновеніе —
 Опытно дохвратъ могучимъ крылатъ,
 Въ перунахъ утѣхъ познѣ къ небесамъ
 И съ ангельскимъ ликомъ сольетъ свое пѣнье.

М. Деларю.

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ.

(Русскія нѣмцы.)

С О Л Д А Т Ъ.

Нѣтъ, не звезда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
 Какъ звездочка, маняла меня чашъ цѣлый

Огонь вашъ , брашцы ! Кашину себѣ
Для ужина варише ? Хлѣбъ да соль !

П а с т у х и .

Спасибо , служба ! Хлѣба кушать .

С о л д а т ь .

Быль такъ ,

Благодарю васъ . Я уснаю порядкомъ !
Ну , косылки мои , вамъ роздыхъ ! Рядомъ
Я на праву васъ положу и подѣл
Присяду самъ . Да , верситъ вышадцѣмъ
Ушелъ я въ вечеръ .

1й. П а с т у х ь .

А идешь оякуда ?

С о л д а т ь .

А изъ Лишвы , изъ Виленской больницы .
Вонъ какъ изъ маиунки-Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ — я
На первой заграничной перестрѣлкѣ ,
Бѣда такая , безъ ноги осналъ !
Товарищи моя снащили въ Емьну ;

Съ годъ лекаря и шѣмъ и сѣмъ лечили
И вонъ какимъ злодѣи онпустили.
Теперь, на косылахъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

2й П а с т у х ѣ.

На, руку, обопри! Да не сюда,
А на шупъ разкинуый ложися!

С о л д а т ѣ.

Спасибо, другъ, Господь шебѣ заглавннхъ! —
Ахъ, брашны! Чино за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ знонѣ вечеръ, словно чудомъ
Помолодѣть я, въ волю надышавшнхъ
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухъ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царснхъ многихъ былъ я!
Попробовать вездѣ весны и льна!
Въ иныхъ краяхъ земли благоухаетъ,
Какъ въ свѣшлый праздникъ ручка генералнхъ —
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ шупъ! Здѣсь цѣлымъ шѣломъ ды-
шешъ,

Здѣсь всѣ суславники въ себя вппваютъ
Простой, но сладкій, шенный воздухъ; словомъ,
Здѣсь нѣжннхъ, какъ въ банѣ старыхъ баръ!

И спать не хочется! Игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

3й П а с т у х ъ.

И мы бѣ, землякѣ, играли не опикались!
Да лихъ нельзя! Село далеко! Снадо жь
Покинушь безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь!
Какъ бышь! Но вонъ и каннира постѣла!
Пережестися, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебѣ не клонитъ,
То расскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!
И чай, ведь бываеи ны, все видаеи!
И домовыхъ, и водяныхъ, и дѣвицъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошедеи съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбѣеи
Крючекъ къ гвоздѣ и свой кафшанъ повѣсѣи.

С о л д а т ѣ.

Вздоръ мелень, малый! Унии вступѣи! Полно!
Снаружи врупъ намъ, грѣеи на печи,
А вы имъ вѣршии! Какіе черни
Бреценому солдату захопѣи
Предсавѣи? Да пынѣ жь человекъ

Аукать бѣса! Нѣтъ, другое чудо
 И видѣть, и не въ ночь до пѣтуховъ,
 Но днемъ оно предъ нами совершилось!
 Вы слышали ль, какъ заснула Богъ
 За православную Державу нашу,
 Какъ ожалися Онъ надъ Москвой горящей,
 Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
 А вражьи мишагами покрытой —
 И раннюю зиму послать намъ въ помощь,
 Зиму съ морозами, какіе только
 Въ Николинъ день, да около Крещенья
 Тренчантъ и за щетки и уша щиплюнть?
 Свѣжо намъ стало, а Французамъ туго!
 И жалею и смѣшно ихъ даже вспомяну!
 Окуцались онѣ спужа, чѣмъ могли,
 Кию шинной душегрѣйкой, кию захмольемъ,
 Кию ризою поповской, кию рогожей,
 Убрались всѣ, какъ свѣточныи жары,
 И ну бѣжали скорѣе изъ Москвы!
 Не далеко ушли же. На дорогѣ
 Морозъ схватилъ ихъ и заснаивать ждашь
 Дня суднаго на мѣстѣ преступленья:
 У Божьей церкви, ими оскверненной,
 Въ разграбленномъ анбарѣ, у села
 Сожженного ихъ буйствомъ! — Мы, бывало,
 Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
 Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,

А около лежатъ, какъ это слышно,
 Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
 Когда бы не лица ихъ и не молчанье,
 Подумать бы, живые на бивачъ
 Комедию ломляютъ. Топотъ ушкнудся
 Въ косынь горлицей головой, топотъ лошадей
 Изымать, какъ шубу, на себя, другой
 Ея коньши тащенья; шибъ же, какъ братья
 Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
 Вонзая, какъ враги!

П а с т у х и.

Ухъ! страшно, страшно!

С о л д а т ь.

А между шѣмъ, курьерскій колокольникъ,
 Бошетъ какъ шеперь, и шаетъ гремитъ, и шаетъ
 Прозвукнеть на морозъ; опороюду
 Везутьъ извѣстныя о побѣдахъ въ Пинера
 И въ обгорѣлую Москву.

1й П а с т у х ь.

Э, братцы,
 Смотрите, вотъ и къ намъ шележка скачетъ,
 И офицеръ про что-то лещику

Кричитъ, ямщикъ ужъ держитъ лошадей ;
Не спросишь ли о чемъ насъ ?

С О Л Д А Т Ъ.

Помоги

Мнѣ встать: солдату выпянувшись надо . . .

О Ф И Ц Е Р Ъ (подъѣхавъ).

Огня, ребята, закуришь мнѣ трубку !

С О Л Д А Т Ъ.

Въ минуточку, Ваше Благородье !

О Ф И Ц Е Р Ъ.

Ба !

Товарищъ, ты какъ здѣсь ?

С О Л Д А Т Ъ.

Къ жень и сестрамъ

Домой шацуся, Ваше Благородье !

За рану въ широкую уволень !

О Ф И Ц Е Р Ъ.

Съ Богомъ !

Снеси жъ къ своимъ хорошее извѣстье :

Мы кончили войну въ сношѣхъ правдѣй ,

Въ Парижѣ Рускіе отместили честно

Пожаръ Московскій ! Ну, просни, товарищъ !

С О Л Д А Т Ъ.

Прощенья просимъ, Ваше Благородіе!

(*Офицеръ уѣзжаетъ*).

Благословеніе Господне съ нами
 Огнь нынѣ и во вѣки буди! Воишь какъ
 Господь утѣшилъ нашушку-Росцію!
 Молились, бранцы! Божья чудеса
 Не совершаются ль предъ нами явно!

Баронъ Дельвингъ.

С П А С И М Е Н Я.

Захвѣвъ въ душѣ моей волненье,
 И страхъ, и радость, и мечту?
 И видѣть милое шевренье,
 И видѣть дивныя черны.
 Ихъ упоительной красою
 Горжусь, люблюсь, мучусь я...
 Хранитель-Ангель! будь со мною!
 Спаси меня! спаси меня!

Мнѣ ль душу воздержашь младую
 Отъ нѣжныхъ умысловъ любви?
 Я ль, хладомъ думъ, воспоржеснелу
 Надъ жаркой бурею крови!
 Спаси меня, надеждой сираспной
 Я, какъ педугомъ воспалилъ
 И предъ могуществомъ прекрасной
 Моя душа безъ обороны!

Она — звезда: ей нѣтъ подобья!
 Неуловима въ ней краса!
 Какъ мило смотритъ изъ подлобы
 Ея прелестные глаза!
 Какъ живо грудь ея пренесенья!
 Какія розы на усахъ!
 И, розъ амій, какъ нѣжно блещенья
 Спидливость на ея щекахъ!

Ужъ весь я полонъ дѣвы милой —
 Ея мысли дня и памяти сна,
 И лиры звукъ и вздохъ унылой,
 Досугъ и шрудъ — вездѣ она!
 Я увлеченъ ея звездою...
 Стою надъ бездною... гибну я...
 Крапшель-шгелъ! будь со мною!
 Спаси меня! спаси меня!

В.

Февр. 1839.

З И М Н И Й В Е Ч Е Р Ъ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри свѣжые крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровль обветшавой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ пушникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша вѣшная лачужка
И печальна и немна, —
Что же ты, моя спарушка,
Приюмкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, упомена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего вершени?

Выпьемъ, добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
 Сердцу будетъ веселѣй,
 Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
 Тихо за моремъ жила;
 Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
 За водой поутру шла.

Бури мглою небо кроетъ,
 Вихри свѣжые крутя:
 То, какъ злѣрь, она завоетъ,
 То заплачетъ, какъ дитя.
 Выпьемъ, добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
 Сердцу будетъ веселѣй.

А. Пушкинъ.

ВѢНЧАЛЬНЫЙ ОБРЯДЪ.

Ты поблѣднѣла, другъ печальный,
 И пьешь швоихъ ланипныхъ розъ!
 И помню: пронутый до слезъ,
 Я видѣлъ твой обрядъ вѣнчальный!
 И я вблизи тебя стоялъ!
 Народъ движеніемъ безпокойнымъ
 Мое вниманіе развлекалъ,
 И съ любовныисствомъ неприспоинымъ
 На дѣлу милую кипралъ.
 Велпкомѣнная невѣсна,
 Ты, осленная вѣнцомъ,
 Казалась райскимъ сущесствомъ!
 «Ея ушыны не у мѣста,
 Ея печаль — жеманный вздоръ!»
 Шепшалъ насмѣшникоть соборъ,
 Меня перзалъ твой видъ унымой,
 Твоихъ очей померкшій свѣтъ, —

И на смѣшнѣйшамъ въ описаніи :
 « Не осуждайте дѣвы милой :
 Она сыплетъ слезы льетъ !
 Скажите : чинъ обрядъ вѣнчаній ?
 Огъ только ангела исходитъ
 Изъ рай дѣвства въ міръ печальный ! »

Баронъ Розень.

ВЪ АЛЬБОМѢ К. Н. У — ВОИ.

Если дивный духъ : онъ воздухъ жжетъ дыханіемъ
 И въ глубину земли проникнуть огъ :
 Когда вѣтъ грудь колышетъ мечпаніемъ ,
 И дѣвы взоръ огнемъ воспламенитъ :
 Онъ близокъ , онъ лешаетъ надъ глазами ,
 Когда уста сходятся съ устами ! —

Какъ шѣлка благоуханье ,
 Такъ свѣжо его дыханье ! —
 Очи, полныя слезой ,
 Какъ лица голубя

Въ часъ, когда зефиръ, играя
 Закольнешь надъ водой! —
 Духъ летаетъ надъ главами
 Въ часъ, когда взойдешь луна
 И надъ спящими полями
 Тихо пошепчетъ она.
 И слезами спраснитъ сильной
 Смирный дивнаго зовѣтъ:
 Слезы тѣ, какъ дождь обильной
 Съ загорѣвшихъ высотъ —
 Первымъ сердца пренебаньемъ —
 Какъ прервенся жизни сонъ,
 Первымъ радостнымъ свиданьемъ
 И разлукой молнитъ онъ.

Ромцевъ.

Э Л Ы Ф А.

Лѣсъ. Пѣть.

С О В А.

Ненавистное склѣпало
Скрылось дальнею горой;
Мнѣ пріянеть мракъ ночной;
Широко разправлю крила
Пролечу между деревъ:
Пусть услышатъ мой напѣвъ
Надъ пуспышною могилой.

Х о р ъ п т и ц ѣ.

Какъ хороши совы напѣвъ
Надъ пуспышною могилой!

В о р о н ь.

Черенъ, какъ душа злодѣя,
 Въ часъ полночи вострепещуъ,
 Выше лѣса подымусь;
 Съ длинныхъ крыльевъ жидомъ вѣя,
 Разсѣку ночную тѣму,
 Сиду, крикну на дому
 Беззаботнаго злодѣя;
 Пусть вздрогнетъ онъ: житейскъ скалъ
 Черный воронъ прокричалъ.

Х о р ь п т и ц ь.

Горе, горе! житейскъ скалъ,
 Черный воронъ прокричалъ.

Э л ь ф а.

Летите прочь; не пойте страшныхъ пѣсень.

С о в а.

Развѣ лѣтъ общирный пѣсень,
 Не мыка у насъ трава?
 Развѣ пѣть не можемъ пѣсень
 Черный воронъ и сова?

Хоръ птицъ.

Развѣ пѣть не можемъ пѣсень,
Мы, и вороны и сова?

В о р о н ь.

Позабудь свое жилище,
Садъ, и песчрые щѣны;
Лѣсъ сама полюбишь ты;
Здѣсь у насъ и воздухъ чище
И темнѣй глухая ночь,
Эльфа, не лѣшимъ мы прочь.

О р е л ь.

Умолкнѣше, иплюмцы мѣлы,
Мѣ быснрѣй, какъ полетѣ стрѣлы
Извѣюсь подѣ громовыя тучи,
Бѣдой надѣ нами поплыву,
Сожму въ когнѣхъ моихъ сову,
И на зеленую праву
Посылаю пухъ ея лепушій.

В о р о н ь.

На радость намъ дается ночь;
Орелъ, не полету я прочь
До поздней, темной полуночи.

О р е л ь.

Молчи, наперсникъ темноты!
 Я дерзко усpreмлю очи
 Къ свѣтлау горней высоты,
 Близъ солнца гнѣзда я свиваю,
 Въ разкатахъ грома я пою,
 Браздой перуна обвиваю
 Главу безстрашную мою;
 Въ зарѣ купаюсь, и свободный
 Въ снѣгахъ надоблачныхъ парю;
 Такъ замолчи же, воронъ черный,
 Иль кровью перья обагрю. —

Х о р ь п т и ц ь.

Въ зарѣ купаеши орелъ,
 Небесный сподъ его удѣлъ;
 Изчадъя почти, дѣши тѣмы,
 Передъ орломъ умолкнемъ мы.

(Улетаютъ.)

Э л и ф а.

О гдѣ мой рай, гдѣ свѣтлыя подруги,
 Сотканныя пѣзъ радужныхъ цвѣтновъ?
 Сладка ихъ жизнь, и сладки ихъ досуги.

Легче легкихъ мотыльковъ
 Эльфы выюси надъ поляной,
 Исчезаютъ въ вихри
 И въ лучахъ зари румяной,
 Дружно рѣзались онѣ.
 Пища Эльфы, дыханье розы
 Ихъ одежда, шивки тѣнь;
 На аспикъ, Авроры слёзы
 Имъ купались въ жаркій день.

Рѣзались; мнѣ не рѣзались съ вами:
 Тяжелая лежишь на мнѣ вина;
 Хочу замахиуть эоприями крилами,
 Хочу лешинь, и сплывься съ облаками, —
 И на землю влечешь меня она!

О р е л ь.

Эопрная дѣла, напрасны спенанья:
 Нашъ лѣсъ безопивный не слышитъ тебя; —
 Лешь слёзы — ихъ жадно глотаетъ земля,
 Вдыхаешь, но громче совы завыванья
 И въперъ пустынный, и горь ручья.

Э л ь ф а.

Подруги услышатъ; я знаю, онѣ
 Слышась надо мною въ ночной тишинѣ;

Я слышу ихъ пѣнье въ дрожащемъ листкѣ,
 Я вижу, ихъ очи блещутъ въ ручейкѣ.
 Пусть вѣтры бушуютъ, пусть воетъ сова;
 Подруги мнѣ шепчутъ надежды слова.

ХОРЪ НЕЗРИМЫХЪ ЭЛЬФЪ.

Опчужденная отъ раи,
 Плачетъ Эльфа молодая
 О жилищѣ свѣтлыхъ дѣвъ.
 Справедливъ Владыки гнѣвъ.
 Онъ сказалъ: пусть Эльфа сионетъ,
 Пусть во снѣ и на яву
 Слезы горесильныя роняетъ
 На зеленую траву,
 На листки пусынной розы.
 Зарумянится заря —
 И подыметъ дѣвы слѣзы
 Къ широну вѣчнаго Царя.

Э Л Ы Ф А.

О, какъ мой слухъ лелѣетъ голосъ милый!
 Спустишися, коснушся вась хочу;
 О дайже мнѣ божественныя крылы:
 Взовьюсь и полечу!

Хоръ незримыхъ эльфовъ.

Не смертнымъ званъ тайны природы,
Въ удѣлъ имъ дана сабнопла,
Пусть смотрятъ на землю и воды
И небо, очами кропа.

Пусть смотрятъ на землю: увидятъ ли съ ней
Живущее племя безсмертныхъ очей? —
Нантъ, Тьомы незримы для брешныхъ очей.

Пусть смотрятъ на воды; потокъ исподить
Клубится и скачетъ по скапу долинъ;
Но въ немъ заповисыхъ не видитъ Ондия.

Ты жъ открыла смертной дѣл.
Тайну бышя земли,
И судьбы, въ правдивомъ гнѣвѣ,
Приговоръ произрекла:
Эльфа изгнана изъ рая,
Какъ гонимый въпроме пухъ,
Какъ проклятый небомъ духъ,
Невидимо въ край изъ края
За вину свою блуждая,
На тоску осуждена.
Всюду, съ нѣжною любовью
Вновь родившихся, она
Нанчашъ и любивъ должна;

И прильнувши къ изголовью,
Охранишь во время сна.

Но вѣжливый младенецъ, взлелеянный ею,
Отъ ней же погибнуть судьбой осуждѣнъ,
Какъ слабый агнепокъ сосомый змѣею; —
Таковъ непреложный законъ!

Ал. Шишкоевъ 2.

СКОТСКОЕ ПРАВОСУДИЕ.

Басня.

Не бойся, говоряща, суда,
А бойся волкъ судаи. И то бѣда:
Какъ секретаря доложитъ,
Такъ и судья плохой положитъ.
Напорютъ цѣлую темерадъ,
Пропишутъ, спускаютъ, завяжутъ,
И грамотному не понять,
А настоящаго и главнаго не скажутъ.

Лесъ сдѣлать приснавомъ Собаку при Овцахъ.

Волкамъ Собака спрахъ.

Однѣ изъ нихъ хопѣтъ ягненкомъ поживишься,

Схватилъ его и зѣ алъ понесъ;

Но догнать вора вѣрный пестъ

И долженъ быть Волкъ ужина лишиться,

Да клокомъ шерсти поплапнись.

Волкъ съ жалобою въ судъ идетъ

(Оселъ шамъ былъ судья, а секретарь Ансица,

Докладывать большая мислерица),

Гусепка на поклонъ секретарю несетъ. —

Докладъ Ансица подаетъ.

Отъ слова до слова прошение пропала,

Законы подвела;

Но объ ягненкѣ не сказала.

И какъ сказала? Она не знала,

Она при дѣлѣ не была.

И вопъ безъ всякихъ справокъ

И безъ очныхъ, какъ должно, справокъ

Послѣдовалъ журналъ, чпо въ силу скопскихъ правъ,

За оскорбленъе волчьей чесни

И вырванъе съ азартолѣ шерсти

Взысканъе съ собаки должно штрафъ,

Безчесиѣ и уѣче;

А сподо все овечье

Просителю на время поручишь.

Собаку же опъ мѣста удампиъ,
 Для соблюденія пользы лѣпной.

Что дѣлаешь докладъ Лисы и судъ осязшой,
 Особенно въ дали, въ глуши!
 По дудкѣ ихъ тамъ и пашши.

А. Пзмайловъ.

КЪ НЕВѢ.

Снова урѣать я, Нева, швой покъ величаво-сповой-
 ный,
 Снова, какъ юная дѣва въ объятыхъ любовника
 спрасныхъ,
 Ты предо мною трепещешь, лобзая границы сѣдые.
 Нынь, какъ прежде, ны блещешь волною кипучей...
 но нѣ ли
 Думы, то ли веселье на душу мою навѣдешь?...
 Много свѣтлыхъ волнъ умчала ны въ дань Океану...
 Много дней незабвенныхъ ушло въ безпредѣльную
 личность!

Помню тошъ сладостный вечеръ, когда надъ пиво-
мми волнами
Въ горькій часъ разлученья бродилъ я съ дѣлою ми-
лой :

О, какъ игриво, какъ шумно волнуясь, тогда про-
шекала

Ты въ обитѣяхъ высокихъ береговъ и, казалось,
Къ гордымъ границамъ ласкала, шептала нѣтъ съ
препешомъ звуки,

Сладкіе звуки любви неизмѣнной... Но что же?
ужь шучи

Мѣсяца лнкъ покрываши въ трепещущей влагѣ, и
въ шайнѣ

Мрачно-спокойное нѣдро пивое зараждало несчастье!

Помню; вошъ здѣсь, на уснахъ, разнеленныхъ лю-
бовью, пылали

Дѣвы коварной уста: убѣдительно, пламенно было
Полное нѣтъ ея лепетанье... Но что же? ужь въ сердцахъ

Дѣвы обманъ зараждался и перси павѣлой дышали....

М. Деларю.

Э П И Г Р А М М А.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
 « Охота есть, да мало мозгу.
 А сколько льнуть ему, вопросъ? »
 Пятинадцатъ. — « Только-то? Эй, розгу! » —
 За спягъ припесъ семинаристъ
 Тетрадъ лакейскихъ диссертаций,
 И Фебу въ службу прочесть Горацийъ,
 Кусая губы, первый листъ.
 Ошлжалъ, какъ ошъ дурмана,
 Сердило Фебъ его прервалъ,
 И шопчасъ взрослога болвана
 Поставишь въ папки приказалъ.

А. Пушкинъ.

МОГИЛЬНАЯ РОЗА.

О роза-сиротка! ты сердцу родная :
 Таинственно съ нимъ о быломъ говоришь !
 Надъ прахомъ Маріи моею разцвѣтая ,
 Печали твоей сномъ надъ страдалицей спишь !
 Какъ ты, молчаливая, дѣва младая
 Любила мечтать средь могильныхъ крестовъ :
 И называть прекрасную — *двой сиротой* !

О роза-сиротка! въ сей области сонной
 Мнѣ сладкое вѣшь дыханье твое
 Минувшимъ воспомогомъ любви благосклонной ;
 Изъ гроба подарокъ ты мнѣ опъ дашь :
 Она тебѣ юность съ душой благополной ,
 Румянецъ прекрасный, пылаивоспѣ чела —
 Все, все тебѣ смертию Марія дала !

* *

О роза-сиротка съ красною умильной,
 Ты долѣе юноши въ міръ живи!
 Горюю душою, для горя безсильной;
 Но радуюсь нищо въ мечтанныхъ любви,
 Что въ дѣвственномъ образѣ розы могильной
 Еще разъ на свѣтѣ, въ слѣду мертвецовъ,
 Цвѣтешь незабвенная дѣла гробовъ!

Баронъ Розенъ.

Г Р У С Т Ь.

Счастливъ, здоровъ я! Что жъ сердце груститъ?

Груститъ не о прежнемъ:

Нѣтъ! не грядущаго страхъ жметъ и волнуетъ
 его.

Что же? Иль въ мигъ сей родная душа разсѣвается
 съ землею?

Иль — мной оплаканный другъ вспомнить на небѣ
 меня?

Баронъ Дельонгъ.

СЛЕЗЫ ЛЮБВИ.

Сладкія слезы первой любви! какъ роса, вы из-
сохли!

— Нынь! на безсмертныхъ цѣпяхъ въ свѣтломъ
раю мы блеснимъ! —

Баронъ Дельвингъ.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный Наригъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ,

Тогда, во славу Русь ратной,
 Стропиливу Греку въ стыдъ и страхъ,
 Ты пригваждалъ свой щитъ булавой
 На Цареградскихъ воротахъ.
 Наспалъ дни вражды кровавой,
 Твой пушъ мы снова обрѣли;
 Но днесь, когда мы вновь со славою
 Къ Стамбулу грозно пришекли,
 Твой холмъ пошресса съ браннымъ туломъ,
 Твой стогъ ревнивый насъ смущалъ,
 И нану рать передъ Стамбуломъ
 Твой спарый щитъ останавливалъ.

★ ★

ПСАЛОМЪ LXVII.

Возстанъ, Господь! просири шагъ
 Въ безбрежной области лазури;
 И побѣгутъ нивои враги,
 Какъ сорный прахъ опъ зѣлной бури,
 И уленяшъ, какъ черный дымъ;
 И предъ лицемъ Твоимъ Сынныиъ,
 Какъ воскъ разинающъ! — А правдыиъ
 Забьются радостииъ сердца

И сонмы, въ пѣилахъ и гривахъ,
 Помчались въ сременье Опица.
 Звучи жъ, нимпанъ! Играйне Богу!
 Воспокъ! Воспокъ низходнишъ къ намъ;
 Сшемише гладкую дорогу
 Онъ вшихъ дунъ, къ Его снопамъ!
 Грядешъ заццшиникъ нашъ вдовциъ,
 Отецъ сиротъ и нищеты!
 Вссы горятъ въ Его десницѣ
 И поклонились вышны!...
 Когда Ты шеть нушемъ нуспыши,
 Трещай горы и лѣса
 Онъ грома и огня сварыши
 И разношались небеса! —
 Но крошкой, опической рукою
 Ведешь Ты спрждущихъ къ покою,
 И Самъ находишь ншпримъ хлѣбъ.
 Пусшь спрасши пыакія булпуюнъ
 И вои грозные воююнъ;
 А ны, безъ жакды до пошребъ,
 Ты, крошкая! въ ниши смпремъ
 Пожнешъ ихъ сѣтъ, возмешъ имъны. —
 Тебя видали, горный Царь!
 Какъ проходилъ Ты надъ Вассаномъ;
 Пылаъ подъ жершвою алшаръ
 И злонъ гуслей сшилъ съ нимпаномъ.
 Шо много шысящъ колесницъ,

И много Ангеловъ, . . . и князи, . . .
 И, въ блескъ радостномъ зарницъ,
 Неслись цѣпиновъ безсмертныхъ вѣзи :
 И памъ Твоя Сялпыня шла! —
 Ты не попомнилъ людамъ зла ;
 И Сягъ, съ великими дарами,
 Ты надходишь, чтиобъ надъ холмами
 И по долинамъ плѣнныхъ брашь,
 И вопъ мы зримъ, какъ ненокорныхъ,
 Могущихъ сердцемъ и упорныхъ
 Веченъ свиялая благодаць.
 И Ты пѣцаль : « Я не ославаю
 Нигдъ и никогда Снопихъ :
 Изъ безднъ пхъ вырву и поспавлю
 Съ любовью на холмахъ цѣпныхъ, . . . »
 Несомый Херувимовъ рашью,
 Ты обленѣшь Свои мѣры,
 Опдамъ звѣздамъ Твои дары
 И насъ ущедришь благодарью.
 Благословенъ же, Дивный Богъ!
 Благословенъ изъ вѣка въ вѣки !
 И Ангели и человекъ,
 Закрывъ оупъ блеска молнѣй ликъ,
 Воскликните : « Великъ ! Великъ ! »

Федоръ Глинка.

Д Р У З Ь Я М Ъ .

Fare thee well and if for ever
Still for ever fare thee well.

LORD BYRON.

Навсегда съ друзьями
Разлучаюсь я!
Что-то будетъ съ вами
Безъ меня, друзья?
День отъ дня рѣдѣетъ
Нашъ веселый кругъ, —
Скоро опустѣетъ!
И послѣдній другъ,
Смертию забытый,
Межъ родныхъ не свой,
Горестью убиный,
Будетъ встѣть чужой!
Грустно разлучаюсь
Съ вами; но грустнѣй
Старосини дождаюсь,
Переживъ друзей!

Пойте жъ, веселитесь
 На зарѣ своей;
 Смерти не спрашиваетесь:
 Время намъ страшный!
 Все съ собой уносите
 Времени полетъ;
 Время насъ разброситъ, —
 Смерть опять сберетъ.

Вал. Шенювъ,

P E N S É E (*).

(Посв. Гр. Е. П. П.)

Я родилась въ смиренной долѣ,
 Въ снѣжной глуши и разрывѣ,
 И межъ цвѣтковъ, блестящихъ зъ полѣ,
 Я незамѣтная росла.

(*) Цвѣтокъ, названный у насъ подѣ названіемъ : *Анютины глазки*. Пр. Сот.

И ароматомъ не дышала,
 Не прилекала красной,
 Свой пышный уголь насмала
 И грустно думала порой:

«Зачѣмъ живешь ты, цвѣтъ напрасный?
 Кого ты радуешь собой?...»
 Но мнѣ, пусышницѣ, судьбой
 Назначено быть удѣлъ прекрасный.

Жена прелестная меня
 Другамъ сорвала въ часъ прощанья,
 Чтобы у друзей хранилась я,
 Какъ чистый даръ воспоминашья

И тайно завѣщала мнѣ
 Она для нихъ благодаренье,
 Разлуки грусть и сожалѣнье
 О нашей доброй сторонѣ.

Гдѣ всей душой ее любилъ,
 Гдѣ звалъ радостью ее;
 Гдѣ счастье юности свое
 Въ ея улыбкѣ находилъ.

А чтобъ и пѣкъ была ясна,
 Чпобъ никогда не уядала,
 Слезу безцѣнную она
 Въ меля огнь сердца пролила.

О сила чувствна и красы!
 Съ тѣхъ поръ, шомисъ воображеньемъ,
 Свѣдѣна слѣда той слезы
 На мнѣ всѣ ищутъ съ умиленьемъ.

Съ тѣхъ поръ хранию я у друзей,
 Красою лилою имъ блистаю,
 И слаще розъ благоухаю
 Одною памянью о ней.

В.

Одесса.
 1825.

АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ.

Ангель-хранитель ! молчишь внемши умиленного
сердца :

Будь покровителемъ юности въ бурномъ житей-
скомъ волнении ;

Сердце оцъ рагъ изцѣли и помысловъ чистыхъ ,
высокихъ

Душу испомни мою ! Когда же бодзнецнымъ хла-
домъ

Сердце сожмется , повѣй на него шеплошю опрад-
ной ,

Да не изсохнетъ оно подъ дыханьемъ бездушнаго
свѣта !

О , не покинь меня и во спѣ ты ; но съ умилениемъ

Тихо къ возгавью прикинувь , мой сонъ осѣнай—
и со крыльемъ

Вѣй благоданью на плѣо и духъ мой : пусть ушѣ-
шенъ

Сны золотые вливаю въ душу младаго счастливца . . . .

Если жь порокъ поднесешь мнѣ сосудъ свой, исполненный жемчю,

Ангель-Хранитель! не дай устами прикоснуться къ оправѣ;

Буйное сердце уйди: пусть покоитъ кровавымъ облившимся,

Черныя думы искупить оно живымъ сокрушенемъ —

И въ минуту раскаянья, о мой небесный товарищъ,
Въ мощныя крылья принявъ меня, умчи въ без-
предельность . . . .

М. Деларю.

ДѢВА И ВПДѢНІЕ.

« Онъ ко мнѣ приходилъ по ночамъ,

Онъ моимъ представлялся очамъ;

Онъ со мной говорилъ . . . говорилъ . . .

Онъ не опрокъ, не юноша былъ,

Не сіялъ онъ красною младою:
 Онъ былъ спаренъ съ сѣдою бородой.
 Онъ ко мнѣ на возгласѣ склонился,
 И меня онъ, какъ дочь, цѣловалъ
 И устами къ устамъ прикасался.
 И, свѣпая, душа на усна
 Къ поцѣлуякъ на встрѣчу лезла;
 И лезенье его по мечина;
 Онъ лезенья его я умѣла!...

Угадайте жъ, кто онъ, похититель почвой?
 Я въ душѣ его образъ лелѣю.
 Онъ такъ крошочекъ и мудръ, и са мтой какъ родной
 Онъ... названъ вамъ его не умѣю!... »

О. Глинка.

РУСКАЯ ПѢСНЯ.

Какъ у насъ ли на кровелькѣ,
 Какъ у насъ ли на крашеной,
 Собиралися пшашечки,
 Мяки пшашечки, ласточки,
 Щебешади, чиникаи,
 Несобравшіхся клыкаи:
 « Вы спешайтесь, не медлите,
 Въ пунь-дороженьку пустимся!
 Красны дни миновалися,
 Вдоволь вы наигралися;
 Здѣсь не жданъ же вамъ гибель
 Отъ мороза прескучаго! »

Государь ны мой, батюшка,
 Государыня мапушка!
 Меня суженый сватаеиъ,
 Меня раженый сватаеиъ:
 Поспѣшите, не мѣшкайте
 Меня поѣзду выдаите,

Съ хлѣбомъ - солю, съ образомъ,
 Съ красною проходящею!
 Мнѣ не вѣкъ въкорачивать у вѣстъ,
 Не сидѣть же все движеней
 Безъ любви и безъ радости,
 До ворчунитъ ль до старости.

Кароль Делленъ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Я ль опть спарого бѣжала,
 Въ полночь правы собирала,
 Травы съ росами мѣшала,
 Все о волѣ жаровала.
 Пшичкѣ волю, сердцу волю!
 Скоро ль буду я вдовою?...
 Дайше, дайше, погуляю,
 Какъ та рыбка по Дунаю;

Какъ та рыбка съ окунями,
 Я молодка съ молодцами,
 Какъ та рыбка со плотною,
 Я съ прилукой - красотою!

Баронъ Дельвингъ.

2го *Ноября.*

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? я вспрѣчаю
 Слугу, несущаго мнѣ упрямъ чашку чаю,
 Вопросами: шеплю ль? утихла ли манель?
 Пороша есть нѣтъ нѣтъ? и можно ли поспѣть
 Покинуть для сѣдла, нѣтъ лучше до обѣда
 Вознишься съ спарыми журналами сосѣда?
 Пороша. Мы вспаемъ и поточась на коня
 И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
 Араппки въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами,
 Глядя на бѣдный снѣгъ прилежными глазами;
 Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой
 Двухъ зайцевъ проправивъ, являемся домой.

Куда какъ весело! дошъ вечеръ: вьюга поешъ,
 Свѣча темно горитъ. Стѣсняясь, сердце поешъ;
 По капдѣ, медленно глосную скуки ядѣ.
 Читанъ хочу. Глыза надѣ буквами скользаянъ,
 А мысли далеко. . . Я книгу закрываю,
 Беру перо, сижу; насильно выпрыкаю
 У музы дремлющей несвязныя слова.
 Ко звуку звукъ нейденъ. . . Теряю всѣ права
 Надѣ рифмой, надѣ моей прислужницею спральной:
 Спихъ вало выненися, холодный и туманный.
 Успалый, съ лирою я прекращаю споръ,
 Иду въ госпитную; памъ слыну разговоръ
 О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
 Хозяйка хмурился въ подобіе погодѣ,
 Спальными спицами проворно шевеля,
 Илъ про червошаго гаденіъ короля.
 Тоска! Такъ день за днемъ идеи въ уединеннѣ!
 Но если подѣ вечеръ въ печальное селеніе,
 Когда за пашками сижу я въ утѣхѣ,
 Приденъ издамъ въ кибишкѣ илъ возкѣ.
 Нежданная семья: сшарушка, дѣѣ двѣицы,
 (дѣѣ блѣокурыя, дѣѣ спройныя сестрицы)
 Какъ оживиленъ глухая сшорона,
 Какъ жизнь, о Боже мой, сшановивнися полна!
 Сначала косвенно-внимательныя взоры,
 Попомъ словъ нѣсколько, попомъ и разговоры
 А тамъ и дружный смѣхъ и нѣсни вечеромъ,

* *

И вальсы рязвые, и шопотъ за споломъ
 И взоры томные и выпренныя рѣчи,
 На узкой альпинцѣ заеденныя вострѣчи;
 И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
 Открыты шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
 Но бури сѣвера не преданы русской розѣ.
 Какъ жарко поцѣлуй пылаешь на морозѣ,
 Какъ дѣва руская снѣжа въ пылаи снѣговъ!

А. Пушкинъ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Ой мами, мами, сердце не плакае,
 Кого разъ полюбитьъ, съ тѣмъ и умирае. 2

Лучше умерти, якъ съ познанымъ жити,
 Сохнутъ съ печалю, що день слезы лиши. 3

Бѣдность и богатство, есть по Божо воля,
 Съ милымъ ихъ дѣлами, есть стасыва доля. 2

Ой хибѣ жь я, мами, не швоя дѣшнѣ,
Колѣи моя мука тебѣ буде мила; 2

И до того горя ны жалю не маши,
Хшо пришовсь по сердцю, забуни заставляещь? 2

II. Котляревскій.

ЦАРЬ И МУДРЕЦЬ.

Царь Пирръ собирався на войну.
Его Эпиряне доспѣхами сіили
И хобопомъ слоны, подѣ башнями, махали
И ржала конница. Онъ покидалъ страну,
Страну опцель, страну селяную,
Гдѣ дѣшская его качалась колыбель,
Гдѣ такъ онъ счастье былъ досель,
И пору жизни солоную
И въ ристаны на коняхъ и въ играхъ провождаетъ,
Или съ дружиной, на охонтъ
За барсомъ по полю скакалъ.

Теперь и онъ задумавъ спать!

Сидѣть, облокотясь, въ тиши и заботѣ....

И вотъ, предспавъ къ нему мудрецъ.

« Ты знаешь, государь! мнѣ другъ былъ шзои оиентъ

И я пришелъ.... мой духъ къ тебѣ стремился...

Куда жь, и на кого мой царь вооружился? »

— « На Римлянъ, добрый другъ: я Римъ сломяю! »

« А тамъ? » — « На Галловъ наступлю! »

« Попомъ? » — « На Парсовъ мѣшкострѣльныхъ

Еще мнѣ хочется, въ пустыняхъ безпредѣльныхъ,

Ошвадныхъ Скифовъ поискать

И выбишь всю до шла кибитогную рата. » —

« Попомъ? » — « Попомъ еще... » — « А тамъ? » —

« Земли нѣтъ болѣ!... »

И вотъ тогда въ моей ужь будетъ воля,

Провозгласить народамъ миръ,

И я опять къ вамъ возвращусь — въ Энпиръ! » —

« Въ Энпиръ?... Такъ сполнитъ ли такъ далеко спремъ
мысьсь »

Итти войной и землю огорчать

И ирраинься и суешинься,

Когда придется же опять,

Все къ намъ, все въ нашъ Энпиръ любезный воро-
шинься,

И ворошинься старикомъ? »

Онъ замолчалъ, а царь, объятый тайной думой,

Просинься съ мудрымъ, какъ съ опцомъ,

И часто вспоминалъ о нёмъ ;
 Особенно жъ, когда Фабрицій, мужъ угрюмой,
 Безспрашно передъ нимъ стоялъ
 И Римъ побѣду возглашалъ !

Θ. Γ.

ОБМАНЧИВАЯ НАРУЖНОСТЬ.

Басня.

Пріяшель у меня спарикъ проказникъ былъ,
 Богатый человекъ, почти и не служилъ —
 Оставленъ съ крестникомъ. Въ Москвѣ онъ мало
 жилъ,

А болѣе въ своей любимой Подмосковной.

Имѣлъ тамъ домъ огромной,

Большой фруктовый садъ

И англійской еще, иль паркъ — аранжерей,

Въ конпорыхъ былъ оплывшій виноградъ,

Звѣринецъ, свой оркестръ и разныя зашѣи.

Имѣлъ актеровъ крѣпосныхъ,
 Акирился, пивецъ, танцовщицъ ловкихъ,
 Пасемянныхъ прехъ Французовъ бойкихъ,
 Да сошши двѣ собаки и гончихъ и борзыхъ.
 Нянь швыскать дунѣ ему досталось въ пасѣденье,
 Да долгу нажить миллионъ,
 Такъ деньгами соринѣ моръ огрѣ.
 Его любило все соседство,
 И какъ же не любить?
 Гдѣ въ сѣснѣ поѣснь, попарно,
 Повеселился? —

У Дурнева. — А денегъ гдѣ заимъ,
 Когда нужда случалась? —

У Дурнева жъ. — Разинску только данъ,
 Какую издумаешь онъ самъ продкиновать,
 И на условіи всѣ шончасъ согласишься.
 Случалось, иногда брать шуфли онъ въ засѣдъ,
 Хомути, кушакъ, или шапку, или миску;
 А деньги возвращаешь, ошдѣснь шебъ разинску,
 Залогъ и сумму всю назадъ.
 Къ своимъ собакамъ звать соседскихъ по битешамъ,
 Рожденіе праздновать любимыхъ лошадей;
 Дурачима, сказавъ ужъ правду, не по дынамъ;
 Но впроемъ не быть онъ въ числѣ дурныхъ людей
 И дѣламъ иногда, что должно.
 Проказничать богатымъ можно.
 Въ деревнѣ Дурнева когда и навѣсниль,

Меня оиъ славно угостишь :

Музыка за словомъ гремѣла

И первая пѣвица пѣла.

Богъ обоудилъ. — « Чшо, не угодно ль въ садъ ? »

— О, радъ ! —

Пошли. — Какой чудесный тамъ каскадъ !

Какіе мостики, бесѣдки и руины !

Куда ни взглянешь, все карнизы.

— А это что за храмъ ? —

Вскричать я въ изумлени,

Увидя съ куполомъ, съ колоннами спросишь.

Ужъ подлинно сказанъ, что было загадье !

— Чшо тамъ ?

Какое божество въ семь храмъ обитаетъ ?

« Паружность иногда обманчива и блудлива » (*),

И это, Господиъ Познъ, вамъ не во мѣдъ,

Не храмъ, а хлѣвъ, »

— Какъ хлѣвъ ? — « Войдите »

И поглядите. »

Тѣлако дверь, вхожу

И съ порослятами свиней шумъ нахожу. —

« Ну, видишь ли мои зашвы ? »

Не всѣ еще: въ другомъ покоѣ есть и змыи.

Войди, увидишь самъ, что правду говорю. »

(*) Стихъ Н. Н. Дмириева.

— Покорнѣйше благодарю...

Повѣса ты, повѣса!

Ну стоитъ ли, скажи, попортить столько лѣса,

Искусства и труда

Для змѣй и для свиней? Уже ли нѣтъ стыда

Тебѣ дурачиться въ твои почтенныя лѣны? —

« А ваша братья - то поэты

Что дѣлають? Не то ли жь, что и я?

На что даръ многие изъ васъ употребляютъ!

Цѣпы поэзіи фигурно разсылають,

А подъ цѣпами, глядь — тамъ въ грязи свинья,

Цѣй ядовитая змѣя.

Но свиньи у меня другихъ хоть не мараютъ,

А змѣи не кусають.

Желаю знать, чинобъ ты на это ошвѣчалъ? » —

Я... промолчалъ.

А. Измайловъ.

СЛЕЗА ЛЮБВИ.

(Б. С. М. Дельвигъ.)

Въ сладостный вечера часъ, при свѣтѣ луны оди-
нокой

Видѣлъ я въ чащѣ вѣтвей юную дѣву : — она ,
Очи къ небу поднимая и руки на перси сложивши,
Седцемъ далече неслась. — Вдругъ на лилейныхъ
щекахъ

Вспыхнули розы живые и взоръ умиленно-спокой-
ный

Дѣвы зардѣлся слезой, — свѣтлой, какъ Ангела
мысль;

Ангелъ любви подлетѣлъ къ молящейся дѣвѣ и тихо
Взявши свѣтлую слезу, къ небу направить по-
леть.

М. Деларю.

У Д Ъ Л Ъ П О Э Т А.

Ю н о ш а.

Сладко! Еще перечню! О, слава тебе, пѣснопѣвецъ!

Днею глубокую мысль въ звучную шкатулку
облечь!

Въ чужихъ шты, счастливецъ, роскошныхъ садахъ
надышался весною?

Гдѣ нажурчали руны говоръ любовный тебе?

Г е н і й П О Э Т А.

Гдѣ? и нашелъ пѣснопѣвца на ложѣ недуга, бѣдѣ
Старца Гомера, грустинѣ Тасса, страдалица люб-
ви!

Но, и шакнуть заспавать и Камюэнса въ дикой пе-
щере,

Такъ и Сервантесъ со мной скорбь и пиорому за-
бывалъ!

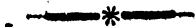
Баронъ Дельвингъ.

Э Д Е Г І Я.

Довольно! вижу: онъ меня
Лидо Каменд оштрафовалъ,
Мнѣ сюда мысли не вдала,
Мое мечтанье безъ себя!
Я позабылъ о свѣтлости небѣ;
Презрѣнной, дальной суетной
Ниспомень духъ уназній мой.
Такъ, о судьба! мірской потребѣ
Ты предъешь, сосудъ свашной.

Р О Д И Н А.

Есть на землѣ безвѣстный уголокъ,
 Уединенный, непримѣнный;
 Знакомый лугъ, знакомый лѣсъ, попокъ,
 И въ нихъ духъ добрый и пріятный.
 Онъ издавна живетъ въ томъ уголкѣ,
 Лешаетъ пичкой по дубравамъ,
 Шумитъ въ бору, купается въ рѣкѣ
 И улыбается забавамъ.
 Сберегся ль въ лугъ красенецъ хороводъ, —
 Онъ между ними невидимкой
 И подъ вечеръ, онъ въ сумракъ поѣтъ
 Любовь съ паспущеской вольнкой.
 Я не видалъ его въ сирани родной:
 Но съ нимъ почувствовать разлуку,
 Когда, въ очахъ съ прощальною слезой,
 Я носокъ сираника взялъ въ руку.
 Онъ вокругъ меня въ уныніи шепталъ:
 Куда? не я ль тебя влечуль?

Онъ за рубежъ отчизны пропоялаъ

И грустью на меня повѣялъ.

Казалось мнѣ, покинувшъ дѣлства другъ,

Который имѣши ростъ со мною.

Не даромъ же съ тобой разлуку, добрый духъ,

Зовущъ по Родинѣ шескою! —

Θ. Туманскій.

К Ѣ * *

— * —

Подъѣзжая подъ Ижору,

Я взглянулъ на небеса

И вспомнилъ ваши взоры,

Ваши синіе глаза.

Хоть я грустно очарованъ

Вашей дѣлственной красой,

Хоть вамнѣромъ именовать

Я въ губерніи * * *;

Но колѣнъ моихъ предъ вами

Преклонить я не посылъ

И влюбленными мольбами
 Васъ превозносить не хощу,
 Упиваясь безрассудно
 Хмелемъ свѣтской суеты,
 Позабуду, впрошину,
 Ваши милыя черты,
 Легкій смаръ, дѣланий стройность,
 Оснорожный разговоръ,
 Эту скромную спокойность,
 Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ,
 Если жъ нѣтъ... по прежнему слѣду
 Въ наши мирные края
 Черезъ годъ опять заѣду.
 И влюблюсь до Поляны.

1828.

Ижоры.

СТРАННИКЪ.

« Я гражданинъ вселенной. »

Сократъ.

— « Я вездѣ чужестранецъ. » —

Агустинъ.

П Е Р В Ы Й.

Блаженъ, блаженъ, кто жизни мигъ крылаиный
Своимъ богамъ - Пенатамъ посвятилъ;

Блаженъ, блаженъ, кто дыма родимой ханы
Дороже розъ чужбины оцѣнилъ!

Родной весны цвѣтны зланыя,

Родной зимы снѣга сѣдые;

Разказы няни, игры дѣтъ;

Косца знакомаго напѣвъ;

Знакомыхъ пчелъ въ саду жужжанье;

Домашнихъ псовъ далекий лай;

Родныхъ полюбовь лепетанье —
 О край опцовъ, волшебный край!
 Сердечныя очарованья,
 Забуду ль вась!

В т о р о й.

Блаженъ, блаженъ, кто моря зрѣтъ волнение;
 Кто Божій міръ опичизною назавъ;
 Свой опдать пунъ на волю Провидѣнія,
 И воздухомъ вселенной подышавъ!

Бродячей жизни бредъ счастливый,
 Ты, какъ поэма сонъ игривый,
 Разнообразіемъ богатъ!
 Сегодня — кровь убогой жапы,
 Деревня, ланши полосавъ;
 А завтра — таннхъ зданій радъ!
 Искусствъ волшебныя созданья,
 Священный гениа завѣтъ;
 Чудесъ минувшихъ яркій свѣтъ;
 Народовъ нѣсни и преданья!

.....

П е р в ы й.

Настала осень. Надъ холмами
 Туманы влажные висавъ;

За море лебеди летяишь;
Овину наполнился снодами.
Румянымъ блескомъ боръ покрышь;
Ловилвы рогъ въ горахъ звучишь;
Съ ружьемъ, съ соседомъ, въ полѣ чистомъ
Зарученъ мирный домохъ; —
Ужъ ночь надъ домомъ серебристымъ;
«Пора домой! Ко мнѣ, соседъ!» —
Вонзи: Лилета суевиши;
Камни опрадный замыкай;
Какъ жернова, ужалъ ихъ дышнися,
Хрустальный пиднися бокаль.

Второй.

Сосѣдъ, ружье, каминъ, Липыя,
И вновь ружье, каминъ, сосѣдъ: —
Однообразна лѣсна эша!
Безцѣлность твоей сердечный бредъ!
Среди ль полей своихъ широкихъ
Встрѣчать ны длинный радъ вѣковъ,
Бродящихъ межъ сѣдыхъ снобозъ,
По зѣмамъ замковъ одинокихъ?
Съ сосѣдомъ ли ны зрѣть своимъ
Природы блескъ, морей равнины?
Какъ счастлива спраниякъ! передъ нимъ
Чужо шагъ — но новыя карнизы:

Тамъ изумрудный рядъ холмовъ;
 Тамъ разноцвѣтныхъ горъ вершины;
 Въ одеждѣ новыхъ облаковъ.
 Тамъ солнца новаго сіянье,
 Луна надъ боромъ вѣковымъ;
 Иль неба съ моремъ голубымъ
 Въ дали румяной сочешанье.

П Е Р В Ы Й.

Зима. Клоками снѣгъ валитъ;
 Сводъ неба, блѣдный и туманный,
 Какъ саванъ надъ землей виситъ. —
 «О, гдѣ же ты, приютъ желанный!»
 Печальный странникъ говоритъ: —
 «Успалъ я! ночь на землю льется;
 Бунтуетъ вѣтеръ въ глуши лѣсной;
 Вокругъ мащель сѣдая вьется —
 Ишь кровь! ишь спраны родной!» —
 Но воть избушка въ темномъ полѣ
 Въ ней брезженъ яркій огонекъ:
 Радъ странникъ! радъ — чего же боить?
 Есть теплый на ночь уголокъ!
 Вошелъ. Тамъ мирною теплою,
 Вокругъ прескучаго огня,
 Двѣсь безбѣдностью златою,
 Сидитъ счастливая семья.

Младой прителецъ ночега проснись ;
 Но вопль сухой , холодный взгляды
 Ошевить помятый произноснись —
 И спривникъ новый въ сердце ады
 Далеко опъ людей уноснись.
 Ахъ , то ль на родинѣ сванной!
 Тамъ зеркаломъ души родной
 Ему людей казались изеры —
 Иль это бредъ ?

В т о р о й.

Обманъ пустой!

Не сердце ль наше , мильный мой ,
 Есть испинный сосудъ Пандоры ?
 Конечно , много чудаковъ!
 Конечно , многихъ пусняковъ
 Намъ спюють злыя ихъ проказы :
 Крошыхъ слезъ , жеслюкихъ сновъ ;
 Но какъ же избъжать заразы ?
 Она шипящею змѣей
 Весь мѣръ подлунный обвиваетъ ,
 И меньше всѣхъ лишь шонъ спраждаетъ ,
 Кто радъ , какъ я , товарищъ мой ,
 По силу песнрому скпшансь ;
 За тѣмъ , чюбъ сердце приучилъ
 Во всей вселенной дома бышь ; —

Съ людьми пріятельски встрѣчаешь;
 Съ одними — скромно поболтаешь,
 Съ другими — смѣло помолчаешь;
 Надъ Аракчинымъ посмѣешься,
 Съ людьми честными поговоришь.

П е р в ы й.

Согласенъ. Но одной опрадой,
 Одной небесною лампадой
 Творецъ нашъ жребій озаришь!
 Мой другъ! быть можетъ, съ ней одною,
 Съ сей тихой, ясною звѣздою
 Памь свѣтъ роднаго неба мнѣ!
 Съ побой, любовь, алтарь сердечный,
 Духъ душъ священный опміамъ,
 Союзъ божественный...

В т о р о й.

.....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....

.....
 .....

П е р в ы й.

Вопице сей горькой клеветной,
 Личиной грусти лединой
 Явнишь любовь швой смѣхъ прищворной:
 Она рокою благошворной
 Твой зной сердечный прохладитъ;
 Смягчитъ швой духъ окамендой,
 Съ надеждой сердце прищипишь.
 О луть души оспрошдой!
 Поцокъ въ пустынь бышй!
 Любовь, сестра священной Вѣры!
 Анлея Ангеловъ,....

В т о р о й.

Химеры!

Гдѣ жъ эша числамъ струя?
 Гдѣ эшу райскую анлею,
 Въ какой сцени, въ какой тауши
 Я всѣмъ огнемъ моей души
 У сердца бѣднаго согрѣю?
 Мечты! нашъ лобъ любви преснолъ!
 Задига смернь ея символъ!
 Приманка — ножницы, даилы!...

Но я волшебницу панель;
 Моей Армиды образъ милый
 Со мной вездѣ, во всѣхъ краяхъ:
 Катится ль солнце въ небесахъ,
 Ленишь ли пилчка надо мною —
 Я говорю: мы вночь съ тобою
 Въ иныхъ увидимся странахъ!

В. Тепляковъ.

Одесса.
 1829.

СЦЕНА ИЗЪ ПОЭМЫ:

ВЪ Р А И Н Е ВЪ Р І Е.

О Н Ъ.

Подъ этой линою густою
 Со мною сядь, мой милый другъ:
 Смори, какъ живо все вокругъ!
 Какой зеленой пеленою

Къ рѣкѣ изходитъ этотъ дугъ!

Какая свѣжая дуброва

Глядится съ берега другога

Въ ея веселое стекло!

Какъ небо чисто и свѣтло!

Все въ тишинѣ; едва смущаетъ

Живую сѣнь и чуткій шокъ

Благоуханный вѣтерокъ:

Онъ сердцу счастье навѣваетъ!

Молчишь ты?

О П А.

О любезный мой!

Всегда я счастлива съ тобой,

И каждый мигъ равно ласкаю.

О Н Ъ.

Я съ умленной душой

Красу творенья созерцаю.

Опѣ этихъ водъ, лѣсовъ и горъ

Я на зеприую обидель,

На небеса подтемяю взоръ

И думаю: великъ Зиждитель,

Прекрасенъ міръ! Когда же и

Вспомню тою же порою,

Чшо въ эщомъ мѣрѣ или со мною,
 Подруга милая моя,
 Нѣтъ сладкимъ чувствамъ выраженья
 И не могу въ избытокъ ихъ
 Неволюхъ слезъ благодаренья
 Остановишь въ глазахъ моихъ.

О н а.

Воздай тебѣ Создатель вѣчный!
 О чемъ еще Его поминь?
 Ахъ, объ одномъ: не пережить
 Тебя, другъ милый, другъ сердечный!

О н ѣ.

Ты грустной мыслию меня
 Смущила. Такъ! сегодня зрѣло
 Наблещешь свѣтъ веселый дня,
 Пальнешь Божіе творенье;
 Теперь въ рукъ моихъ, твою
 Я съ чувствомъ пламеннымъ сжимаю,
 Твой вѣрный взоръ я понимаю,
 Твой сладкій голосъ узнаю....
 А завтра.... завтра.... какъ ужасно!
 Мершвецъ незрящій и глухой,
 Мершвецъ холодный!... Лучъ дневной
 Въ глаза ударишь мнѣ напрасно!

Вотще къ устамъ моимъ прильнешь
 Ты воспаленными устами,
 Ко мнѣ съ обильными слезами,
 Съ рыданьемъ громкимъ воззовешь:
 Я не проснусь! И что мы знаемъ?
 Не только завпра, сей же часъ
 Меня не будетъ! Кипю изъ ностъ
 Въ земномъ блаженствѣ не смущаемъ
 Такою думой?

О н а.

Что съ шобой?

Зачѣмъ твое воображеніе
 Предупреждаетъ Провидѣнье?
 Богъ милосердѣ, другъ милый мой!
 Здоровы, молоды мы оба:
 Еще далеко намъ до гроба.

О н ѣ.

Но все жъ умремъ мы наконецъ,
 Все ляжемъ въ землю.

О н а.

Что же, милой?

Если бытіе и за могилой,

Намъ общалъ его Творецъ.
 Спокойны будемъ: нѣтъ сомнѣнья,
 Мы въ жизнь другую перейдемъ,
 Гдѣ намъ не будетъ разлученья,
 Гдѣ всѣ земныя опасенья
 Съ землею пылью отряхнемъ.
 Ахъ! какъ любилъ безъ этой вѣры!

О н ѣ.

Такъ, Всемогуцй безъ нее
 Намъ искушать бы выше мѣры:
 Такъ, если другое бытіе!
 Уже ли нѣкогда погубилъ
 Во мнѣ Онъ шо, что мыслить, любить,
 Чѣмъ Онъ созданіе довершилъ,
 Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденіемъ,
 Міръ повнорилъ Онъ отраженіемъ
 И Самъ Себя изобразилъ?
 Уже ли Творческая сила
 Лукавымъ свѣтомъ бытіи
 Мнѣ ужасъ гроба озарила,
 И только?... Нѣтъ, не вѣрю я.
 Что свѣтъ являетъ? Пиръ нестройный!
 Презрѣнный въсплываетъ; достойный
 Поникъ гонимую главой;

Несчастливецъ добрый, счастливъ злой.

Какъ! не терпяща смѣшенья
 Въ сѣбѣ сплѣтыхъ вещеснѣ,
 На хаосъ нравственный возрѣвъ
 Не бросишь мудрость Божеснѣ!
 Какъ! между брашьями своими
 Мы видимъ правыхъ и благихъ,
 И, превзойдѣвъ дѣлами людскими,
 Не правъ, не благу Создатель ихъ?...
 Нѣтъ! мы въ ядоу испытаны
 И есть обитель возданы :
 Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
 Сяетъ день незаходимый,
 И оправдается незримый
 Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ!

О н а .

Зачѣмъ въ такія размышленья
 Ты погружаешься душой?
 Уже ли нужны, милый мой,
 Для убѣжденныхъ убѣдены?
 Премудрость Вышняго Творца
 Не намъ изслѣдовать и мѣрять:
 Въ смиренны сердца надо вѣрять
 И терпѣливо ждать конца.

Пойдемъ ; грустна я въ самомъ дѣлѣ,
 И оны манекенныя словъ твоихъ
 Я признаюсь, во мнѣ доселѣ
 Сердечный дурепецъ не зашпихъ.

Баратынскій.

М У З А.

Не осавляешь я Музою моею :
 Красавицей ее не назовушь ,
 И юности, узрѣвъ ее, за нею
 Влюбленною толпой не побѣгушь.
 Примагниваешь изысканнымъ уборомъ ,
 Игрою глазъ , блестящимъ разговоромъ ,
 Ни склонности у ней, ни дара пѣнья ;
 Но пораженъ бываешь мелькомъ свѣтъ
 Ея лица необщимъ выраженьемъ ,
 Достоинствомъ обдуманыхъ рѣчей :
 Съ ней , можешь быть , скучаешь обхожденьемъ ,
 Но съ похвалою относишься о ней.

Баратынскій.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ.

Люблю тебя: шлой разговоръ
 Раздумья сладостнаго полный,
 Периль и числѣ, какъ съ круши горъ
 Давно скапывшіяся волны;
 Твоя краса — весенній цвѣтъ;
 Ему и жадъ и зной опасенъ;
 И для тебя швой полдень ясенъ,
 Какъ для другихъ — одинъ разсвѣтъ!
 Твой умъ какъ будто съ чудесномъ въ спорѣ,
 Спирасней какъ будто ты чужда —
 Лишь непарокомъ иногда
 Огонь зажженъ въ шомномъ взорѣ
 И, какъ надущая звѣзда,
 Блеснешъ и гаснешъ . . . . И съ тобою
 Безпеченъ, свѣшель я душою
 И будто счастлишь! . . . . Но когда

Твоя соперница предъ нами
 Съ воспомной роскошью кудрей,
 Съ своими жаркими очами,
 Съ огнемъ поминельныхъ рѣчей —
 Ты клонишь голову стыдливо,
 При ней едва замѣнишь ты —
 Какъ слабый отблескъ красоны
 Роскошной, гордой и ревнивой...

Такъ мѣсяцъ, свѣтлый гость нощей,
 Съ зарею вступилъ на разсвѣтъ
 Терпѣть блескъ своихъ лучей —
 И упоаешь въ чуждомъ свѣтѣ!

А. Подолнскій.

Г у р т я.

« Не ходи на поле опивы ,
« Не шочи свой испатагъ ,
« Не спасуиъ тебѣ мошпвы
« Въ плучѣ спрѣвъ , оиъ ѣдкихъ ранъ !
« Милый другъ ! памъ за пророка
« Доны цѣлые въ крони —
« Не ходи жъ на вспрѣчу рока ,
« Осуши слезу любви ! » —

Дѣвъ робкой и покорной
Вонизъ-юнона внимать ,
И въ раздумьи локонъ черной
Ей свивать и развивать.
Пошухаетъ жажда браши ,
Въ сердце крадется печаль —
И скользнуть изъ жаркой длани
Недоноченая спаль ,

Вошъ и вечеръ ризой темной
 На сады, на волны палъ —
 Дѣвы милой, дѣвы пиомной
 Грустный другъ не покидать;
 Ихъ засыплетъ и часъ полночи —
 Съ грудью грудь, горять успа...
 И смыкается сладко очи
 Упомянутая жена.

Но, какъ съ неба гомубаго
 Сходитъ сонъ ночныхъ свѣтиль,
 Очи воина младаго
 Сонъ волшебный посѣпиль;
 Снилось: кино-шо въ моръ западъ
 Пролетѣлъ — и вдругъ исчезъ,
 Но съ возхода до заката
 Онъ раздвинулъ сводъ небесъ.

И въ снѣгахъ сходитъ дѣла —
 Кудри въ радужномъ плѣкѣ,
 Вѣтви божественнаго древа
 И фѣя въ ея рукѣ,
 Сидитъ въ дыму прозрачной шкани
 Вѣетъ, какъ снѣгъ на выси горъ;
 Грудь — какъ волны; очи — лани...
 Но упрямъ блещетъ взоръ.

Всплв медленно подьемивъ
 Полусонную главу —
 Пробудился онъ иль дремлетъ
 Онъ не помнитъ: И, дѣву
 Передъ нимъ все та же дѣва —
 Тотъ же блескъ со всѣхъ споровъ —
 И, какъ спротивный звукъ напѣва,
 Голосъ дѣвы слышитъ онъ :

« Не страшись ! — Я дѣва раи !
 « Я, на легкихъ крыльяхъ сна,
 « Изъ надсолнечнаго края,
 « Въ здѣшній мѣръ занесена.
 « Въ звѣдномъ хорѣ одинока,
 « Я полещу свершало мой,
 « И поклонника пророка
 « Жажду сирасной душой.

« Какъ недвижна свѣтила
 « Вѣченъ блескъ красы моей,
 « Врема, горе и мгила
 « Трапятъ власи, свою надъ ней !
 « Онъ моихъ лобзаній пашетъ —
 « Сердце въ пламени любви,
 « И, угасшій, воскресаетъ
 « Огнь желанія въ крови !

« Но того съ двойной любовью
 « Применъ Турія на грудь,
 « Кшо въ боахъ своею кровью
 « Освяиши пророка пушъ!
 « О, покни, кого ты любишь!
 « Спанъ подъ знаменемъ святымъ!
 « Ты небесное погубишь
 « Наслажденіемъ земнымъ! . . . ,

Смокла . . . ризой серебристой
 Обилась — и вся въ лучахъ,
 Какъ съ кадила паръ душистой,
 Дѣла понешъ въ небесахъ . . .
 И за ней палищимъ взоромъ
 Воишь вслѣдъ; — душа полна
 Сирасью новой, — и укоромъ
 Грудь порою сѣчена.

На подругу взводили очи —
 Но не къ ней любви огонь!
 Онъ вспаесть; подъ кровомъ ночи
 Тихо выведетъ имъ конь;
 За плечами лукъ и стрѣлы,
 Ятаганъ за кушакомъ;
 И понесся воинъ смѣлый
 На свиданіе съ врагомъ!

День зажегъ край востока —
 Пришче конь, — и скоро опъ
 Подъ знаменами пророка
 Съдокомъ оспановленъ;
 Мигъ вздохнуть — и вновь лепучій
 Въ бой помчался съ сѣдокомъ:
 И, какъ въ бурю шуча съ плучей,
 Вонь встрѣнился съ врагомъ.

Вдругъ ударъ! — облитый кровью
 Онъ падеть на грудь плѣтъ;
 Смерть надъ нимъ! — но къ изголовью
 Кипо-шо свѣшлый подлещилъ,
 Онъ взглянулъ: то дѣла рай!
 Все въ ней блескъ и красота —
 И заганся умирая
 И прильнуи къ ней уста!...

А. Подолнскій.

Я ВАСЪ ЛЮБИЛЪ....

И васъ любилъ; любовь еще, быть можетъ,
 Въ душѣ моей угасла не совсемъ;
 Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
 Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
 И васъ любилъ безпомимо, безнадежно,
 То робостью, то ревностью томимъ;
 И васъ любилъ такъ искренно, такъ нежно,
 Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

А. Пушкинъ.

КЪ ТѢННЕМЪ.

Hasst thou prayed....

Дездемона, Дездемона,
 Далека тревогъ земли
 Къ намъ изъ тучи, съ небосклона
 Ты дрожишь звездой любви.

Ты красу свою и младосинь
Обрела мечиъ святой;
Но тебѣ мелькнула радость
Подъ могильной пеленой.

Кто небесное дышала,
Такъ цѣлени здѣсь не могла;
Въ буряхъ неги ны искала:
Розу молній сожгла.

И молебъ шовой и спону
Африканецъ не внимать,
Въ спрасни буйной, Дездемону
Онъ для сердца сберегать.

И любовникъ безнадежный,
Звѣздный міръ спраша собой,
Все кометою мятежной
Онъ спремилъ за злобой.

И. Козловъ.

ИЗЪ БАЙРОНОВА ДОНЪ-ЖУАНА.

(Вольное подражаніе.)

О, любо памѣ! какъ мѣсяцъ полный
 Адриатическія волны
 Подерисятъ зыбкимъ серебромъ,
 И какъ плывесть, звуча несломъ,
 Спрямивъ гондолы бѣгъ урочный
 И мчигъ волна наивъ полнотный.
 И любо памѣ, какъ вѣтерокъ
 Съ листка порхаетъ на листокъ
 И сумракъ шѣнь свою наводитъ,
 Звѣзда вечерняя возводитъ
 Нѣтъ радуга въ краѣ цвѣтной
 На лоно опершись морское,
 Огнестрой, шажной полосой
 Обхватитъ небо голубое.

И люблю мнѣ, спѣша домой,
 Какъ ненаемный спорокъ мой,
 Собака добрая залаещъ,
 И знаешь о многомъ, какъ люблю мнѣ,
 Чую кино-по есть, кино въ тишинѣ
 Меня любовию ожидать,
 И видѣшь, какъ войду я къ ней,
 Чую взоръ ея при мнѣ свѣтаѣ;
 И, какъ подъ шумъ спрунъ лѣнливой
 Мнѣ люблю тихо вдатся сну,
 И люблю ласпочкой игривой
 Бышь на зарѣ пробуждену;
 И люблю слушать плетъ жужанье
 И пѣсни дѣтъ, и спрунъ пѣцетъ.
 Любимый звонъ, и лепетанье
 Двней, и прелестъ первыхъ словъ.

И. Козловъ.

С Ц Е Н А

ИЗЪ ТРАГЕДІИ ШЕКСПИРА

РОМЕО и ЮЛІЯ (*).

—*—

ДѢЙСТВІЕ III; явленіе I.

Площадь.

БЕНВОЛІО, МЕРКУТИО, ПАЖЬ и СЛУЖИ.

—*—

Б Е Н В О Л І О.

Уйдемъ, Меркутіо! День жарокъ. Нѣтъ
Изъ Капуленовъ дома никого.

(*) «Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ попра-

Не миновать намъ ссоры, если съ ними
Мы вступимся : въ жары и кровь киинуть.

М Е Р К У Р И О.

Ты похожъ на забіяку, который, войдя въ пракштръ, кладетъ шагу на шнотъ и говоритъ: «дай, Господи, чинобы мнѣ сего дня въ ней не было нужды,» а пошомъ, не успѣвъ допить второй рюмки вина, безъ всякой причины шомчась ее на-голо передъ пракширищкомъ.

плены. Трагедіи: *Ромео и Джульета*, хотя слогомъ своимъ и совершенно оидаются оиъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ живо входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ воли и широкости его кисти, что ее должно почесть сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилась Италия, современная поэма, съ ея кавальеромъ, спрассами, праздниками, шбой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и conceiti. Такъ поналъ Шекспиръ драматическую мѣстность. Послѣ Джульеты, послѣ Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданий Шекспировской граціи, Меркуцію, образецъ молодого кавалера того времени, изысканный, привлек-

Б Е Н В О Л И О.

Я похожъ на забѣлку?

М Е Р К У Т И О.

Полно, полно; ты въ своемъ родѣ никакъ же бѣшеное шутишь; какихъ довольно въ Италию; поспѣшно горячишься, и горячь въ поспѣшности.

Б Е Н В О Л И О.

А что что значить?

М Е Р К У Т И О.

То, что если бы подобныхъ тебѣ было двое, мы скоро бы ихъ лишились обоихъ; потому что они бы другъ друга убили. Ты! ты поссоришься и за то, что у кого нибудь борода однимъ волоскомъ

живый, благородный Меркуцио есть замѣчательнѣйшее лицо изъ всей пражедити. Поэтъ избралъ его въ представителя Итальянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, Французами XVI вѣка, »

*(Извлечено изъ рукописнаго сочиненія
А. С. Пушкина.)*

больше или меньше ливоей; ты поссорился, если кто станетъ грызть орѣхи, отъ того, что у тебя глаза орѣхового цѣвна; какой бы глазъ кромѣ этого открылъ подобную причину къ ссорѣ? Въ ливоей головѣ все ссоры, какъ въ яйцѣ все съѣдое; но отъ ссоръ и дракъ она спала также пуща, какъ выведенное яйцо. Не старался ли ты съ кѣмъ-то заспорить, потому что онъ кашлемъ на улицѣ и кашлемъ своимъ разбудилъ ливою собаку, спавшую на солнцѣ; съ поршнымъ, что онъ до праздника Паски надѣлъ платье съ новой подкладкой, и еще съ кѣмъ-то другимъ, что у него новые башмаки были завязаны сахарой ленточкой? И ты меня предостерегаешь отъ ссоры?

Б Е Н В О Л І О.

Если бы я приваэпъ былъ, какъ ты, то первый встрѣчный могъ бы купить за часъ съ четвертью доходъ всей моей жизни.

М Е Р К У Т І О.

Всей жизни доходъ? Шушь!

(Тайбальтъ и другіе приходятъ.)

Б Е Н В О Л І О.

Головой ошлѣчаю, что идутъ Капулены.

МЕРКУТІО.

А я пашой, чюно пашю на нихъ.

ТАЙВЛАДЬТЪ.

Не отходивше отъ меня; я хочу съ ними говорить. Здравствуйные, господа; на словцо одиць изъ васъ!

МЕРКУТІО.

Словцо отъ васъ, словцо отъ насъ, такъ будешъ цара словъ и ударъ.

ТАЙВЛАДЬТЪ.

Я, сударь, готовъ на это, лишь только бы вы подали къ тому поводъ.

МЕРКУТІО.

Не можешь ли ты найми его, хоть бы тебѣ и не подшали.

ТАЙВЛАДЬТЪ.

Меркушіо, ны сыгрался съ Ромео?

МЕРКУТІО.

Сыгрался? Какъ, не почитаетъ ли онъ насъ за скрипачей? Но если бы мы и скрипачи были, такъ

замѣтъ, что у насъ съ шебою вышла бы разногласица. Бонъ мой смѣхъ: онъ шебу засмѣивать паясникъ. Чортъ меня побери: сыгрался!

Б Е Н В О Л І О.

Подумайше: на улицѣ мы споримъ.
Пойдемше въ ссорону. Или спокойно
Обиды разбираемъ, либо лучше
Уйми онсюда: всѣ глупишь на насъ.

М Е Р К У Т І О.

На шѣ глаза. Пускай глупишь, кпо хочешъ,
А я ни для кого не пропущу съ мѣста.

(Приходитъ Ромео.)

Т А Й Б А Л Ъ Т Ъ.

Ну, съ вами, сударь, миръ. Бонъ человекъ мой!

М Е Р К У Т І О.

И дамъ себя повѣсить, если онъ
Твою анирею носитъ. Онъ поидетъ
На драку; такъ мы играемъ: онъ человекъ.

Т А Й Б А Л Ъ Т Ъ.

Ромео, по моей къ тебѣ любви,
Тебѣ нѣтъ лучше имени: подлець!

Р О М Е О.

Мнѣ, Тайбальтъ, надобно тебя любить,
 И ливой бѣшеный привѣтъ прощаю.
 Я не подлецъ: и пакъ разспанемся,
 Я впаку: ты меня еще не знаешь.

Т А Й Б А Л Ь Т Ъ.

Обидѣ своихъ пакъ не загладишь ты.
 Нынѣ, воротишь и шпагу на-голо!

Р О М Е О.

Клянусь, что я тебя не обижалъ;
 Люблю тебя и больше, нежели
 Предсказавишь можешь ты, пока не знаешь
 Причину моей любви. Доволенъ будь же,
 Мой добрый Капулетъ, чье имя пакже,
 Какъ собиивенное, драгоценно мнѣ.

М Е Р К У Т И О.

О нѣзкая, безчестная покорность!
 A la stoccata, чшобъ изгладишь это!

(Обнажаетъ шпагу.)

Со мною, Тайбальтъ, хочешь, крысоловецъ?

ТАЙВАЛЬТЪ.

Чего ты отъ меня хочешь?

МЕРКУТИО.

Добрый царь конекъ, ничего больше, кромѣ одной изъ десятиц ливонхъ жнаний, чтобы послушать съ нею, какъ захочу; а послѣ, когда ужъ ея ты мнѣ услужилъ, унизножу я легко иосылатьна косемь. Берн же свою шнагу за уши, чтобы вышнать ея изъ фуллара; поскорѣ, а не то, прежде, нежели она ливнся, моя будетъ на ушахъ ливонхъ.

ТАЙВАЛЬТЪ (*обнажая шнагу.*)

Я шной.

РОМЕО.

Любезный Меркуніо, спрячь свою шнагу!

МЕРКУТИО.

Ну, сударь, выгадай!

(*Они бьются на шнагахъ.*)

РОМЕО.

Бенволио, на-голо!

Обездоружимъ ихъ, Стыдь, господа!

• •

Видь именно приказъ дѣлать, чѣмъ не дрались
На улицахъ. Меркушь, Тайбальтъ, стойте!

(Тайбальтъ и его сообщники уходятъ.)

МЕРКУТІО.

Я раненъ.

Будь оба дома прокляты! Вошь я

И при смерти. Уже ль онъ цѣль ушелъ?

БЕНВОЛІО.

Какъ, раненъ ты?

МЕРКУТІО.

Да, оцарапанъ славно.

А гдѣ мой пажъ? Пошелъ за лекаремъ!

(Пажъ уходитъ.)

РОМЕО.

Не безпокойся: рана не опасна.

МЕРКУТІО.

Нѣтъ, она не такъ глубока, какъ колодязь, и не
такъ широка, какъ церковныя двери; но изрядна:
свое возменитъ. Навѣсните меня замира, и вы уви-
дите, какъ я буду лежать важно. Увѣрю васъ,

по я опжилъ, по крайне мѣрь для здѣшняго сѣ-
ла. Будь они прокляты, оба ваши дома! Чорить
они поberi! Собака, крыса, мышь, коника, оца-
пань-человѣка до смерти! Красшувъ, негодай,
одлецъ, который дерется только по правиламъ
рыцаренники! Задѣлъ вась чорить сунуть между ва-
и? Я получалъ ударъ подъ вашу руку.

Р О М Е О.

[Дѣлалъ къ лучшему.]

М Е Р К У Т І О.

куда ишбудъ сведи меня, Бенволио,
ль чувствуй мнѣсь. Будь оба ваши дома
проклятыю преданы. Они меня
болѣе на съдѣнье ондали червямъ.
Кесноко раненъ я. Охъ, ваши дома!

(Меркутіо и Бенволио уходятъ.)

Р О М Е О.

ей благородный, Книзи родственникъ,
ей вѣрный другъ мой, за меня ишерь
мершально раненъ. Тайблалъ честь мою
обидой посрамилъ, а онъ небольшое
какъ чась одинъ мнѣ родственникомъ снелъ.
Юлія, своєю прелестною

Ты въ женщину меня преобратила:
Утрачены и мужество и сила.

Б Е Н В О Л И О (*возвращается.*)

Ромео, храбрый нашъ Меркутио
Скончался: благородная душа,
Презрѣвши землю, къ небу воспарилъ.

Р О М Е О.

О мрачный день! Печали роковыя
Пришли: конецъ ихъ дни узрять другіе.

(*Тайбальтъ возвращается.*)

Б Е Н В О Л И О.

Вотъ Тайбальтъ просинный идетъ назадъ.

Р О М Е О,

Живъ, весель! А Меркутио убить!
Потщипельная кровососъ, возвратись
На небо! Просишь огнеока,
Будь мнѣ вождемъ! Возми же, Тайбальтъ, пми,
Которое сей часъ ны мнѣ давалъ.
Душа Меркутио парить надъ нами
И ждетъ въ союзицы твою. Иль ты,
Иль я, иль оба съ нѣмъ соединимся.

ТАЙБАЛЪТЪ.

Мамчинка и его товарищъ, ны
Отправившись къ нему.

РОМЕО.

Вонъ кино рѣшится.

*(Они бьются на шпагахъ. Тайбалътъ
падаетъ.)*

БЕНВОЛІО.

Бѣги, Ромео: граждане въ смятеніи.
Что спать здѣсь? Тайбалътъ мерщвъ. Бѣги!
Тебя на смерть осудитъ Князь, когда
Ты будешь взятъ.

РОМЕО.

Я счастья шую.

БЕНВОЛІО.

Ну, что жъ ты здѣсь?

*(Ромео уходитъ. Приходятъ граж-
дане.)*

Г р а ж д а н и н ъ.

Куда онъ убѣжалъ?
Гдѣ Тайбальнъ скрытъ, Меркутіо убійца?

Б е н в о л і о.

Вонъ онъ проспернъ.

Г р а ж д а н и н ъ.

Слушай же ны за мной:
Я именемъ приказываю Князя.
(Приходитъ Князь и его свита, Мон-
тэго, Капулетъ, ихъ жены и другіе.)

К н я з ъ.

Гдѣ низкіе виновники смущенія?

Б е н в о л і о.

Я расскажу тебѣ все, государь,
Подробности ихъ ссоры роковой:
Вонъ храброго Меркутіо убійца,
Сраженный самъ Ромео молодымъ.

Л е д и Капулетъ.

Племянникъ! Тайбальнъ! О ужасный видъ!
Сынъ брата моего въ крови лежитъ!

Пусть, государь, судъ правый нареченъ:
Кровь Монтегио за нашу кровь прольется!

К н я з ь.

Бенволио, кто былъ зачинщикъ ссоры?

Б е н в о л и о.

Рукой Ромео пораженный Тайбальтъ,
Ромео говорилъ ему спокойно,
Просилъ размыслишь, какъ легко заспорить,
И предсказывать твоей гибели. Онъ говорилъ
Все крошечко, мирно; даже униженно
Просилъ: но къ миру преклонить не могъ
Неукротимой Тайбальшовою злобой.
Не зная почему, со злостью онъ
На храбраго Меркушио напасть.
Спрямившійся, подобно недругу,
Противникъ началъ смертной поединокъ:
Онъ съ гордостью воинской устремлень
Одной рукою смерть, другою наносилъ
Те врагу; межъ нѣмъ искусный Тайбальтъ
Противнику се передаетъ.
«Остановицесь,» громко нѣмъ кричитъ
Ромео, «разойдитесь, друзья!»
И, дѣйствуя рукой быстрѣ словъ,
Хватается за смертоносныя

Ихъ шпаги , клонилихъ ихъ къ землѣ , и самъ
 Бросался межъ нихъ : но Тайбальта
 Ударъ смертельный подъ рукой Ромео
 Доходившъ прямо до истока жизни
 Безстрашнаго Меркутіо. Тогда
 Сокрылся Тайбальтъ. Только вдругъ опянь
 Приходитъ онъ къ Ромео , лишь въ душѣ
 Его родилось желанье мести.
 Какъ молнія другъ къ другу усстремится :
 Я шпаги не успѣлъ извлечь , чтобъ ихъ
 Разилихъ , уже опьяннѣй Тайбальтъ цѣль.
 Увидя это , скрылся и Ромео.
 Вошъ испица , напъ пусшъ я умру.

Л Е Д И К А П У Л Е Т Ъ .

Тутъ ложъ ; въ родѣ присирашнѣ говорятъ ;
 Сражалось двадцать , а одинъ убишъ .
 Суди насъ , государь : пивой достъ судъ правый .
 Отмщенья пребуенъ ударъ кровавый :
 Рукой Ромео Тайбальтъ пораженъ ;
 Ромео жизни долженъ бытъ лишень .

К Н Я З Ъ .

Ромео Тайбальта , а онъ Меркутіо
 Убилъ : кто мнѣ за эту кровь заплатитъ ?

Л Е Д И М О Н Т Э Г Ю .

Ахъ, но Ромео, государь: онъ былъ
 Меркушьо другъ, и чинъ бѣ законъ свершилъ;
 Обрекли Тайбальша на смерть, то мщеньемъ
 Ромео кончилъ.

К Н Я З Ъ .

Эпимъ пресупупленемъ
 Онъ заслужилъ изгнаніе онъ насъ.
 Средь вашихъ ссоръ моя кровь пролилась:
 Но казнь вамъ приговарю я въ оппалау,
 И вы мою оппачете уппапу;
 Я буду глухъ; меня не умолишь;
 Оспавыше слезы; имп вамъ не смышь
 Своихъ злодѣйствъ. Ромео долженъ скрыться,
 Или въ ночь часъ онъ съ жизнью разлучится,
 Когда здѣсь будетъ пойманъ.

(Къ свитѣ своей.)

Трупъ убрать

И новыхъ повѣдній ожидать!
 И милосердіе убійствомъ будешь,
 Когда убійцу ближнихъ не осудишь.

★ ★

С Л Е З А.

Когда печали неослабной
 Въ тебѣ подымется гроза
 И нехотя слезою крупной
 Твои увлажнятся глаза,

И и въ то время съ наслажденьемъ
 Еще внимательнѣй, живѣй,
 Любуюсь пылымъ выраженъемъ,
 Пригожей горести твоей.

Съ лазурью голубаго ока
 Играешь выбкій блескъ слезы,
 И мнѣ сдается: перлъ восточа
 Скамился съ свѣтлой бирюзы,

Кн. Вяземскій.

К Ъ   А.   Н.

Счастливы ны въ предстанныхъ дурахъ,
 Въ службѣ, въ карнахъ и въ пирахъ;
 Ты St. Priest въ каррикатурахъ,
 Ты Пелединскій въ снѣгахъ,
 Ты проси́рленъ на дуэль,
 Ты разрубленъ на войнѣ, —
 Хоть герой ны въ самомъ дѣлѣ,
 Но повѣса ны вполнѣ.

А. П.

ИЗОБРѢТЕНІЕ ВАЯШІА.

Идиллія.

(Посвящается В. Н. Григоровичу.)

« Въ куцу ко мнѣ, пасухи и пасушки! Въ куцу
скорѣ,
Старцы и жены, годами согбенны! Къ чуду вась
кличу!

Вогит блага мена, презрѣвшаго дѣвой жестокой,
Дивно возвысила! Слабые взоры мои уладилась
Свыплывъ, небеснымъ видѣнемъ! Персы мои со-
вершила,

Смертныя, дѣло безсмертное! Зовъ мой услышьте,
бѣгните

Въ куцу ко мнѣ, пасухи и пасушки! Въ куцу
скорѣ,
Старцы и жены, годами согбенны! Къ чуду вась
кличу! »

Такъ по холмамъ и долинамъ бѣгать и голосомъ
 звонкимъ
 Канкалъ, мирно пасущихъ стада паспуховъ Ионій-
 скихъ,
 Ликидасъ юный, изъ розовой глины шворнившій
 искусно
 Чашу, амфору и урны печальныя, именемъ слав-
 ный,
 Пламеннымъ сердцемъ несчастный! Любовь безъ
 раздѣла несчастье!
 Ликидасъ, всѣмъ любимый, былъ презрѣнъ единой
 паспухой,
 Злою Харитой, которою онъ безразсудно влюбил-
 ся! —

— Образъ Хариты! Хариты живая! Хариты изъ
 глины! —

Разомъ вскричали въжавшіе въ кущу. Крики сли-
 лися
 Въ радостный вой, возходящій до неба, и въ узкія
 двери,

Словно рѣка, паспухи полекли, толпа за толпою.
 «Други, раздайтесь!» имъ Ликидасъ молвилъ.

«Такъ, образъ Хариты,
 Дѣвы жестокой вы видите! Боги сей подѣлы ве-
 ликой

Мнѣ помогая совершить и глину простую въ не-
 бесный

Облакъ одѣли, но въ прочистии еѣ отказали! Раз-
дайтесь,

Други, молю васъ! Можеть нѣмой, въ тѣснотѣ
продираясь,

Вдругъ безъ намѣренья ринулись прямо на ликъ сей
и глину

Смѣшь, и меня еще въ заѣвшую долю повертнуть!
Садитесь

Крайніе, вы же всѣ замолчите, вамъ чудо скажу я!

« Много дней и ночей, шомить безнадежной лю-
бовью,

Сна не зналъ я, пищи не брать и дѣла не дѣлать.

Словно призракъ печальный, людей убѣгал, блуж-
дать и

Вдоль по пустынному берегу морскому; слышать
снѣжанье

Волить и имъ отвѣчать неуспѣшнымъ рыданіемъ.
Пыльче

Ночью, — какъ и когда, не принимаю, — упалъ на
песокъ я,

Смолокъ и забылся. Къ утру, чувствую, шеплой
рукою

Кипо-що плечо мое пронзатъ и будить меня и при-
лжно

На ухо шепчетъ: » Ликидасъ, встань! Подкрѣпи
себя пищей,

Въ кущу иди и за дѣло примись! Чпо сотеоришь
 ны,
 Вѣсно Кипридъ въ даръ принесетъ : уврачуешь богиня
 Сердце недужное! » Изоры я подыять — напрасно!
 Поднялся —

Нѣтъ никого ни въ близки, ни въ дали! Но совѣсны
 благіе

Въ сердце запалъ послушное: въ кущу иду я и глану
 Миу и мягкій кусокъ ондѣлишии, на кругъ полсергану;
 Свѣтъ я, не зная чпо дѣлашь : по глыбѣ послушной
 безъ мыслей

Пальцы блуждаютъ, глаза не смонрантъ за ними,
 а сердце —

Сердце далеко, на гордоснѣ Хариты, несчастное,
 ропчешъ!

Вдругъ, какъ лучемъ неожиданнымъ въ бурю, мени
 поразило

Чпо-то знакомое: я вспрепенулся и сердце забилося.

Богиня! на глыбѣ я вижу очеркъ прямой и чудесный

Лба и носа прекрасной Хариты, дивно похожій!

Вижу: и кудри густыя, кругомъ завитыя, нови-
 слы;

Мѣсто для глазъ ужъ назначено, пальцы жъ тру-
 дятся добраться

Въ мякоти чудной до успѣть говоравыхъ! Стѣшного
 мига

Я не знаю, чпо было со мною! Пламя, не сердце

Билось во мнѣ и не въ персяхъ, а въ цѣломъ разди-
 тое тѣлѣ,

Съ темя до ногъ! И руки мои, и глина, и куца,
 Дивно блистая, вернулись! Лишь помню; прекра-
 сный младенецъ

Снѣрѣкой златою по глини сверкалъ, придавая по
 гордоси

Свѣплому лбу, по понянчивоси въ глазу, по рос-
 конь ланнинамъ;

Кончила улыбкой, улыбкой заманчиво-сладкой!
 « Свершилось!

Съ мѣсна возсталъ я, закрыть рукою глаза, а другою
 Кудри свои захватилъ и подернуть: хотѣлъ я скорѣе
 Боль почувствовать, все ли живу я, узнать! —

« Совершилось
 « Смертнымъ бессмертное! » голосъ священный вне-
 запно раздался:

« Эрмій, разкуй Промедея! Спарецъ, уткнулся межъ
 славныхъ

« Тѣней! Небесный огонь не воще похитишь былъ
 побоею!

« Пользой твое свящотатство изгладилось! Ты же,
 мгновенной,

« Бренной красъ даровавший бессмертье, взглянь, какъ
 попомкамъ

« Позднимъ твоимъ представлялся богъ въ неважн-
 номъ сіяньи,

« Камень простой, искусством живопись, оживлять
 въ ихъ подобьи,
 « Смертныхъ красой къ небесамъ восхищать и о
 Зевсе глаголанъ! »

« Гдѣ я? Сирѣма прорѣзала небо! Олимпъ предо
 мною!
 Тебѣ - Аполонъ, эно шы, эно шы! Тешита еще
 споненъ,
 Взоръ за стрѣлой еще слѣдуетъ, славой чело и ла-
 нины
 Блещутъ; лишь длань успокоилась, смериль со сирѣ-
 лою нусивани!
 Миѣ ли предъ вами спонанъ, о безсмертные боги!
 Кольни
 Гнутся, паду! Тебѣ я сей ланъ приношу, Кисерел,
 Дивно изъ моря изшедшая въ радость безсмертнымъ
 и смертнымъ!
 Слѣпцу! Узрѣвъ я Зевеса съ Горгоной на длани мо-
 гучей!
 Кудри, какъ полные грозды, вѣнчаютъ главу зо-
 лотую,
 Въ легкомъ наклонѣ покрывшую вѣчный Олимпъ и
 всю землю! »

Баронъ Дельсигъ.

К О Н Е Ц Ъ.

011013

011013